АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

М. М. ТРАПШ

ТРУДЫ

•

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ I

Сухум - 2017

УДК 902/904
ББК 63.4 (5Абх)26-42я54
Т 65

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Редакционная коллегия:
А. Е. Ашуба, И. И. Цвинариа, А. Ю. Скаков,
Г. А. Сангулиа, В. А. Нюшков

Научный редактор:
Джопуа А. И.

М. М. ТРАПШ
Т Р У Д Ы. В пяти томах. Том I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА. – Сухум: Дом печати, 2017. - 236 с.

Г/р 978-5-111-72-10017

АбИГИ им. Д.И. Гулиа, 2017

МИХАИЛ ТРАПШ И ПЕРЕИЗДАНИЕ ЕГО ТРУДОВ ПО АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ И КАВКАЗА

Абхазская археология прошла непростой и тернистый путь становления и развития. И, безусловно, весомый вклад внес в неё выдающийся абхазский археолог и ведущий специалист по древностям Абхазии и Кавказа Михаил Маметович Трапш.

Многолетние полевые работы археологических экспедиций во главе с М. Трапш позволили сделать значимые для абхазоведения открытия.

Рядом с ним на ниве археологии трудились молодые и опытные ученые разных национальностей, не только сотрудники ряда учреждений Абхазии, но и центральных ведомств Союза ССР. Творческие связи и научная переписка, обсуждения, сессии, совещания, участие в незапланированных мероприятиях – М. Трапш становится незаменимым специалистом по археологическим памятникам Абхазии и всех регионов, связанных с ней и её народом своей исторической судьбой. Открывая многотомные труды археолога (их было бы гораздо больше, если бы не его внезапная смерть), ознакомившись с ними, непредвзятый читатель увидит, что ученый во многом опередил свое время и оставил как полевые находки эпох древности и средневековья, так и серьезные результаты их всестороннего научного исследования, интерпретаций и исторических заключений.

Вот почему по нашей инициативе принято решение дополнить обобщающее издание трудов ученого еще одним томом, где будут отражены все стороны его творчества, весьма интересные наблюдения, а также волнующие страницы его полевых записей. В этих работах, по нашему мнению, – индивидуальность, творческий характер его натуры, и, конечно же, не менее ценные первоначальные мысли о по хронологии, периодизации и типологии памятников исторического наследия Абхазии.

Нет сомнения в том, что открытие неизвестных страниц его научного наследия, во многом сложного и неординарного, сможет вывести из тени те грани образа М. Трапш, которые во многом, увы, сегодня незаслуженно забываются. В настоящее время уже используются полевые дневниковые записи ученого из фондов археологии Абхазского государственного музея, наряду с представленными здесь материалами его раскопок. Отечественная абхазская и мировая археология, безусловно, обогатилась трудами Михаила Маметовича Трапш.

А.И. Джопуа, Г.А. Сангулия

М. М. ТРАПШ

ТРУДЫ

•

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Редакционная коллегия:

Г.А. ДЗИДЗАРИЯ (председатель),
А.М. АПАКАИДЗЕ, Ш.Д. ИНАЛ-ИПА, Л.Н. СОЛОВЬЕВ,
А.Х, ХАЛИКОВ, Л.А. ШЕРВАШИДЗЕ

•

Сухуми - 1970

М. М. ТРАПШ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ • И • РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В АБХАЗИИ

Составитель тома и ответственный редактор

А.Х. ХАЛИКОВ

Сухуми – 1970

Первый том трудов абхазского археолога М.М. Трапш, безвременно скончавшегося в расцвете творческих сил, включает в основном работы, посвященные истории Абхазии периода бронзы и раннего железа. Здесь наряду с материалами широко известного Куланурхвского могильника публикуются также и новые интересные памятники, в частности, ряд кладов бронзовых орудий доколхидского и колхидского времен (Лыхненский, Гальский и др.). Не только для специалистов, но и для широкого круга читателей представят интерес статьи М.М. Трапш общего характера, посвященные истории древнейшей и античной Абхазии, а также изучению археологических памятников края.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В АБХАЗИИ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

24 февраля 1968 года абхазский народ, историческая наука Кавказа и советская археология понесли тяжелую утрату. В расцвете творческих сил безвременно скончался Михаил Маметович Трапш – заслуженный деятель науки Абхазской АССР, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР.

М. М. Трапш в течение многих лет проводил широкие археологические исследования на территории Абхазии и прилегающих областей Кавказа. В результате им был накоплен огромный и чрезвычайно ценный в научном отношении историко-археологический материал по эпохам бронзы, раннего железа, античности и раннего средневековья, без изучения которого практически невозможно выяснить даже основные моменты развития истории не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа.

В последние годы М. М. Трапш, наряду с проведением углубленных археологических поисков, занимался обобщением накопленных им археологических сведений. Он работал одновременно над созданием двух крупных монографий – «Древний Сухуми» и «Культура Цебельдинских некрополей». Безжалостная смерть лишила его возможности увидеть публикацию этих исследований.

28 февраля 1968 года Совет Министров Абхазской АССР принял решение издать в течение 1968–1970 гг. научное наследие М. М. Трапш. Абхазским институтом языка, литературы и истории имени Д И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР и издательством «Алашара» была создана редакционная коллегия в составе члена-корреспондента АН Груз. ССР А. М. Апакидзе, докторов исторических наук Г. А. Дзидзария (председатель), Ш Д. Инал-ипа, А. Х. Халикова, кандидата исторических наук Л. Н. Соловьева и кандидата искусствоведческих

наук Л. А Шервашидзе. Редколлегией было рекомендовано издание научного наследия М. М. Трапш в четырех томах.

Первый том посвящен в основном памятникам эпохи бронзы и раннего железа, среди которых особое место занимает Куланурхвский могильник VIII–VI вв. до н. э. Наряду с публикацией обобщенных материалов этого могильника в том включены также сведения о ряде кладов и находок доколхидского и колхидского времен (Гальском, Очамчирском, Лыхненском и др.). Первую часть тома составляют статьи М. М. Трапш общего характера, посвященные истории изучения археологических памятников Абхазии, и очерки истории Абхазии древнейшего и античного периодов.

Второй том целиком включает монографию «Древний Сухуми», написанную М. М. Трапш на основании многолетних исследований археологических остатков античных городов Диоскурии и Себастополиса, расположенных на месте современного Сухуми, а также обширных некрополей позднеколхидского и античного времен на горе Гуадиху и в поселке Красный маяк. Здесь же публикуются новые сведения и о других памятниках античного времени в Абхазии.

Третий том, подготовленный М. М. Трапш при жизни под названием «Культура Цебельдинских некрополей», посвящен обобщению результатов многолетних исследований, открытых М. М. Трапш уникальных могильников III–VI вв. н. э. Цебельды. Автором устанавливается принадлежность этих могильников древнейшим абхазским племенам – апсилам, что имеет особо важное значение для решения проблемы этногенеза абхазского народа.

Четвертый том, посвященный в основном памятникам средневековой Абхазии, включает материалы раскопок М. М. Трапш таких памятников, как Анакопийская крепость, замок Баграта и др. Здесь же помещены результаты дополнительных исследований Цебельдинских некрополей, проведенных им в 1967 г. В томе публикуются отдельные статьи, рецензии и заметки М. М. Трапш, связанные с изучением археологии и истории Абхазии.

При составлении указанных томов и подготовке их к изданию редакционная коллегия стремилась в первую очередь включить в их содержание неопубликованные работы М. М. Трапш. Наряду с этим редколлегия сочла необходимым публикацию его некоторых ранее напечатанных монографий и статей. При повторной их подготовке к

печати они сличались с подлинниками рукописей и иногда дополнялись новыми данными автора. В значительной степени улучшены и иллюстрации этих работ, для чего составителям пришлось просмотреть археологические коллекции, собранные М. М. Трапш и хранящиеся в АбИЯЛИ.

Разбор и первичная подготовка к изданию архива М. М. Трапш проведены его вдовой Валентиной Григорьевной Трапш при активной помощи Ю. Н. Воронова и участии сотрудников АбИЯЛИ Г. К. Шамба и М. М. Гумба.

Настоящий том составлен и отредактирован А. Халиковым. Биографическая статья написана Л. Н. Соловьевым и А. Х. Халиковым. В подготовке к изданию тома принимали участие А. И. и Ю. Н. Вороновы. Иллюстрации выполнены художником В. С. Орелкиным.

Редакционная коллегия выражает свою благодарность указанным товарищам, а также всем организациям и лицам, содействовавшим публикации трудов М. М. Трапш.

М. М. ТРАПШ
(1917–1968)

Михаил Маметович Трапш родился 10 октября 1917 года в абхазском селении Куланурхва Гудаутского района. Он был ровесником Великой Октябрьской революции не только в буквальном смысле, по дате своего рождения, но и по внутреннему содержанию великих перемен, наложивших свою глубокую печать на жизненный путь М. М. Трапш.

При других обстоятельствах мальчик, родившийся в крестьянской семье, скорее всего разделил бы судьбу многих своих сородичей, называвшихся на языке царских чиновников «инородцами». Образование для них считалось излишней роскошью, а в глазах определенных кругов – даже вредным.

Но перед небольшим абхазским народом встала заря новой жизни, и умный отец Миши – Мамет Шаханович Трапш понял это и, заметив способности сына, постарался, несмотря на все трудности и лишения, дать ему образование.

Следует отметить, что Мамет Шаханович был для своего времени одним из образованных абхазцев – ему с большим трудом удалось научиться грамоте, да и то мусульманской, в батумском медресе. Но он всю свою жизнь стремился к знаниям и самостоятельно изучил абхазскую и русскую письменности. До сих пор, несмотря на свои преклонные годы, Мамет Шаханович не оставляет без внимания литературу на родном языке[1]. И свою любовь к знанию, к человеческой мудрости, изложенной в книгах, он постарался привить и своему сыну Мише.

Усадьба семьи Трапш, как выяснилось в дальнейшем, была расположена у подошвы большого могильника эпохи поздней бронзы. Помогая отцу вскапывать огород, мальчик не пропускал ни одной находки. В этих странных бронзовых предметах, покрытых зеленым

налетом (патиной), он чувствовал иную, далекую жизнь, так чудесно увязывавшуюся с теми таинственными богатырями-нартами, о которых ему иногда рассказывал отец, и в его пытливом уме утвердилась мысль, что когда он вырастет, то постарается при помощи этих вещей узнать древнейшую историю своего народа, тогда еще никем не написанную.

Окончив в 1933 г. 7 классов Гудаутской средней школы, он поступает в Гудаутский сельскохозяйственный техникум, а в 1935 г. – в Сухумский государственный педагогический институт, на историческое отделение, которое заканчивает в 1939 году, с отличием[1].

В этом же году Абхазский научно-иоследовательский институт направил его на учебу в аспирантуру при Институте языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии Наук СССР в г. Тбилиси.

Но учиться дальше не пришлось, так как Михаил Маметович был призван в Советскую Армию на действительную военную службу, которую проходил с 1939 по 1941 гг. в Крыму, в г. Симферополе.

Началась война, и молодой абхазец идет защищать свою Советскую Родину. В январе 1942 г. он участвует в боях в составе группы, которой было поручено освобождение г. Ленинграда, сжатого кольцом противника. В жестоких битвах, разгоревшихся на Волховском фронте, М. М. Трапш был тяжело ранен и поправился лишь в июне 1942 г. Вернувшись в свою часть, он в июле 1942 г. вступает в ряды партии. Вскоре М. М. Трапш был направлен на курсы при Военно-политическом училище. По окончании курсов был оставлен в училище командиром курсантского взвода. После этого он был назначен командиром отдельной снайперской роты 29-го стрелкового полка 40-й учебной дивизии Уральского военного округа. Там его застало окончание войны, и в конце 1945 года М. М. Трапш был демобилизован из Красной Армии, где в общей сложности пробыл около шести лет.

Это был период не только суровых жизненных испытаний, но и время проверки серьезности принятых еще в молодости решений. Он добивается восстановления в аспирантуру при Институте истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР и заканчивает ее под руководством известного археолога, профессора Г. К. Ниорадзе по археологической специальности в 1949 году.

[1] **А. Джениа.** В гостях у большого читателя. «Алашара», № 5. Сухуми, 1967, стр. 86–88; **Л. Н. Соловьев, В. П. Пачулиа, М. М. Трапш,** 1968, № 4, стр. 304–305.

Первым желанием молодого ученого было попробовать получить ответы на вопросы, волновавшие его в детстве. Еще будучи аспирантом, М. М. Трапш в 1948 г. производит раскопки на участке отца в с. Куланурхва, и сразу же необычайные, непонятные в детстве предметы заговорили языком истории. И это не были обыденные результаты трудоемких и подчас монотонных археологических раскопок. Когда, приехав в Сухуми, Михаил Маметович развернул свертки со своими находками, в Сухумском музее археологи признали, что эти предметы далеко не повторяют хранящийся в музее многочисленный инвентарь погребений позднебронзовой эпохи, а образуют редкое сочетание, позволяющее по-новому прочесть историю края. С увлечением обработав материалы раскопок, М. М. Трапш в 1951 году закончил интересную работу «Куланурхвский древний могильник», которую он тогда же успешно защитил в г. Тбилиси на ученую степень кандидата исторических наук.

В этом первом опыте самостоятельной работы проявились некоторые особенности, отличавшие М. М. Трапш в дальнейшем. Несмотря на то, что в Сухумском музее хранятся значительные археологические коллекции, Михаил Маметович предпочитал строить свои работы не на этом, собранном другими исследователями материале, а на материале, добытом собственными раскопками. Навыки полевой археологической работы он приобрел, участвуя в экспедициях Института археологии АН СССР на Таманском полуострове и в раскопках Гос. Эрмитажа на городище Кармир-Блур в Армении. «Его учителями и наставниками были такие видные советские археологи, как Г. К. Ниорадзе, Б. Б. Пиотровский, В. Д. Блаватский. Плодотворным для формирования научных взглядов М. М. Трапш было его научное общение и дружба с замечательным кавказоведом А. А. Иессеном.

В своей археологической работе М. М. Трапш стремился к широкому охвату неисчислимых памятников древней культуры Абхазии – от эпохи поздней бронзы до средневековья включительно. Постепенно вырисовывались контуры трех больших проблем, изучению которых М. М. Трапш и посвятил свою научную жизнь.

Не оставляет он и свою первую научную тему – историю населения Абхазии в период перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего

железа, т. е. в период развития на Кавказе так называемой кобано-колхидской этнокультурной общности. Это время привлекало М. М. Трапш особенно тем, что именно в среде кобано-колхидской общности складывались древнейшие абхазские племена, т. е. здесь лежали основы абхазского этногенеза.

Не меньшее внимание М. М. Трапш уделял и истории своего родного города – Акуа–Сухуми, которую он удревнил вплоть до эпохи бронзы.

Другой любимой темой стало восстановление условий жизни горного населения Цебельдинского плато, на путях к Клухорскому перевалу через Главный Кавказский хребет. Последние две темы внутренне увязывались между собой тем обстоятельством, что наиболее полно выраженный этап в истории г. Сухуми – позднеантичный, на основании раскопок древнего Себастополиса давал представление о развитии городской жизни, а многочисленные могилы Цебельды, относящиеся к тому же времени, давали яркую характеристику жизни сельского населения, при том населения, на обязанности которого лежала охрана страны со стороны главного прохода на Северный Кавказ – Клухорского пути. Эта собранность и целеустремленность позволили М. М. Трапш сделать весомый вклад в изучение не только археологии Абхазии, но и всего Кавказа.

Здесь надо отметить, что об этом вкладе нельзя судить только лишь по опубликованным работам Михаила Маметовича. Свойственная ему осторожность в выводах, большая требовательность к себе, тщательность, с которой он шлифовал и подготавливал свои работы к печати, не способствовали их быстрой публикации. Сказались в этом и специфические трудности работы на периферии, где ощущался недостаток в научной литературе и в общении со специалистами.

Исходя из этого, следует коснуться и некоторых работ, некоторых теоретических положений и выводов, которые автор не успел опубликовать, и которые делаются достоянием широкого круга специалистов только благодаря данной публикации.

Из работ, посвященных переходной эпохе от поздней бронзы к раннему железу, были опубликованы одна монография (Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962) и 7 статей – Куланурхвский древний могильник[1]; Грун-

[1] Автореферат кандидат. диссертации, Сухуми, 1951.

товые погребения с инвентарем скифского типа в селе Куланурхва[1]; Новая археологическая находка в Абхазии[2]; Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва[3]; Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951 – 1953 гг.[4]; Итоги раскопок в сел. Куланурхва в 1951 г.[5]; Археологические раскопки в окрестностях Сухуми[6].

М. М. Трапш на Сухумской горе. 1951 г.

В этих работах были заложены основы для выделения на территории Абхазии колхидской культуры, родственной кобанской культуре Северного Кавказа. Они имели большое значение и для исследования истории Акуа-Сухуми. Они позволили определить, что основание первых поселков в районе современного Сухуми увязано еще с эпохой энеолита. Показательны в этом отношении остатки энеолитического поселения на горе Гуадиху – северной вершине Сухумской горы.

[1] Труды АбИЯЛИ, XXIV, Сухуми, 1951.
[2] КСИИМК, вып. 53, М, 1954.
[3] Труды АбИЯЛИ, XXV. Сухуми, 1954.
[4] СА, XXIX, М„ 1955.
[5] Труды АбИЯЛИ, XXVII. Сухуми, 1956.
[6] Труды АбИЯЛИ, XXIX. Сухуми, 1958.

Здесь в 1952 году были найдены характерные для энеолита предметы – каменный шлифованный топорик, каменное ткацкое пряслице, каменные грузики для ткацкого станка, а также фрагменты глиняных сосудов, имевших богатую орнаментацию на стенках. То обстоятельство, что на Сухумской горе нет и, по-видимому, никогда не было родников, говорит о том, что здесь находило временное убежище население, жившее по берегам Сухумской бухты[1].

Другое небольшое поселение было обнаружено М. М. Трапш в основании средневековых культурных слоев соседней вершины, господствовавшей над Сухумской бухтой. Здесь были найдены подобные же керамические изделия, каменное пряслице и два костяных шила. Так же, как поселение на горе Гуадиху, оно относилось к эпохе энеолита и служило убежищем во время военной опасности[2].

Раскопки М. М. Трапш, относящиеся к 1962–1954 гг., показали, что в эпоху перехода от поздней бронзы к раннему железу (XII–VI вв. до н. э.), южный склон Сухумской горы превратился в поселок полугородского типа. Это поселение, очевидно, было укреплено деревянными стенами. Некрополь этого поселения был расположен к северу от главной вершины Сухумской горы. Здесь в 1952–1954 гг. М. М. Трапш было раскопано 91 погребение, из которых 32 относятся к данной эпохе.

Существование укрепленных поселений на высоких холмах, окружавших Сухумскую бухту, позволяло предполагать, что и в пределах низменности, по берегам бухты, еще с эпохи энеолита существовало значительное население.

В отношении эпохи переходной от поздней бронзы к раннему железу это было доказано М. М. Трапш на основании гораздо более обильных материалов.

В 1956–1960 гг. в предместьи г. Сухуми Красный маяк им раскапывался большой могильник этой эпохи, очевидно, принадлежавший поселению солеваров, следы которого вместе с остатками солеварного промысла были обнаружены здесь раньше Л. Н. Соловьевым. В некрополе, размещавшемся на песчаном береговом валу, Михаилом

[1] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951-1953 гг. СА, XXIII, 1955.

[2] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Труды АбИЯЛИ, вып. XXIX, Сухуми, 1958.

Маметовичем было исследовано 150 могил, время которых охватывало эпоху от XII в. до II в. до н. э. Этот самый большой для данной эпохи могильник Абхазии содержал богатый инвентарь, состоящий по преимуществу из бронзовых предметов. Обряд погребения совершался по трем, по меньшей мере, ритуалам, что свидетельствует о том, что в соляном промысле на берегах Сухумской бухты принимали участие представители разных абхазских племен. Община, оставившая некрополь, несомненно, строилась, очевидно, уже не на кровнородственных началах, а на территориальных, соседских[1].

Данные, полученные в результате раскопок М. М. Трапш на территории современного Сухуми, позволяют сделать важный вывод, что Сухумская бухта, наиболее удобная для стояния судов из всех естественных укрытий на Черноморском побережье Кавказа, уже в указанную эпоху была местом концентрации значительного населения, т. е. практически превратилась в район зарождения поселка городского типа.

Первые археологические раскопки Михаила Маметовича, о которых уже упоминалось (исследование Куланурхвского могильника близ г. Гудаута), установили существование очень ранних связей колхидской культуры со скифской культурой и наличие среди местного населения, т. е. прямых предков современных абхазов, этнически чужеродного элемента–скифского[2]. Для Черноморского побережья Кавказа это было отмечено впервые, а затем нашло подтверждение в раскопках того же исследователя в некрополе у с. Красный маяк, где было также вскрыто погребение со скифским инвентарем. В этих фактах можно видеть отражение исторических событий – походов киммерийцев и скифов в Малую Азию, о которых сообщал Геродот.

Весьма интересно также установленное М. М. Трапш наличие среди других обрядов погребения, свойственных в это время абхазским племенам, также и обряда трупосожжения, который получает широкое распространение на Кавказе и в Северном Причерноморье лишь в последующую античную эпоху.

[1] **М. М. Трапш.** Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва, Труды АбИЯЛИ, XXIV, Сухуми, 1951.

[2] **М. М. Трапш**. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва, Труды АбИЯЛИ, XXIV, Сухуми, 1951.

В последние годы Михаил Маметович думал вновь возвратиться к своей первой научной теме – проблеме колхидско-кобанской бронзы. С этой целью он собирал сведения о находках кладов и отдельных бронзовых и медных изделий этого времени. Так им были спасены для науки уникальные клады бронзовых топоров II тыс. до н. э. из Гали, Очамчира, Лыхны и других мест Абхазии.

Значительный вклад сделал М. М. Трапш и в изучение памятников Абхазии античной эпохи. Его работы, главным образом, связаны с территорией г. Сухуми, где он во многих местах установил наличие ранне-античного слоя. Так, например, в некрополе Сухумской горы, раскопанном в 1951 году совместно с А. Н. Каландадзе, ряд погребений оказался принадлежащим V – II вв. до н. э. Слой того же времени был выявлен и в культурных наслоениях существовавшего здесь со времени эпохи бронзы поселения[1].

В 1952–1954 гг. 34 погребения, относящиеся к V–III вв. до н. э., были раскопаны Михаилом Маметовичем и на вершине горы Гуадиху[2].

В могильнике солеваров у с. Красный Маяк 19 погребений Михаил Маметович отнес к V – II вв. до н. э. В этом можно усмотреть косвенное доказательство того, что солеварный промысел древней Диоскури просуществовал до II в. до н. э.[3]

В 1953 г. культработниками санатория МО СССР Мовчаном и Юровским на дне Сухумской бухты близ устья р. Беслети была обнаружена мраморная надгробная стела с рельефным художественным изображением. Она впервые была описана М. М. Трапш, который датировал ее концом V в. до н. э.[4].

Большое внимание уделил М. М. Трапш и памятникам позднеантичной эпохи. Еще в 1952 г., при строительстве набережной через территорию Сухумской крепости, М. М. Трапш подметил существование ниже описанных А. С. Башкировым в 1925 году культурных наслоений Сухумской крепости еще более древнего слоя, относящегося к ранне-

[1] **А.Н. Каландадзе.** Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми. 1954. (на груз.языке).

[2] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в I951–1953 гг., С А, XXIII. 1955.

[3] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми. Труды АбИЯЛИ, XXIX. 1958.

[4] **М. М. Трапш.** Мраморный барельеф из Сухуми. ВДИ, № 1, 1954.

античной эпохе, датируемого чернолаковой посудой *V*–III вв. до н. э.[1], а также описал стену римской крепости Себастополиса (так называемого западного укрепления), находящейся на морском берегу.

М. М. Трапш в 1956 г. при исследованиях в Сухумской бухте

В 1959 г. М. М. Трапш совместно с Л. Н. Соловьевым продолжил работы, начатые Л. Н. Соловьевым и Л. А. Шервашидзе в 1958 г. по изучению открытого последним «восточного укрепления той же крепости»[2], и раскопал гончарную печь IV в. н. э., открытую участником работ В. С. Орелкиным.

В 1954 г. М. М. Трапш провел археологические раскопки сторожевой башни конца II в. н. э. на участке гр. Одынец, северо-восточнее Сухумского железнодорожного вокзала, где между другими находками оказался глиняный светильник с греческой надписью.

[1] **М.М. Трапш.** Некоторые итоги археологических исследований в Сухуми в 1951 – 1953 гг. СА, XXIII, 1955.

[2] **М. М. Трапш.** Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. Труды АбИЯЛИ. XXXIII–XXXIV, Сухуми.1963.

Систематические исследования М. М. Трапш на территории г. Сухуми, помимо своего большого значения для общей истории Кавказа и истории греко-римской колонизации по берегам Черного моря, сыграли большую роль и в восстановлении древних этапов эволюции самого города. Они дали основной материал для предпринятого в последние годы М. М. Трапш написания большой монографии, посвященной истории города Сухуми.

Монография «Древний Сухуми», подводящая итоги как работам предшествующих исследователей памятников территории г. Сухуми, так и собственным наблюдениям автора, позволили углубить историю г. Сухуми – Акуа не только до античных городов Себастаполиса и Диоскурии, но и до более ранних периодов, вплоть до легендарного города Эйя мифических аргонавтов. Поэтому Михаилу Маметовичу в своей монографии пришлось характеризовать не только результаты исследования Диоскурии и Себастополиса, но и обратиться к более древним временам, к доантичному периоду, когда на берегах Сухумской бухты складывались основы городской жизни местного населения. И этому посвящены начальные страницы «Древнего Сухуми», где дается описание памятников эпохи перехода от поздней бронзы к раннему железу. Эти материалы, впервые вводящиеся в научный оборот, значительно расширяют наши представления о колхидской культуре – своеобразном южном варианте огромной кобано-колхидской общности, охватывающей центральную и западную часть Северного Кавказа и западную часть Южного Кавказа.

Вместе с разделами, посвященными памятникам бронзовой эпохи горы Гуадиху и описаниям некрополя с. Куланурхва, работа будет в высокой степени способствовать разъяснению сложных обстоятельств эволюции колхидской культуры, хронологизации ее отдельных этапов и выяснению взаимоотношений с ее северными аналогами – прикубанским, кобанским и др.

В целом же монография «Древний Сухуми» представляет давно ожидаемое и необходимое описание эволюции поселений на берегах Сухумской бухты, приведшей к возникновению города Акуа-Диоскурии – Себастополиса – Цхома – Сухума. Она отличается обилием фактического материала и, свойственной М. М. Трапш, тщательной его проработкой.

Многие положения, выдвинутые в этой работе, войдут в основной фонд археологического изучения Кавказа.

Особенно большое значение в археологических исследованиях М. М. Трапш имеют памятники из окрестностей с. Цебельда[1]. О их существовании стало известно благодаря семье Вороновых, которые неоднократно посылали коллекции старинных вещей, собранных на своей усадьбе, в Московский исторический музей, а через археолога И. А. Гзелишвили – в музей Грузии. С 1960 г. Михаил Маметович начинает систематические раскопки большого некрополя, занимающего площадь около 300 га между с. Цебельда и с. Октомбери. Всего здесь им за 1960–1967 гг. было раскопано около 400 могил, содержащих разнообразный вещевой материал III – VI вв. н. э.

М. М. Трапш в 1962 г. на раскопках в Цебельде

Одним из важнейших результатов этих работ было установление принадлежности цебельдинских могильников древнейшим абхаз-

[1] **М. М. Трапш.** О некоторых итогах археологических исследований в сел. Цебельда Сухумского района. Труды АбИЯЛИ, т. XXXII, Сухуми, 1961; **его же**, Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. Труды АбИЯЛИ, т. XXXIII, Сухуми, 1963.

ским племенам – апсилам, что имеет особое значение при решении вопросов абхазского этногенеза. Наличие в изученных могильниках различных по степени богатства погребального инвентаря и другие факты показали, что эти древнеабхазские племена уже стояли на пороге классообразования. Об этом же свидетельствует раннее (в III – IV вв. н. э., а не в VI в., как думали раньше) проникновение в их среду христианства.

Концентрация в одном, сравнительно небольшом и ограниченном районе, – Цебельдинской долине, значительной массы населения, к тому же хорошо вооруженной, является, по мнению М. М. Трапш, свидетельством сплочения древнеабхазских племен в первой половине I тыс. н. э. перед лицом римско-византийской военной угрозы.

В целом своеобразная и высокая культура древнейших абхазских племен, имеющая глубокие местные корни, представляет яркое явление и вполне заслуживает особого названия «цебельдинской культуры». Ее многообразные и подчас далекие торговые и культурные связи говорят о ее большом историческом значении. Обнаруживая культурные связи с отдельными областями Грузии, являясь кавказской в основе, в то же время она имеет следы тесной связи с сарматским миром и по существу относится к типу культур, сложившихся на периферии Римской империи под сильным греко-римским влиянием. Этим именно, по-видимому, объясняется большая ее общность в обряде погребений с полями погребений Северного Причерноморья черняховского типа, хотя не исключается, по нашему мнению, и непосредственное участие абхазских племен в культурно-творческом процессе, протекавшем в Северном Причерноморье.

Дальнейшее изучение цебельдинской культуры вместе с обильным материалом, полученным шестилетними систематическими поисками М. М. Трапш в Цебельде, а также с изучением крепости Себастополиса, позволяет поставить на широкую основу исследования вопрос о взаимоотношениях греко-римского пришлого населения с аборигенами страны, о взаимоотношениях населения Северного Кавказа и Южного Кавказа в позднеантичную эпоху.

В этом отношении научный вклад М. М. Трапш трудно переоценить. Над этой темой он работал с большим увлечением, по-

видимому, не случайно. Показательно, что из всех своих крупных работ он раньше всего оформил именно эту монографию[1].

Определенное внимание М. М. Трапш уделял и памятникам средневековой Абхазии. Еще в 1954 – 1955 гг. он провел широкие раскопки легендарного замка Баграта, возвышающегося над северо-восточной окраиной г. Сухуми. В результате этих работ им было установлено, что на месте средневекового замка, сооруженного в целом в X – XI вв., существовали и более ранние поселения, в том числе античное поселение IV–II вв. до н. э.

В 1957– 1958 гг. Михаил Маметович организовал совместно со своими коллегами – З. В. Анчабадзе, Л. Н. Соловьевым, Ш. Д. Инал-ипа, Л. А. Шервашидзе, В. П. Пачулиа и другими, археологическое обследование расположенной на Иверской горе у г. Нового Афона Анакопии – древнейшей столицы Абхазии[2].

В результате длительных исследований было установлено, что Иверская гора многократно избиралась местом поселения – в эпоху энеолита, в раннеантичное время (IV–II вв. до н. э.), пока в VII–XII вв. н.э. не превратилась в один из крупнейших средневековых городов-крепостей не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа.

Михаила Маметовича привлекало все то, что было связано с древней и средневековой историей Абхазии и Кавказа. С целью поисков и изучения археологических памятников своей родины он нередко выезжал в различные районы республики, а иногда и за пределы Абхазии. Так, в 1951 г. он принял участие в поисках легендарного Питиунта, известного у Страбона под именем «Великого».

В 1956 и 1959 гг. М. М. Трапш руководил разведочными поисками археологических памятников в Гудаутском, Гальском и Очамчирском районах Абхазии. В результате были обнаружены стоянки палеолитического возраста, несколько энеолитических поселений, ряд кладов медных слитков и орудий, а также средневековые храмовые постройки.

---

[1] Монография **М.М. Трапш.** Культура цебельдинских некрополей включена в III том работ М. М. Трапш.

[2] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. Труды АбИЯЛИ, т. XXX. Сухуми. 1959; **его же**, Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. Византийский временник, т XIX? М., 1961.

В I960 г. в окрестностях г. Майкопа была обнаружена песчанниковая плита, вскоре получившая название «Майкопской плиты», на которой, по мнению ряда ученых, была надпись XIII–XII вв. до н. э., читаемая лишь при сравнении с абхазским языком[1]. С целью проверки места и условий находки в Майкоп (в 1964 г.) выезжал М. М. Трапш вместе с Ш. Д. Инал-ипа и В. П. Пачулиа. В результате проведенных совместно с адыгскими археологами П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером раскопок на месте находки плиты было обнаружено большое меотское поселение конца IV–III вв. до н. э. и вскрыто одно наземное жилище

М. М. Трапш результаты своих научных изысканий стремился довести до широких слоев населения Абхазии. Он ежегодно выступал с популярными статьями об археологических памятниках и древней истории Абхазии на страницах местных и центральных газет и журналов, по радио и телевидению. Михаил Маметович – автор двух первых глав «Очерков истории Абхазии»[2].

Почти ежегодно, начиная с 1951 года, М. М Трапш докладывал результаты своих археологических поисков на научных сессиях и конференциях в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Киеве и др. Как правило, его выступления на этих конференциях вызывали живой отклик среди археологов и получали высокую оценку. В октябре 1968 г. он должен был выступать с докладом о взаимодействии античной и местной культур в Абхазии на IX Международном конгрессе по классической археологии в Дамаске (Сирия).

Отличительной особенностью Михаила Мамедовича было его умение работать в коллективе ученых. Он всегда поддерживал и развивал научные контакты с учеными Москвы (Е. И. Крупнов, К. В. Голенко, В. Б. Ковалевская), Ленинграда (Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен), Тбилиси (А. М. Апакидзе, О. Джапаридзе), Еревана (Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян), Киева (А. И. Тереножкин), Казани (А. Х. Халиков), Праги (Е. Похитонов) и др. городов.

Работая в г. Сухуми в стенах Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской

[1] **Г. Ф. Турчанинов.** Древнейший письменный памятник Кавказа ВДИ, № 3, 1965; № 2, 1966.

[2] Очерки истории Абхазской АССР, часть I, Сухуми, 1960, стр. 5–47. Глава первая. Первобытнообщинный строй. Глава вторая. Абхазия в античную эпоху.

ССР и возглавляя здесь отдел археологии, он сумел создать хороший коллектив археологов. При этом проявилась и другая характерная черта Михаила Маметовича – умение привлекать к своим исследованиям различных специалистов. Он никогда не рассматривал исследование того или иного памятника как только свое дело, а стремился провести археологические изыскания совместно со своими коллегами. Так, в 1951 г. раскопки на Сухумской горе им были проведены вместе с грузинским археологом А. Н. Каландадзе; стены древней Анатолии вместе с М. М. Трапш изучали в 1957 – 1958 гг. Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, Ш. Д. Инал-ипа; в раскопках цебельдинских некрополей рядом с ним работали молодые археологи В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, Г. К. Шамба. Многие годы ближайшим помощником Михаила Маметовича был художник В. С. Орелкин. Трогательна многолетняя привязанность к Михаилу Маметовичу простого рабочего-землекопа А. Д. Роговцева, бессменного участника многих археологических работ в Абхазии.

Много сил и времени М. М. Трапш уделял педагогической работе и воспитанию молодежи научных кадров. В течение ряда лет он читал курс лекций по археологии в Сухумском государственном педагогическом институте. Показательна его бескорыстная помощь советами, научными материалами молодым ученым. Так, значительные коллекции, собранные им по эпохе энеолита и ранней бронзы, были переданы В. Бжания; часть материалов по Цебельдинским некрополям – Г. К. Шамба; по средневековым памятникам – О. Х. Бгажба.

Наряду с большой и разносторонней научной и педагогической работой Михаил Маметович, как настоящий коммунист, вел активную общественную деятельность. Он был членом Ученых Советов Абхазского государственного музея и Научно-исследовательского института туризма, членом Президиума Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры, членом Координационного совета при АН Грузинской ССР по археологии. Неоднократно он избирался членом Сухумского городского комитета КП Грузии, депутатом Сухумского городского Совета депутатов трудящихся, членом партийной комиссии Сухумского горкома КП Грузии, а также членом Комитета народного контроля г. Сухуми.

Партия и правительство высоко оценили деятельность Михаила Маметовича Трапш, наградив его медалями Советского Союза и почетными грамотами Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. В 1967 году ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Абхазской АССР.

Светлая память о Михаиле Маметовиче Трапш – первом выдающемся абхазском ученом-археологе, душевном и скромном человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АБХАЗИИ, ИХ ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА

АРХЕОЛОГИЯ АБХАЗИИ ДО 1921 г.[1]

Абхазия, как и весь Кавказ, богата древнейшими памятниками человеческой культуры. На ее территории протекали все этапы развития истории человеческого общества – палеолит или древнекаменный век, мезолит и неолит, бронзовая и железная эпохи.

В течение всего XIX–начала XX вв. археологические памятники Абхазии привлекали внимание различных ученых–путешественников, географов, а иногда и специалистов–археологов. Среди них мы можем назвать имена Дюбуа де Монперэ, Муравьева, Броссе, Бакрадзе, Уваровых? Павлинова, Сизова, Миллера, Кавелина (еп. Леонид) и др. Но почти все они ограничивались лишь учетом и предварительным изучением в основном христианских древностей края. А отдельные из названных исследователей полагали, что на территории Абхазии вообще нет ни дольменов, ни памятников бронзовой культуры, ни древних могильников и т. п. Так, например, в 1886 г. П. С. Уварова, определяя границу распространения дольменов на юге по рр. Кодошу и Шахе около Сочи, утверждала, что дольмены в Абхазии не бытовали[2].

Первые научные археологические раскопки в крае были предприняты в 1886 г. В. И. Сизовым. По поручению и на средства Московского археологического общества он вскрыл небольшой участок в г. Сухуми, в западной части нынешнего сквера им. Руставели. О незначительности этих работ можно судить по тому, что на раскопках были заняты всего 3–4, самое большее до 6 рабочих-землекопов

[1] Часть введения к рукописи М. М. Трапш 1956 г. «Очерки по археологии Абхазской АССР».

[2] **П. С. Уварова.** Несколько дополнительных сведений по вопросу о Кавказских дольменах. МАК, вып. IX, М., 1904. стр. 175.

Несмотря на ограниченность работ, В. И. Сизову удалось собрать интересный материал по древнему Сухуми. Найденные обломки простой глиняной посуды и амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов, а также вскрытые у берега моря остатки древнего захоронения, свидетельствовали о существовании в районе современного Сухуми античного поселения III–I вв. до н. э. Эту дату подтвердила и найденная В. И. Сизовым бронзовая монета, чеканенная в городе Амисе[1].

Но и В. И. Сизов, предпринявший первую попытку по научному обследованию археологических памятников края, не избежал присущих для дореволюционных археологов ошибочных представлений об археологических памятниках Абхазии. В своем отчете за 1889 г. он писал: «Вообще можно заметить, что характерные формы бронзовой культуры осетин (Северной Осетии – М. Т.) кобанского типа не проникли в приморскую область[2]». В. И. Сизов, делая такой вывод, не учел имевшееся в литературе указание на найденные в 1881 году в Абхазии бронзовые предметы, аналогичные с изделиями Кобанского могильника[3].

А. А. Миллер, посетивший Абхазию в 1907 году, основываясь на сообщениях древних авторов о способе погребения, практиковавшемся у древних племен Колхиды (подвешивание покойников на деревьях) и привлекая некоторые данные из абхазской этнографии, также ошибочно утверждал, что древних могильников в Абхазии не должно быть[4]. Как и предыдущие авторы, А. А. Миллер прошел мимо ценного указания абхазского этнографа С. Т. Званба (1809–1855 гг.), который писал: «Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с костьми земле при обычном обряде погребения...»[5].

[1] **В. И. Сизов.** Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, М., 1889, стр. 10–39.

[2] **Там** же, стр. 173.

[3] **А. В. Комаров.** Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. Изв. Кавк. об-ва ист. и арх., т. №1, Тифлис, 1882, стр. 1–2.

[4] **А. А. Миллер.** Из поездки по Абхазии// Материалы по этнографии России, т. 1, СПб. 1910, стр. 61.

[5] **С. Т. Званба.** Этнографические этюды. Под редакцией и с предисловием Г. А. Дзидзария, Сухуми, 1955, стр. 68.

Это наблюдение и многочисленные находки древних погребений, например – В. И. Сизова в 1886 г. в Сухуми, показывают ошибочность выводов А. А. Миллера, П. С. Уваровой и др. дореволюционных археологов. Древние могильники на территории Абхазии, как показали последующие исследования, составляют один из распространенных типов археологических памятников.

Из любителей археологии, обосновавшихся в Абхазии, следует указать на В. И. Чернявского – по профессии натуралиста-зоолога. Прожив в Сухуми с 1870 г. более 40 лет, он немало времени посвятил ознакомлению с местными памятниками. В конце XIX – начале XX вв. его интересные заметки об археологических памятниках края публиковались в «Известиях Императорского Российского Географического общества» (ИИРГО), в газете «Черноморский вестник» и других органах. Памятники, которые Чернявский обнаруживал, он отправлял в музей ИР ГО.

Из находок В. И. Чернявского в Сухуми особого внимания заслуживает каменная плита с хорошо сохранившейся римской надписью. Эта плита, заделанная в древнюю кладку мола, была обнаружена в 1896 г. вблизи Сухумской крепости при строительстве набережной. Надпись на плите, глубоко врезанная в камень, гласила: Hadr. pev. FI. Ar. leg., что в переводе с латинского могло означать: «Гадриан через Флавия Арриана порт сей соорудил». Этот замечательный и уникальный для Кавказа памятник после смерти В. И. Чернявского был утерян. Надпись сохранилась лишь в публикации М. Ростовцева[1].

Какая-то часть находок из собрания В. И. Чернявского, очевидно, была и в местном Сухумском музее, если можно так назвать жалкое помещение, предназначенное для хранения археологических вещей. После объявления русско-турецкой войны памятники музея были вывезены в Кутаиси, где и затерялись.

В. И. Чернявский живо интересовался древностями края, но его исторические познания были ограничены. Это был, по характеристике лично знавшего его А. Л. Лукина, человек, насыщенный археологической фантастикой и суеверными рассказами местных жителей.

[1] **М. Ростовцев.** Надпись из Сухума. Записки Император. Одесского общества истории и древностей, т. XXII, Одесса, 1907, стр. 4–6.

Интересовались древностями Абхазии и другие местные любители археологии, в числе которых можно назвать А. Н. Введенского[1] и К. Д. Мачавариани[2], но и они в этой области ограничились фиксацией отдельных памятников.

Все приведенные факты говорят о том, что до установления Советской власти изучение Абхазии в историко-археологическом отношении сводилось только к поверхностному и случайному наблюдению, чем и объясняется ошибочность делавшихся исследователями выводов.

[1] **А. Н. Введенский.** Замечания на записку В. И. Чернявского. Пятый археологический съезд в Тифлисе, Труды Предв. Ком., М., 1882, стр. 126.

[2] **К. Л. Мачавариани.** Описательный путеводитель по гор. Сухуми и Сухумскому округу, Сухум, 1913

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АБХАЗИИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ[1]

Абхазия по своему географическому положению издавна находилась в широких сношениях с соседними территориями Кавказа, а с тех пор, как море стало служить средством связи, населяющие ее племена оказались связанными и с народами Передней Азии, далеко опередившими по своей культуре другие народы на заре человеческой истории.

По этой причине исследование памятников древней культуры, лежавших в ее земле, давно привлекало внимание исследователей, но положение царской колонии не содействовало этому. В дореволюционное время внимание было уделено лишь ее древним храмам, из которых некоторые, как например, Пицундский, Лыхненский, Моквинский, Бедийский, были описаны в работах П. С. Уваровой, Павлинова, Бакрадзе и др. Памятники античного времени были лишь слегка затронуты кратковременной экспедицией В. И. Сизова. Памятники первобытного общества, каменного и бронзового века оставались вне поля зрения первых исследователей. Такое положение сохранялось вплоть до времени установления Советской власти. Оно сделалось совершенно нетерпимым после того, как абхазский народ перешел к широкому строительству своей культуры и осуществлению социалистических преобразований. Ясный ленинский путь открывался только через национальные формы и собственный язык, а незнание своего прошлого являлось существенной помехой, не раз сказывавшейся в дальнейшем.

[1] Статья, написанная в соавторстве с Л. Н. Соловьевым, опубликована в сборнике АбИЯЛИ АН ГССР «Под знаменем Октября» (Сухуми. 1968, стр. 159–177). Некоторые дополнения внесены из рукописей М. М. Трапш, а также из статьи М. М. Трапш и Л. Н. Соловьева Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти (Труды АбИЯЛИ АН ГССР XXXII, Сухуми, 1961).

На этом пути важной вехой явились первые наброски истории абхазского народа, осуществленные Д. И. Гулиа[1], а после – А. В. Фадеевым[2]. Основу для них подготовил в значительной степени К. Кудрявцев[3], собравший много ценных материалов по истории Абхазии

Но историки могли осветить прошлое только до тех пределов. до каких доходили сведения античных авторов, а дальше начиналась лишь область догадок, ибо по образному выражению Д. И. Гулиа, здесь «звон лопаты археологов еще не слышался». Действительно, надо было поднять немало пластов земли, чтобы перед нами раскрылись картины далекого прошлого, дела и быт предков абхазского народа, а вместе с тем было получено много ценных данных, касающихся общих вопросов истории. Значение этих работ поэтому выходит за пределы одной лишь Абхазии.

Конечно, на этом пути нельзя было ожидать быстрых успехов, так как это зависело и от недостатка материальных ресурсов у молодого Советского государства, и от отсутствия кадров, в частности национальных. Развитие археологической науки в Абхазии могло идти лишь параллельно и в тесной связи с укреплением деятельности центральных научных учреждений нашего Союза, в частности, с ростом грузинской археологии. В этом можно убедиться, если проследить в какой последовательности возникали отдельные проблемы, как преодолевались связанные с ними трудности усилиями ученых разных республик, как изменялась при этом организационная структура научной работы. В отношении последнего, большое значение имело создание в 1934 г. местного центра научной работы, предшественника существующего сейчас Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР им. Д. И. Гулиа. Его деятельность сразу же ознаменовалась крупным сдвигом в области археологических исследований.

Прежде всего посмотрим как разрешались проблемы, связанные с историей первобытного общества, о следах которого на Кавказе существовали лишь самые смутные представления.

[1] **Д. И. Гулиа.** История Абхазии, т. 1, Тифлис, 1925.

[2] **А. В. Фадеев.** История Абхазии. Сухум. 1934.

[3] **К. Кудрявцев.** Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.

В 1933 г., одновременно – в Армении А. П. Демехиным, а в Абхазии Л. Н. Соловьевым, при геологических работах были найдены первые орудия эпохи среднего и нижнего палеолита. Исследователями абхазских, а позднее и армянских стоянок палеолита сделались научные сотрудники Государственной академии истории материальной культуры Академии Наук СССР С. Н. Замятнин[1] и М. З. Паничкина, которые при участии Л. Н. Соловьева[2] в Абхазии (1934–1936 гг.) и С. А. Сардаряна в Армении (1946–1947 гг.) провели большую работу по их изучению, а после и опубликовали эти, единственные в то время на территории Союза, доказательства столь древнего человеческого обитания. Таким образом, проблема обитания древнейшего человека в Абхазии была широко поставлена в 1935–1936 гг. центральными научными учреждениями Москвы и Ленинграда, с привлечением ведущих геологов и палеонтологов-четвертичников Г. Ф. Мирчинка, В. И. Громова, Е В. Шанцера и др. Эти исследования помогли советским ученым создать собственную схему периодизации четвертичного периода и древнейших этапов человеческой культуры. В дальнейшем памятники нижнего палеолита были открыты в Юго-Осетии и в соседнем с Абхазией Адлерском районе РСФСР (Н. И. Гумилевский), а стоянки эпохи среднего и верхнего палеолита в том же районе были обнаружены в ряде пещер и раскапывались С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной, Е. А. Векиловой. И. И. Коробковым и В. П. Любиным.

К концу 50-х годов увеличилось содружество с учеными Академии наук Грузинской ССР в области изучения каменного века. Начиная с 1958 г. в Абхазию ежегодно приезжает экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвилн под руководством Н. З. Бердзенишвили. Она произвела зондажные раскопки на вершине г. Яштхв (Яштух), получив новые интересные данные об условиях залегания шельских и ашельских орудий[3]. В Цебельдинском районе эспедицией была открыта и раскопана стоянка эпохи

[1] **С. Н. Замятнин.** Палеолит Абхазии. Сухум, 1937.

[2] **Л. Н. Соловьев.** К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. БКПИЧП. №№ 6–7, 1940.

[3] **Н. З. Бердзенишвилм.** Новые данные о палеолите Абхазии. Тр. АбИЯЛИ АН Груз. ССР, XXX. Сухуми, 1959.

позднего палеолита в Амткельском гроте. Большое значение этого памятника заключается в том, что он дает представление о характере перехода от среднего к позднему палеолиту. Тогда же была открыта и изучена пещерная стоянка в гроте Квачара близ Цебельды, относящаяся к эпохе позднего мезолита. Небольшая пещерная стоянка той же эпохи была найдена и на вершине г. Яштхва[1].

Абхазский институт также продолжал исследования палеолита Абхазии. Были изучены древнейшие местонахождения с. Н. Яштхва, установлены их геологические условия и выделен шельский комплекс кремневых орудий. Сотрудник Ленинградского отделения Института археологии И. И. Коробков[2] выделил здесь же комплекс орудий, отнесенный им к особому, ставшему известным науке лишь недавно, варианту мустьерской культуры, названному зубчатым мустье. Большое значение для характеристики Яштухской стоянки имела проведенная весною 1966 г. работа специальной комиссии с участием геологов и ведущих специалистов по палеолиту РСФСР и Грузии.

Стоянки зубчатого мустье были открыты и в других местах Абхазии. Так например, Л. Н. Соловьев в 1948 г. доложил на совещании по археологии Кавказа в г. Ленинграде об изученной им обширной стоянке с своеобразным кремневым инвентарем в с. Анухва[3]. После он описал сборы, сделанные Н. И. Гумилевским в сс. Ачмарда и Монакаук Гагрского района, а в последние годы, совместно с В. П. Любиным, проводил раскопки Малой Воронцовской пещеры, где мустьерские слои были найдены еще в 30-х годах Д. А. Крайновым. Продолжались и работы по исследованию позднего палеолита. Еще в 40-х годах Л. Н. Соловьевым была начата раскопка грота Кёп-Багаз близ с. Цебельда, в котором были найдены культурные слои мощностью около 6 м, показавшие непрерывное

[1] **Л. Церетели.** Об одной временной палеолитической пещерной стоянке. Мацне. 1966, № 3 (на груз. яз.).

[2] **И. И. Коробков.** Новые палеолитические находки на Яштхве. СА № 3, 1965.

[3] **Л. Н. Соловьев.** Стоянка у с. Анухва Абхазская. Тезисы докладов на сессии ГАИМК и Гос. Эрмитажа по археологии Закавказья. 29 янв. 1948. Л. 1948.

обитание грота от начала эпохи позднего палеолита до эпохи мезолита включительно[1].

Дальнейшее развитие мезолита было выявлено в трех культурных слоях грота Хупына, где была прослежена эволюция небольшой рыболовецкой группы вплоть до появления неолитических форм орудий из речной гальки и зачатков земледелия. При раскопках было найдено большое количество геометрических микролитов, несколько орнаментированных гарпунов и выпрямитель для стрел. В среднем слое, относящемся к последней фазе плейстоценового оледенения, были обнаружены обломки человеческих черепов[2], принадлежавших восьми индивидуумам.

Продолжающиеся около 30 лет исследования палеолита и мезолита в настоящее время уже охватили все основные этапы его развития на территории Абхазии. Для завершения этой работы существенную роль играют геологические исследования, проведенные на морском побережье Абхазии и в долине р. Кодори Б. Л. Соловьевым в 1961 – 1964 гг.[3] Он произвел синхронизацию существовавших в Черноморской котловине бассейнов с оледенениями Абхазских Альп, что позволило ему предложить новую схему периодизации антропогенового периода Северо-Западного Кавказа; эта схема подтверждается одновременными исследованиями других геологов к северу от Главного Кавказского хребта и может лечь в основу периодизации палеолита и мезолита Абхазии. На ней основана подготовляемая к печати сводная работа Л. Н. Соловьева по палеолиту и мезолиту Абхазии.

Начало исследованию неолитических памятников Абхазии было положено археологом-краеведом А. Л. Лукиным[4], который в конце 30-х годов открыл возле г. Гудаута на берегах ручья Кистрик

[1] **Л. Н. Соловьев.** Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. Сборн. «Вопросы карста на Юге Европейской части СССР», Ялта, 1956.

[2] **Л. Н. Соловьев.** Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. Тр. АбИЯЛИ, XXXII, 1961.

[3] **Б. Л. Соловьев.** Опыт сопоставления морских и континентальных четвертичных образований по долине р. Кодори. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1966.

[4] **А. А. Лукин.** Неолитическое селище Кистрик близ г. Гудаута. СА, т. XII, М.–Л., I960.

обширное поселение эпохи неолита, давшее большое количество орудий из кремня и гальки, среди которых было много геометрических микролитов и шлифованных орудий. Это было первое и притом крупнейшее поселение эпохи неолита на Кавказе.

В 50-х годах было открыто другое неолитическое поселение. Педагог-краевед Н. И. Гумилевский нашел на правом берегу р. Псоу размываемый рекою культурный слой с большим количеством находок.

Раскопки, проведенные Л. Н. Соловьевым[1] на обоих поселениях, при участии В. В. Бжания в первом из них и Н. И. Гумилевского во втором, позволили довольно полно охарактеризовать неолитическую стадию развития того же местного населения, которое нам было известно по гроту Хупына. По-прежнему, в основе производительных сил лежало рыболовство, но налицо уже были зачатки земледелия и скотоводства. В Нижней Шиловке было открыто большое длинное жилище типа полуземлянки, относящееся к самому концу неолита.

Поселение Кистрик возникло в среднем неолите. В найденных здесь хозяйственных ямах и производственных площадках был установлен переход к энеолиту. Этот переход, хотя и не сопровождался сколько-нибудь значительной сменой населения, был ознаменован бурным развитием производительных сил. Теряет свое былое значение охота, и соответственно этому увеличивается роль скотоводства; возникает обработка кож и увеличивается роль рунного скотоводства. В земледелии намечается сдвиг – возделывание льна. Наряду с шерстяными начинают изготовляться и льняные ткани. Начинают выпаривать соль из морской воды, что сказывается и на переходе рыболовства на высшую ступень: начинают ловить рыбу сетью и выезжать в открытое море на лодках. Об этом говорит появление тяжелых грузил и усовершенствование шлифованных деревообделочных орудий из камня. С дальнейшим развитием энеолитического общества нас познакомило

[1] **Л. Н. Соловьев.** Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик. МАА. Сухуми, 1967; его же. Древнейшая история Черноморского побережья Кавказа по археологическим данным. Сб. «Туапсе и Туапсинский район». Туапсе, 1967, стр. 155–158.

исследование берегового поселения в устье р. Псоу и могильника Лафста на левобережье той же реки (Н. И. Гумилевский, Л. Н. Соловьев, 1965 г.). В связи с развитием земледелия здесь появляется множество черешковых мотыжек, сделанных из расщепленной гальки. Часть этих предметов имеет пришлифованные концы и, несомненно, употреблялась в качестве кожевенных ножей.

Самые ранние из обнаруженных на территории Абхазии погребений принадлежат к типу вторичных. Труп умершего, зашитый в шкуру быка, подвешивался на ветках дерева, а после кости предавались погребению в земле, причем череп накрывался глиняным горшком, опрокинутым вверх дном; остальные кости в беспорядке складывались вокруг горшка. Такие захоронения были найдены и в пещерах Гагра, гроте Ажюгра на р. Бзыбь. Они могут считаться этническим признаком предков абхазов, у которых этот обряд существовал до XVII в.

Возникают также новые явления в межплеменных отношениях. Раскопки, проведенные Л. Н. Соловьевым в Большой Воронцовской пещере в 1950–1954 гг. в истоках р. Кудепсты, а в 1966 г. в Амткельском гроте и в гроте Багад-Ахапы, показали, что в конце энеолита и в особенности в эпоху ранней бронзы с Северного Кавказа расселяются пастушеские племена майкопской культуры, разводившие уже овец. Между береговым населением и горцами взаимоотношения не всегда бывали мирными, что вызвало появление первых укрепленных поселений на вершинах холмов. В мирное время происходил обмен между этими группами населения, носителями столь различных по этническим признакам и системе хозяйства культур.

К середине III тысячелетия до н. э. этот межплеменной обмен переходит в перевальную торговлю (перевалы Псеашхо и Клухорский), в которой основными контрагентами все более и более делаются, с одной стороны, майкопские племена Прикубанья, с другой стороны – страны Восточного Средиземноморья, доставлявшие этим путем на Кавказ металлические изделия, предметы роскоши и прочие товары[1].

[1] **Л. Н. Соловьев.** Новый памятник культурных святей Северо-Западного Кавказа эпохи неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. Тр. АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958.

Посредниками в этой торговле, которая велась морским каботажным путем, проходившим вдоль западных и северных берегов Черного моря, являлись, возможно, не только южные мореплаватели, но в какой-то мере и причерноморские племена.

В пределах Колхидской низменности в это время появляются так называемые «Жилые холмы», укрепленные деревянными стенами и водяным рвом. Из них на территории Абхазии исследовались в Очамчирском районе Очамчирский холм (М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьев, 1935–1936 гг.)[1] и Тамышский холм (В. В. Бжаниа, 1965 г.), а также одновременные поселения Сухумского района – Гумистинское (Л. Н. Соловьев, В. В. Бжаниа) и Мачарское (В. В. Бжаниа)[2]. Они выделяются сейчас в особую очамчирскую культуру, оформившуюся еще в энеолите (Кистрик, Псоу, Лафста). Погребения этой культуры, обнаруженные в центральной и северо-западной части Абхазии, представляют собою вторичные захоронения, совершенные в кувшинах, небольших пещерах и дольменах. Лишь сравнительно редко находят первичные погребения в виде трупоположения.

По нашим данным, дольмены распространились на Черноморском побережье Кавказа из Восточного Средиземноморья (Сирия и Палестина). В Абхазии они были впервые найдены В. И. Стражевым[3]. Наиболее крупная Эшерская группа дольменов, открытая М. М. Иващенко, раскапывалась им же[4], а также Б. А. Куфтиным, А. Л. Лукиным, Л. Н. Соловьевым[5] и О. М. Джапаридзе[6]. Обряд дольменного погребения был описан Л. Н. Соловьевым[7], а их

[1] **Л. Н. Соловьев.** Энеолитическое селище у г. Очамчире в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, вып. XV, Сухуми, 1939.

[2] **В. В. Бжаниа.** Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, № 1, М., 1966.

[3] **В. И. Стражев.** К Азантскому дольмену. Изв. АбНО, вып. IV. Сухум, 1926.

[4] **М. М. Иващенко.** Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.

[5] **М. М. Иващенко.** Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.

[6] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды. 1, Тбилиси, 1949.

[7] **Л. Н. Соловьев.** Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей к ней части Адлерского района. Тр. АбИЯЛИ, XXXI, 1960.

распространение по обе стороны с.-з. части Главного Кавказского хребта Л. И. Лавровым[1]. В Туапсинском районе они изучались краеведом А. И. Шамотульским. После исчезновения в горной части Абхазии майкопской культуры дольмены распространились здесь, а после и в Прикубанье.

Очамчирская культура, имея глубокие местные корни, в то же время обнаруживает, как выяснилось, немало точек соприкосновения с культурами Древнего Востока, периферией которого, очевидно, являлись области Закавказья, в т. ч. и территория Абхазии[2]. Как показывает инвентарь поздних дольменов и могильников (Новая Гагра, Михайловская пещера, Команский грот), относящихся к эпохе средней бронзы, эта культура постепенно переходит в колхидскую культуру поздней бронзы, охватывавшей не только восточные, но и частично южные берега Черного моря. Впервые культура, получившая название колхидской, была обнаружена на территории Абхазии В. И. Стражевым[3]. Она представляет южную параллель известной ранее кобанской культуре центральной части Северного Кавказа и открытой позже Прикубанской культуре позднего бронзового века.

Первым научным ее описанием мы обязаны М. М. Иващенко, обследовавшему ряд погребений, в том числе в с. Нижняя Эшера. Разрозненные кости человека вместе с богатым набором предметов из бронзы находились в специально сделанных для этой цели больших глиняных, богато орнаментированных сосудах. Немало сделал для выяснения особенностей этой культуры А. Л. Лукин[4]. Для нее характерны приусадебные, разбросанные небольшими семейными группами, захоронения. М. М. Трапш удалось найти более крупные могильники. Таково кладбище в с. Куланурхва Гу-

[1] **Л. И. Лавров.** Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. АбИЯЛИ КХХ!, I960.

[2] **Л. Н. Соловьев.** Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита-бронзы – стоянки Воронцовской пещеры Тр. АбИЯЛИ, XXIX, 1959.

[3] **О. М. Джапаридзе.** Дольменная культура в Грузии. Тр. ТГУ. Вып.; 77, Тбилиси, 1959.

[4] **А. Л. Лукин.** Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр ОИПК, т. I, Л. 1941.

даутского района, давшее 12 погребений[1]. Интересная его особенность – наличие конских погребений с некоторыми предметами раннескифского типа, свидетельствующих о реальных связях древнего населения Абхазии со скифами. Особенно важное значение для изучения эпохи перехода от поздней бронзы к раннему железу имели произведенные в 1956–1960 гг. М. М. Трапш раскопки большого могильника в предместье г. Сухуми Красный маяк[2]. На береговом валу у моря был найден некрополь, в котором исследовано 150 могил, охватывающих почти целое тысячелетие (XII–II вв. до н. э.). Был найден весьма разнообразный и богатый инвентарь, установлено одновременное существование, по меньшей мере, трех обрядов погребений. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной формы с галечной подстилкой. Покойник клался в вытянутом положении на спину или в скорченном положении с ориентацией головы на северо-запад. Ко второму типу принадлежат ямы округлой колодцеобразной формы с галечной подстилкой. В них находятся разрозненные и далеко неполные кости скелета. Это вторичные захоронения. Вариантом такого вторичного захоронения является третий тип погребения, когда разрозненные кости положены в большие сосуды, поставленные вверх дном или накрытые другим сосудом. Инвентарь всех типов захоронений содержит обычные для колхидской культуры предметы, но есть и редко встречающиеся предметы. Например, был найден уникальный бронзовый нагрудный панцирь, представляющий геральдическую стилизацию грифа. Интересно, что здесь также встретилось одно погребение со скифскими вещами.

К той же культуре и к тому же времени относится часть могил некрополя на горе Гуадиху, находящейся севернее Сухумской горы, раскопанного М. М. Трапш в 1952–1954 гг. Погребения, числом до 60, принадлежали двум типам: 1) округлые могильные ямы с полным сожжением покойника, 2) могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойника.

[1] **М. М. Трапш.** Памятники колхидской и скифской культур. Сухуми. 1962.

[2] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми Тр. АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958.

Большое поселение с остатками медеплавильни того же времени, очевидно, укрепленное деревянными стенами, было раскопано на Сухумской горе в 1951 г. А. Н. Каландадзе и М. М. Трапш[1]. Другое укрепление этой эпохи было еще ранее обследовано экспедицией ГАИМК на Верещагинском холме близ с. Н. Эшера. «Жилые холмы» среди болот, принадлежащие этой эпохе, были найдены в Очамчирском районе (Моква, 1936 г., Тамыш, 1964 г.).

Большое распространение в это время получили различные ремесла: гончарное, медеплавильное и кузнечное. Вдоль берега моря на песках береговых валов Л. Н. Соловьевым был открыт целый ряд солеварен, в которых было найдено много четырехугольных глиняных сосудов для выпаривания соли из морской воды[2]. Примером могут служить солеварни на набережной г. Очамчири, в устье р. Моква, у с. Мачара, близ г. Гудаута, у г. Адлера. Описанный Красномаяцкий некрополь представляет собою могильник солеваров, работавших здесь же на береговом валу. Разнообразие инвентаря и обрядов погребений этого могильника объясняется неоднородным племенным составом населения, принимавшего участие в этом промысле.

Несомненно, уже в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии существовало несколько племен, позднее ставших известными античным писателям под именем зихов, санигов, гениохов, кораксов и других. Все эти племена, образовавшиеся на основе более аморфной Очамчирской культуры эпохи энеолита, ранней и средней бронзы, послужили основой формирования древних абхазцев.

Вопросу этногенеза и локализации племен этого времени и последующей античной эпохи на территории Абхазии посвятил некоторые главы своей работы З. В. Анчабадзе[3]. Этот труд, в значительной мере основанный на археологическом материале, а также на критическом пересмотре сведений древних авторов и

[1] **А. М. Каландадзе.** Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми. 1954 (на груз. яз.).

[2] **Л. Н. Соловьев**. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и Очамчире. Тр. АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947. Его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950.

[3] **З. В. Анчабадзе.** История и культура древней Абхазии. М. 1964.

существующей исторической литературы, содержит немало ценных обобщений, особенно, в отношении первобытного общества Абхазского побережья. Не являясь археологом, автор делает отбор того, что имеет историческую значимость и таким образом подытоживает результаты многолетней работы целого поколения археологов.

В тесном контакте с Абхазским институтом проводятся работы Абхазского Совета Грузинского общества по охране памятников культуры. Обществом под руководством его председателя В. П. Пачулиа[1] выявлены новые памятники различных категорий (могильники, поселения, храмы, крепостные сооружения) и предпринято создание археологической карты Абхазии. Часть этой работы, посвященная первобытным древностям, завершается Ю. Н. Вороновым.

Из всего сказанного следует, что 50-е и 60-е годы были особенно плодотворными в деле исследования первобытных групп населения, живших на территории Абхазии. Это следует объяснить не только увеличением объема производимых ежегодно раскопок, но и тем, что собранный трудами прошлых исследований материал, накопление отдельных частных выводов, уже начинают давать свои плоды и позволяют для некоторых этапов развития местных обществ перейти к историческим обобщениям. Таким образом, абхазская археология стала ценным источником для заполнения пробелов в истории Кавказа, касающихся многотысячелетнего существования первобытного общества на этой территории.

Мы уже отмечали, что сведения об истории Абхазии в античную эпоху до Великой Октябрьской революции ограничивались лишь отрывочными сообщениями древних авторов о названиях рек, населенных пунктов, отдельных племен и их очень краткой характеристикой. Археологические работы не производились за исключением небольших разведок на территории г. Сухуми, проведенных в 1886 г. В. И. Сизовым, установившим здесь эллинистический и средневековый слои культурных отложений[2].

[1] **В. П. Пачулиа.** Памятники культуры Абхазской АССР, Сухуми, 1961; его же. По историческим местам Абхазии. Сухуми. I960.

[2] **В. И. Сизов.** Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, М, 1889.

В 20-х годах общее оживление научной работы в Абхазии, связанное с установлением Советской власти, привлекло внимание и к памятникам античности. По приглашению Абхазского научного общества в 1925 г. археологическую поездку по Абхазии совершил научный сотрудник Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР А. С. Башкиров[1]. Он произвел зондажные раскопки в Сухумской крепости на ул. Ольгинской (теперь ул. Пушкинская), которые подтвердили данные В. И. Сизова и дополнили их открытием здесь позднеантичного слоя с большим количеством черепков римской краснолаковой посуды.

Из местных археологов исследованием памятников античности занялся М. М. Иващенко, и вполне естественно, что в качестве первой проблемы в этой области встала критическая проверка сведений античных писателей о местонахождении городов древности на Абхазском побережье. Тщательно, с большой эрудицией, М. М. Иващенко исследовал вопрос о местонахождении известнейшего из этих городов – Диоскурии и пришел к выводу, что он был расположен на берегах Сухумской бухты, так же как и позднеантичный город Себастополис[2].

В изучении античных памятников Абхазии значительный сдвиг был сделан только в 50-е годы, что, по-видимому, не являлось случайностью. Кропотливые археологические исследования на территории Грузии в предыдущие годы, не выходившие из рамок накопления материала, имели неизбежно ограниченный исследовательский горизонт, они не ставили перед собою больших проблем и лишь постепенно подходили к ним. Лишь после того, как благодаря трудам историков, главным образом С. Н. Джанашиа, был поставлен вопрос о том, что представляла собою Колхида в экономическом и культурном отношении в античную эпоху, лишь после обнаружения в Грузии ряда сооружений и предметов античного времени, указывающих на тесные связи с греко-римским культурным миром, перед археологами Грузии вырисовалась перспектива связать местные памятники с полосой крупных

[1] **А. С. Башкиров.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Изв. АбНО, вып. IV, Сухум, 1926.

[2] **М. М. Иващенко.** К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. Изв. АбНО. вып. IV, Сухум, 1926.

изменений в материальной и духовной культуре, внесенных расширением международных связей Закавказья в античную эпоху. Особый интерес при этом должны были вызвать следы крупных поселений городского типа на территории Абхазии.

С 1952 года Институт истории имени Джавахишвили АН Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе начал продолжающиеся до сих пор раскопки античного города в районе Пицундского мыса[1]. Вскрытые раскопками мощные крепостные стены и кварталы этого города, известного в. древности под именем «Питиус Великий», относятся по преимуществу ко времени I–V вв. н. э., т. е. к позднеантичному периоду. Среди городских развалин особо выделяются оборонительные, культовые, хозяйственные и санитарно-технические сооружения города.

Особенно ценным открытием следует считать древнейший храм с его мозаикой; изображения последней – олени с детенышем и пр. не чужды местной языческой символике. Храм был построен не позднее IV в. н. э., что свидетельствует о распространении христианства в Абхазии значительно раньше, чем принято было считать, т. е. раньше VI в. н. э. При раскопках, наряду с многочисленными римскими и византийскими монетами, найдены монеты Херсонеса, Боспора, Понтийского царства, Пафлагонии, Трапезунда и пр., что свидетельствует о широких связях Питиуса Великого с городами Малой Азии и Северного Причерноморья. Здесь была найдена свинцовая вислая печать с греческой надписью «Константинос Абасгиос», т. е. «Константин Абхазский». По всей вероятности, она принадлежала абхазскому владетелю VII в. Константину II. Наряду с привозными изделиями в наслоениях города было обнаружено много продуктов местного ремесла, характеризующих культурный уровень и потребности широких масс абхазского населения того времени.

В 1951 году на Сухумской горе, помимо памятников позднего бронзового века, описанных выше, были раскопаны погребения V–II вв. до н. э. и соответствующее им поселение.

[1] См. сообщения **А. М. Апакидзе** и сообщения других участников экспедиции, сделанные на научных сессиях Института истории имени Джавахишвили АН Грузинской ССР, посвященных итогам полевых археологических работ с 1952 по 1965 гг.

В 1952–1954 гг. в вышеупомянутом могильнике на вершине Гуадиху, соседней с Сухумской горой, было вскрыто 34 погребения, относящихся к V–III вв. до н. э.[1] Захоронения совершались по различному обряду. Преобладающим являлось трупоположение в могильных ямах, ориентированное головою на северо-запад. Ко второму типу принадлежат могильные ямы круглой формы, заключавшие остатки сожженного покойника.

Дальнейшим открытием явился могильник, раскопанный М. М. Трапш в 1956–1959 гг. в пос. Красный маяк, на западной окраине г. Сухуми[2]. Здесь было вскрыто 39 погребений, относящихся к V–III вв. до н. э. Все эти погребения принадлежат некрополю солеваров, возникшему здесь еще в XII–XI вв. до н. э. Солеварение в древней Диоскурии просуществовало как местный промысел до II в. до н. э.

Добытые в результате раскопок памятников раннеантичного времени материалы показывают, что на территории Сухуми в начале V в. до н. э., а вероятно и раньше, существовало поселение городского типа, культура которого носила в основном местный характер, но имела черты смешения и влияния со стороны греко-римского культурного мира. Возможно, что здесь находит отражение и смешанный характер населения этого большого портового города.

Об этом же говорит находка в 1953 г. близ устья р. Беслетки на дне моря на глубине около 2 метров мраморной надгробной плиты[3]. Эта погребальная стела с барельефом, изображающим 3 фигуры, по глубокой передаче эмоций, живописной трактовке, изяществу драпировки одежды является шедевром искусства среди многих известных мраморных рельефов из античных городов Северного Причерноморья. Она датируется концом V в. до н. э. Эта

[1] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг., СА, XXIII, 1955.

[2] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми. Тр. АбИЯЛИ, XXIX, 1958.

[3] **М. М. Трапш.** Мраморный барельеф из Сухуми, ВДИ, № 1, 1954; его же. Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951–1953 гг. СА XXIII, 1955; О. Д. Лордкипанидзе. Колхида и античный мир. Тбилиси, 1966.

находка вместе с другими фактическими данными служит веским доказательством того положения, что во второй половине первого тысячелетия до н. э. в районе нынешнего Сухуми существовал крупный торговый город Диоскурия, большая часть которого находится на дне Сухумской бухты.

Значительная работа была проведена в Абхазии в течение этого десятилетия и по выявлению и изучению памятников позднеантичного времени. В 1952 г. в районе Сухумской крепости М. М. Трапш было установлено наличие четырех культурных горизонтов. Первый верхний содержал бытовые остатки XVI–XVIII вв. Второй слой, залегавший под предыдущим, содержал культурные остатки эпохи развитого средневековья XI–XIII вв., характеризующийся поливной посудой. Под ним, ниже горизонта ископаемой почвы, не содержащей никаких остатков, залегает позднеантичный слой I– IV вв. н. э. с краснолаковой посудой, римскими монетами эпохи Марка Аврелия и пр. Четвертый слой, представляющий темно-серую глину, содержал черепки чернолаковой посуды раннеантичной эпохи. Работы 1952 г. дали возможность установить также интересную особенность конструкции приморской стены позднеантичного времени. Перед ее постройкой для укрепления глинистого грунта против осадки в него было забито множество деревянных свай, на которые был положен толстый слой известкового раствора[1].

В 1954 г. северо-восточнее Сухумского ж.-д. вокзала, на участке гр. Одинец, была открыта и изучена сторожевая башня конца II в. н. э. Среди прочих находок здесь обнаружен глиняный светильник с греческой надписью, гласящей: «Давай, поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»[2].

Конец рассматриваемого десятилетия завершился большими раскопками в Сухумской крепости[3]. Здесь, при разбивке сквера на набережной, были обнаружены остатки мощной крепостной стены. Раскопки, произведенные в 1958–1959 гг. Институтом истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР[1] и Абхазским институтом[2], а также подводные исследования, предпринятые Л. А. Шервашидзе и водолазом В. И. Скасырским, позволили установить, что в прилегающей части Сухумской бухты имеются фрагменты стен четырехугольной крепости, поглощенной морем. Лишь ее северо-западная стена сохранилась на берегу. Она была построена, видимо, в III в. н. э., не имела фундамента, но достигала в толщину более двух метров. В IV в. стена получила дополнительные укрепления в виде выступающих четырехугольных башен, дополнительной мощной стены и контрфорсов. Внутри стены обнаружены остатки бани, водопровода, больших глиняных сосудов, врытых в землю, для пополнения запасов воды. К. этому, так называемому «восточному укреплению», примыкало непосредственно «западное укрепление», которое было исследовано в 1952 г. Его можно сопоставить с первой крепостью города Себастополиса, построенного римлянами во II в. и. э. Находка кубиков цветной мозаики указывает на существование где-то поблизости христианского храма, по-видимому, VII в. н. э.

Находки перед стенами крепости говорят о развитии местных ремесел: гончарного, кузнечного, кожевенного, ювелирного; найдено много монет, по преимуществу римских, часть которых чеканилась в Трапезунде. Привозные амфоры (глиняная тара для вина), изящные столовые сосуды, покрытые красным лаком, стеклянная посуда говорят о широких торговых связях Себастополиса с Малой Азией, Грецией и Северным Причерноморьем.

В конце работ в районе Сухумской крепости была обнаружена большая гончарная печь, уникальная для античных городов Северного и Восточного Причерноморья. Она имела в плане прямоугольную форму и была предназначена для обжига кирпича, черепицы и посуды. Печь датируется IV в. н. э.

В основании крепостных стен залегал мощный слой синевато-серых глин, в котором встречались, наряду с черепками черно-

[1] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологических исследовании в Схуми в 1951–1953 гг., СА, XXIII, 1955.

[2] **Т. С. Каухчишвили.** Греческая надпись на Сухумском светильнике. Тр. АбИЯЛИ, XXVIII, Сухуми, 1957.

[3] **Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев.** Исследование древнего Себастопописа. СА, № 3, 1960.

[1] **А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе**. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса. Тр. АбИЯЛИ. XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963.

[2] **М. М. Трапш.** Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. Тр. АбИЯЛИ, XXXI!I-XXXIV, Сухуми, 1963.

лаковой посуды V–III вв. до н. э., косточки винограда и персиков, скорлупа орехов.

Значительные фактические данные, полученные при исследовании Сухумской крепости в 1958–1959 гг., вместе с другими находками позднеантичного времени, обнаруженными в предыдущее время как в этой крепости, так и в различных пунктах Сухуми, окончательно установили существование в районе современного Сухуми древнего Себастополиса, который, как сообщают античные авторы, был построен на развалинах Диоскурии. Город этот в основном, как и Диоскурия, находится на дне Сухумской бухты.

Исключительно ценные и интересные материалы позднеантичного времени дали раскопки, произведенные Абхазским институтом близ с. Цебельда Сухумского района, в урочище Мрамба. Здесь, под руководством М. М. Трапш, при участии М. М. Гунба, В. Б. Деопик, Г. К. Шамба, В. С. Орелкина, Ю. Н. Воронова, исследован ряд могильников, которые дают яркую характеристику культуры местного населения Абхазии II–V вв. н. э., т. е. того же времени, к которому относится существование позднеантичного города Себастополиса. Найдено было много предметов вооружения: длинные мечи, топоры, наконечники копий и стрел, щиты. Иногда рядом с погребением воина клали труп коня с принадлежностями сбруи.

В женских погребениях было много предметов украшений частью местного изделия (фибулы, бусы из горного хрусталя, сердолика и гешира), частью привозные (стеклянная посуда, янтарные бусы, римские монеты и пр.). Встречались и отдельные золотые вещи (кулон, крестик), выполненные с высоким техническим мастерством. Сходство многих предметов инвентаря со случайными находками, сделанными в Южной Абхазии, а обрядов погребения – с установленными для сухумских некрополей того же времени, позволяют сделать заключение, что эти могильники принадлежат абхазскому населению, по преимуществу из племен апсилов и абазгов. Культура цебельдинских могильников представляется весьма ярким своеобразным явлением. Все же, при ближайшем изучении ее богатого инвентаря, удалось найти ряд аналогий отдельным вещам на Северном Кавказе; прослежены общие черты предметов вооружения с так называемыми «сарматскими». В обряде погребения устанавливается несомненная связь с культурой полей погребений Северного Причерноморья черняховского типа. Так же, как и последнюю, Цебельдинскую культуру следует отнести к типу культур, сложившихся на периферии Римской империи, под сильным греко-римским влиянием. Этим, по-видимому, и объясняется их некоторая общность, отражающая, несомненно, и исторические связи. Племена, создавшие эту культуру, несомненно,[1] были также активными участниками событий времени ирано-византийских войн. Таким образом, уже сейчас можно говорить о большом историческом значении этих исследований, которые подытожены в монографии, подготовленной автором раскопок М. М. Трапш. Им же подготовлена монография, прослеживающая богатую событиями историю города Сухуми. Она начинается с эпохи бронзового века, когда на Сухумской горе возникло первое укрепленное поселение, а на Гумистинском мысу (Красный маяк) – поселение солеваров со своим обширным могильником. Именно с этого времени было положено начало диоскурийскому соляному торгу. Появившиеся здесь в конце VI в. до н. э. выходцы из города Милета не были основателями Диоскурии, а лишь устроили при нем свою факторию и способствовали широкой известности в древнем мире этого местного по населению и по названию города.

Развернувшиеся в последнем десятилетии в Абхазии археологические работы, как мы только что имели возможность убедиться, показали, что эта территория богата археологическими памятниками античного времени. Раскопки последних лет свидетельствуют о возросшей в это время культуре местного населения, о перерастании некоторых местных поселений эпохи бронзы и раннего железа в поселения городского типа с торговлей, ремеслами, с широкими связями, которые тянутся не только к берегам Черного моря, но и к Северному Причерноморью, и Северному Кавказу и в глубь страны, к Колхиде и Иберии. Некоторые из этих городов, упоминаемые древними авторами, удалось локализовать, для чего привлекались

[1] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. Тр. АбИЯЛИ, XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963; **Г. К. Шамба.** Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччарахва). Автореферат канд. диссертации, Тбилиси, 1966.

новые источники по топонимике Абхазии[1]. По развитию городской жизни Абхазское побережье не уступало в то время более южным частям Колхиды. Экономический рост касался не только городов, но и сельских местностей. Как показали раскопки I960 года в с. Цебельда, эти горные селения не были глухими уголками.

Совершенно закономерно, что и духовная культура развивалась в соответствии с хозяйственными успехами. Довольно обычной находкой при раскопках Себастополиса были костяные палочки с острием, так называемые стили, употреблявшиеся для письма. Об этом же говорит интересный факт довольно широкого распространения христианства в позднеантичную эпоху. Погребения по христианскому обряду были установлены не только на территории города Сухуми, но в большом количестве и в Цебельдинских некрополях. Там же найден золотой крестик второй половины IV в. н. э. и серебряный медальон с изображением Горгоны середины IV в. н. э. Медальон с христианской греческой надписью; перевод, сделанный Л. А. Ельницким, означает следующее: «Единый бог, помогающий приносящему». Одним из ранних центров распространения христианства на Кавказе оказался город Питиус, где еще в IV в. существовал большой христианский храм с мозаичным полом. Этим вносится поправка в принятый ранее взгляд, что распространение христианства в Абхазии относится к VI в.

Таким образом, раскопки памятников античного времени в 50-х и 60-х годах, в значительной мере пополнив запас наших сведений по материальной и духовной культуре, хозяйству и социальным отношениям, подводят нас к решению ряда исторических проблем, среди которых одна из интереснейших–выяснение особенностей материальной культуры местных племен, их этнических особенностей, характера греческой и последующей римской колонизации, взаимоотношений этого пришлого элемента с местным населением, взаимного обогащения в области производственной деятельности, искусства, религиозных представлений. Наконец, мы можем получить некоторые данные и о причинах гибели этих городов-колоний античности, уступивших место новым средневековым городам.

[1] **Л. Л. Меликсет-бек.** По следам перипла Арриана. Тр. АбИЯЛИ АН ГССР, XXX, 1959.

Средневековые памятники Абхазии, главным образом её многочисленные храмы, привлекали внимание исследователей и в дореволюционное время, но систематическое их изучение началось лишь после Великой Октябрьской революции.

В 20-х годах среди монументальных памятников средневековья особенный интерес вызывали два выдающихся по своему масштабу крепостных сооружения, вернее, две системы обороны: развалины на Иверской горе близ Н. Афона и Великая Абхазская стена, начинавшаяся в устье р. Келасури, а далее охватывающая южную часть Абхазии со стороны гор. Последнему памятнику посвятил свое исследование в 1926 г. М. М. Иващенко[1]. Изучение сведений старых авторов и топографических условий привели М. М. Иващенко к выводу, что стена была построена для своих целей Византийской империей во время царствования императора Юстиниана, т. е в первой половине VI в. н. э., что, по мнению автора, соответствовало политической ситуации того времени.

А. С. Башкиров, исследовавший развалины крепости на Иверской горе в 1925 г., правильно приписал ее Анакопии, не раз упоминаемой в исторических сведениях, твердыне Абхазии[2].

Тогда же А. С. Башкиров дал описание храмов в Пицунде и в Лыхнах, отнеся их к XI–XII вв., фрески Пицундского храма он датировал ориентировочно XIV веком.

В 30-х годах интересы следующей смены археологов снова и снова обращались к тем же памятникам В 1937 и 1938 гг. одновременно они исследовались Л. Н. Соловьевым и директором Абхазского государственного музея, краеведом И. Е. Адзинба[3].

Если до 30-х годов изучение средневековых памятников Абхазии не сопровождалось археологическими раскопками, то с 1950 годов начались раскопки этого рода памятников, значительные работы в этом направлении были сделаны в 1957–1958 гг.[4] иссле-

[1] **М. М. Иващенко.** Великая Абхазская стена. Изв. АбНО. вып. IV, Сухум, 1926.

[2] **А. С. Башкиров.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Изв. АбНО, вып. IV, Сухум, 1926.

[3] **И. Е. Адзинба.** Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.

[4] Руководителем экспедиции 1957 г. был М. М. Трапш. В состав экспедиции 1958 г входили старшие научные сотрудники Абхазского ин-

дованием средневековой крепости Анакопии, расположенной на Иверской горе близ современного Н. Афона (Псырцха). Анакопийская экспедиция Абхазского института за два года расчистила и раскопала полностью башни №№ 3, 4, 5, 6, 7 второй линии обороны, остатки небольшого храма, печь для обжига извести, вскрыла 11 человеческих погребений с христианским обрядом захоронения и исследовала ряд других объектов в районе второй линии обороны. Раскопки установили наличие в башнях и возле стен второй линии обороны следующих культурных наслоений: а) верхний слой, относящийся к X–XII вв.; б) второй слой, датируемый VIII–IX вв. (в этот период в ряде башен происходит частичное разрушение и их восстановление); в) третий слой, являющийся основным строительным слоем башен и стен второй Анакопийской оборонительной линии и относящийся, по-видимому, ко второй половине VI в. н.э. или к VII в.; г) строительству крепости предшествовал эллинистический слой с большим количеством чернолаковой посуды IV–III вв. до н. э.; д) в основании культурных отложений существовал разрушенный позднейшим сползанием позднеолитический или энеолитический слой с каменными орудиями и грубой керамикой.

Раскопки Анакопии имели большое значение для изучения истории Абхазии, поскольку Анакопийская крепость является одним из выдающихся фортификационных сооружений не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа. В VII в. она служила центром и мощным опорным пунктом Западно-Абхазского княжества абазгов, а в конце VIII в. вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство со столицей в Анакопии.

ститута; Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Н. Соловьев (заместитель начальника), М. М. Трапш (начальник экспедиции), Л. А. Шервашидзе, а также начальник отдела охраны памятников культуры Министерства культуры Абхазской АССР В. П. Пачулиа, старший научный сотрудник Института истории АН Груз. ССР О. Д. Лордкипанидзе, младший научный сотрудник Государственного музея Грузии В. А. Леквинадзе, младший научный сотрудник Государственного музея Абхазии В. В. Бжания и художник В. С. Орелкин. Отчет опубликован **М. М. Трапш**. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. Тр. АбИЯЛИ, XXX, Сухуми, 1960.

В 1954–1956 гг. были произведены археологические раскопки на территории замка Баграта, находящегося в юго-восточной части гор. Сухуми. Раскопки дали ценный археологический материал, который показывает культуру и быт населения Сухуми X–XV вв. Культурный слой этого периода характеризуется поливной керамикой, грубой кухонной посудой, железными наконечниками стрел, обломками жерновов, фрагментами каменных сковородок, большим количеством костей различных животных и т. д.

Внутри крепостного двора замка Баграта вскрыто три погреба с большими глиняными сосудами – пифосами, предназначенными для хранения продовольственных запасов, в чем особенно нуждалось население крепости во время ее осады.

На основании находок устанавливается, что замок Баграта неоднократно подвергался нападениям противника. Об этом говорят обнаруженные с наружной стороны крепости разновременные железные наконечники стрел, согнутых в результате удара о каменную стену.

Замок Баграта по своим размерам и месту расположения являлся крепостью-убежищем, где укрывалась привилегированная часть населения во время нападений на средневековый Сухуми. Среди остатков кухонной посуды большую долю составляет драгоценная для того времени поливная керамика, что подтверждает высказанную мысль.

Время сооружения замка Баграта по выявленным археологическим материалам можно отнести к началу X века, т. е. к периоду существования Абхазского царства. Крепость прекратила свое существование примерно в XV веке.

Как было сказано в начале, в дореволюционное время изучались лишь памятники церковной архитектуры. Это были наиболее крупные и лучше сохранившиеся храмы Абхазии: Пицундский, Лыхненский, Моквинский и Бедийский. Но дальнейшие годы ничего не прибавили к их изучению. Так продолжалось до 60-х годов, когда к их изучению приступили научные сотрудники Абхазского института. Л. А. Шервашидзе в последние годы исследовал целый ряд новых памятников церковной архитектуры, как например:

церковь в с. Акапа[1], храм Цхелкари[2], Пшаури, комплекс памятников Царче (крепость н культовые сооружения) и заново обследовал Вороновскую церковь на холме близ с. Цебельда. Часть этих храмов содержала остатки настенных росписей, представляющих большую ценность. Так было доказано, что на XIV–XV вв. падает новый расцвет монументального храмового строительства, прекращенный затем установлением турецкого господства. А. К. Кация исследовал известные науке, но почти не описанные храмы Илорский[3], Мармал-абаа, Амзара и Бзыбский храм, а также обнаруженные В. П. Пачулиа и В. С. Орелкиным в окрестностях Н. Афона два храма, из которых особенно интересен купольный храм Мсыгхуа.[4]

Проведенные искусствоведами Абхазского института работы показывают как далеко еще не исчерпаны художественно-архитектурные сокровища Абхазии, как много они могут внести в понимание материальной и духовной культуры прошлого.

Следует еще упомянуть всевозрастающее участие в работах по исследованию архитектурных памятников Абхазского Совета Грузинского общества по охране памятников культуры. Особенно надо отметить подготовку свода архитектурных памятников средневековья Абхазии (В. П. Пачулиа, В. С. Орелкин).

Из приведенного материала видно, что за годы Советской власти в области изучения археологии Абхазии достигнуты значительные успехи. Археологический материал стал полноценным источником, вырисовывающим непрерывную линию развития культуры с глубокой древности. Он является серьезным вкладом не только в изучение древней истории Абхазии, но и всего Кавказа, так как народы, жившие на этой обширной территории, были

[1] **Л. Л. Шервашидзе.** Церковь в сел. Акапа (Одиши), около Сухуми. Тр. АбИЯЛИ, XXX, Сухуми, 1959. **В. П. Пачулиа.** По историческим местам Абхазии, Сухуми, 1960.

[2] **Л. А. Шервашидзе.** Цхелкари. Материалы по археологии Абхазской АССР, Тбилиси, 1957.

[3] **А. К. Кация.** Илори (памятник XI века). Сухуми, 1963.

[4] **А. К. Кация.** Средневековые архитектурные памятники долины Цкуара. МАА, Тбилиси, 1967.

связаны культурно-исторически с древнейших времен. Этим нужно руководствоваться в дальнейшем при постановке новых проблем археологического исследования, которые помогут в более широком масштабе, используя колоссальный археологический материал, накопленный на Кавказе, разрешить такие важные вопросы, как образование народов Закавказья и другие актуальные проблемы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ[1]
Дородовое общество

На территории современной Абхазии с древнейших времен живет и трудится человек. Здесь издавна имелись благоприятные естественные условия для развития человеческого общества – теплый климат, богатый растительный и животный мир.

В Абхазии обнаружены следы обитания человека древнекаменного века (палеолит), в том числе и очень примитивные орудия, относящиеся к одной из древнейших археологических эпох, называемой ашельской.

Так, большая группа стоянок человека этой эпохи была найдена в Абхазии в 1934–1936 гг.[2] Это была первая находка культурных остатков человека ашельской эпохи (непосредственно следует за шеллем), сделанная на территории Советского Союза. В последние годы ашельские памятники были обнаружены и в других местах Грузинской ССР, а также в Армении.

Абхазская группа ашельских стоянок включает следующие местонахождения: Колхида (близ Гагра), Анухва, Эшера, Сухуми, Яштхуа, Бырцха, Апианча, Гвада, Отап, Гали и Чубурхинджи. Расположение этих стоянок позволяет утверждать, что обитавшие там люди селились преимущественно по берегам рек. Находясь в большинстве невдалеке от моря, стоянки тяготели, однако, не к берегу моря вообще, а именно к устьям рек, впадающих в Черное

[1] I–II главы очерков истории Абхазской АССР (Сухуми, (I960). «В написании II главы кроме основного автора – М. М. Трапш принимали участие З. В. Анчабадзе и Ш. Д. Инал-ипа. Некоторые дополнения внесены из рукописей М. М. Трапш, а также из первых разделов незавершенной монографии М. М. Трапш Очерки по археологии Абхазской АССР (1956–1957 гг.).

[2] **С. Н. Замятнин.** Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.

море. Привлекает внимание то, что ашельские местонахождения Абхазии приурочены к самой высокой и самой древней, пятой береговой террасе, возвышающейся над уровнем моря на 80–110 м. Когда здесь обитали люди ашельской эпохи, уровень Черного моря был примерно на 60 м выше современного.

Наиболее характерным и лучше всего изученным ашельским памятником Абхазии является местонахождение у селения Нижний Яштхуа, в 3 км к северу от Сухуми, возвышающееся на 80–100 м над уровнем моря. Находки включают большое количество обработанных кремней. Они состоят из значительного числа грубых массивных кремневых отщепов неправильных очертаний, слегка оббитых по краям и превращенных в режущие, прокалывающие, скоблящие орудия. Встречаются и тщательно оббитые с двух сторон ашельские ручные рубила.

Возраст Яштхуской стоянки первобытного человека определяется временем более 100 000 лет.

Первобытное общество нижнепалеолитического периода, которому принадлежали яштхуские орудия, являлось крайне отсталым. Несложность орудий и универсальность основного из них – ручного рубила – свидетельствуют о примитивных формах труда. Люди жили малочисленными группами, не имели определенного места обитания, переходили с места на место, оставаясь на своих стоянках более или менее продолжительное время. Это были небольшие бродячие группы, которые вели стадный образ жизни и были связаны самой ранней первобытной формой кооперации.

Следующая ступень развития каменных орудий труда в науке называется мустьерской эпохой. Следы обитания человека этого времени в Абхазии обнаружены в селениях Келасури, Бгажиашта, Анастасьевке, гор. Очамчире и близ Ачигвара. Отдельные орудия мустьерского типа были найдены в Абхазии также около навесов и пещер. Местонахождения с мустьерским материалом являются наиболее многочисленными в Абхазии: из 33 пунктов, где был засвидетельствован палеолит, в 23 найдены орудия мустьерского периода, причем они залегали на четвертой (60-метровой) и на третьей (40–32-метровой) террасах, т. е ниже ашельских орудий.

В мустьерский период значительно совершенствуется техника обработки камня. Двусторонняя оббивка камня уступает место односторонней обработке, причем края орудия дополнительно подправляются ретушью, выполненной как и путем удара (откола), так и путем отжима. Из пластин изготовлялись два характерных вида мустьерских орудий – остроконечники и скребла. Подобные орудия найдены на третьей и четвертой террасах реки Пшап в сел. Бгажиашта Сухумского района, а также в городе Очамчире и в других местах Абхазии.

Родовое общество

В мустьерский период, продолжавшийся несколько десятков тысяч лет и закончившийся около 40 тыс. лет тому назад, произошли крупнейшие общественные изменения. Эта эпоха совпадает с периодом перехода от первобытной дородовой общины к родовой. Формирующаяся родовая община приходит на смену старому стадному состоянию. Происходит становление рода. Формирование его завершается в эпоху верхнего палеолита. Род – форма существования доклассового общества – представляет родственную группу людей, объединенных единством происхождения, а также общностью хозяйственной и духовной жизни. Вместо внутриродовых беспорядочных брачных связей (эндогамия) возникает и укрепляется экзогамия (внеродовой брак) – самое непременное условие существования родовой организации. Род был сперва матриархальным (матриархат) в соответствии с той ролью и положением, которые занимала мать, женщина вообще, в общественной жизни и производстве. Кроме того, в общине постепенно возникает и усиливается разделение труда между мужчинами и женщинами. Вместо прежнего первобытного собирательства на первое место выдвигается охота, в том числе коллективная охота на крупных животных.

Следующий археологический период, называемый верхним палеолитом, охватывает время приблизительно от 40 до 4 – 12 тысяч лет тому назад.

В Абхазии известно более 10 стоянок верхнепалеолитического времени. Из них наиболее крупными являются стоянки у сел. Лечкоп и Михайловского карьера, близ Сухуми.

В кремневый ивентарь этих местонахождений входят ножевидные пластины, скребки на концах удлиненных пластин, боковые резцы с краевой ретушью, массивные нуклевидные скребки и скобели. Характерно, что культурные остатки верхнего палеолита залегают выше мустьерских, нередко непосредственно под дерновым слоем. В отличие от мустьерских стоянок они обычно приурочиваются к отдельным гребням и площадкам, останцам сильно эрозированных террас.

В период мезолита техника приготовления каменных орудий в Абхазии сделала новые успехи. Большой интерес в этом отношении представляют находки из Хупынипшахва (т. н. «Холодный грот»), близ Цебельды, на берегу реки Кодори. Здесь открыта культура мезолитического времени, являющаяся переходной от палеолита к неолиту. Мезолитические стоянки размещались обычно по берегам рек и озер. В «Холодном гроте» были обнаружены мелкие пластинки различных геометрических форм. Они приспосабливались к костяным и деревянным орудиям и употреблялись в качестве вкладышей-лезвий. Многие из них служили также наконечниками стрел[1].

Хозяйственной основой первобытного общества мезолитической эпохи, как и прежде, являлись собирательство и охота. Но охота в эту эпоху ведется уже новыми, более совершенными орудиями. Главными из них были лук и стрелы. Изобретение лука и стрел имело огромное значение, благодаря им дичь стала постоянной пищей, а охота – одним из важнейших средств добывания пищи. Параллельно с охотой начинает развиваться и рыболовство.

Около 6 – 5 тысяч лет до н. э. наступает новый исторический период, который известен в науке под названием неолита или новокаменного века. В эпоху неолита люди, населявшие территорию современной Абхазии, начинали переходить к примитивному мотыжному земледелию и скотоводству. Эти формы хозяйственной деятельности обеспечивались новыми, более совершенными орудиями труда. Необходимость их изготовления вызвала появление более высокой техники обработки камня и кости. Наряду с прежней примитивной техникой обработки камня путем оббивки и скола появляются уже шлифованные и сверленные орудия.

[1] Материал «Холодного грота», раскопанный Л.Н. Соловьевым, хранится в Абхазском государственном музее.

Важные находки позднего неолита в Абхазии обнаружены в селище Кистрик, близ Гудаута[1], где собран большой археологический материал. По количеству вещевого комплекса и разнообразию форм орудий Кистрик является одним из наиболее выразительных неолитических памятников всего Кавказа. Кистрикский неолитический материал состоит из шлифованных топоров, зернотерок, мотыг различных типов, тесел, долот, остроконечников, грузил, ножевидных пластин, скребков, резцов, проколок, сверл и т. д. На селище найдены также орудия из кости, например, костяное шило. В неолитической технике Кистрика прослеживаются следы пиления камня и начатки сверления. На неолитической стоянке у с. Н. Шиловка Л. Н. Соловьевым открыто большое жилище типа полуземлянки и собраны обломки плоскодонных глиняных сосудов, которые начали изготовляться в неолитическое время.

Создательницей и носительницей кистрикской археологической культуры являлась развитая матриархальная родовая община, бытовавшая на этой территории в продолжение длительного времени. Кроме археологических памятников, о существовании матриархата у далеких предков абхазов говорят этнографические пережитки, древние религиозные верования и фольклор. Среди этих данных наиболее выразительными являются пережитки дислокального брака и парной семьи (об этом свидетельствует помещение «амхара» для брачной пары, строившееся первоначально на территории родственной группы жены), исключительная роль и почет дяде по матери, обычай отдавать детей на воспитание в чужую семью, архаически в материнский род (аталычество), содержание древних слоев нартского эпоса (прежде всего, монументальный образ мудрой и могучей женщины, великой труженицы Сатанэй-Гуаши – бессмертной матери народа), наличие целой плеяды женских божеств (божества вод, полеводства, коров, коз и т. д.). Название самого бога, по- абхазски «анцва», в переводе означает «мать» в форме множественного числа («матери»). Все это

[1] **А. Л. Лукин.** Неолитическое селище Кистри близ Гудаут. «Советская археолия», XII, 1950.

служит выражением высокого положения женщины в общественной жизни и производстве в эпоху матриархата.

В IV–III тысячелетии до н. э. новокаменный век сменяется новой археологической эпохой. Это так называемый энеолит или период медно-каменного века. К этому времени относится переход от матриархального к отцовскому роду.

В Абхазии особое значение по своему содержанию имеет неолитическое селище на левом берегу ручья Джикмура, близ Очамчире[1]. Селище датируется приблизительно второй половиной III тысячелетия до н.э.

В хозяйственной жизни населения Очамчирской энеолитической стоянки уже со всей очевидностью выступает значение земледелия и скотоводства. Об этом говорят найденные здесь зернотерки, песты, кремневые зубчатые вкладыши для серпов, мотыги и т д. Многочисленные кости животных, обнаруженные в культурном слое стоянки, оказались, за редким исключением, костями домашних животных: коров, свиней, коз и овец. При этом следует заметить, что значительное большинство костей принадлежало низкорослой домашней корове. Костей диких животных было найдено немного. По-видимому, охота уже играла здесь подчиненную роль, Оружием охотника являлись прекрасно отретушированные кремневые наконечники стрел и дротиков. Значительную роль играло также рыболовство: было обнаружено большое количество грузил для рыболовных сетей, просверленный рог козы, представлявший иглу для вязания сетей. Охота на дельфинов и ловля камбалы доказываются присутствием соответствующих костных остатков. Серия стамескообразных каменных орудий и топоров указывает на применение их для обработки деревянных изделий. Были найдены также обломки вылепленных от руки глиняных сосудов баночной или чашеобразной формы с ручками, которые служили для хранения продовольственных запасов и приготовления пищи. Часть сосудов снабжена несложной орнаментацией из ромбиков, косых насечек и пр.

[1] **Л. Н. Соловьев.** Энеолитическое селише у Очамчиры в Абхазии. «Материалы по .истории Абхазии», вып. XV, сб. I. Изд. АбНИИ АН СССР, Сухуми, 1939.

На селище обнаружены следы жилых помещений. Об этом говорят слегка обожженные уплотненные глиняные площадки в ряде мест стоянки. Эти площадки могли быть полом небольших плетеных шалашей с обмазками. Около площадок встречались обожженные куски глины, являвшиеся, вероятно обмазкой шалашей.

Домашняя жизнь очамчирских аборигенов проходила, очевидно, в основном на открытом воздухе вокруг больших костров, следы которых обнаружены в виде большого количества угля и золы. Можно предполагать, что жилища были расположены группами. Культурный слой местами прерывается метров на 10–20 и лежит как бы отдельными небольшими пятнами, которых на территории селища было несколько.

Подобные поселения обнаружены и в других пунктах Черноморского побережья Абхазии (г. Сухуми, устья рр. Мачара, Псоу и др.). Обычными находками на них являются черешковые мотыжки, сделанные из расщепленной гальки.

Следов металла в культурном слое Очамчирской стоянки и других поселений хотя и не обнаружено, но его обработка уже была известна человеку. В конце IV тысячелетия до н. э. в Ассиро-Вавилонии развивается металлургия, и изделия из меди скоро проникают на территорию Кавказа в результате межобщинного обмена и торговли.

Медные изделия в Абхазии впервые были обнаружены при раскопках дольменов в сел. Эшера, около Сухуми.[1] Дольменами называются древние наземные погребальные сооружения, сложенные из огромных каменных плит: четыре плиты ставились на ребро, образуя как бы комнату, а пятая самая большая плита клалась сверху, образуя потолок, в передней стене дольмена делалось круглое отверстие диаметром около 40 см, которое тщательно затыкалось большой каменной пробкой. Дольмены, подобные эшерским, находятся и в других пунктах Абхазии (сс. Азанта, Ачандара, Отхара и др.). Такие же дольмены имеются и на Северо-Западном Кавказе.

Раскопки эшерских дольменов показывают, что они служили для последовательных захоронений весьма длительный промежуток времени. Поэтому они содержат погребения различных

[1] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949.

эпох. Нижний, древнейший слой, залегавший на дне дольменов и отделенный от более поздних стерильным слоем глины, позволяет датировать время сооружения этих памятников концом медного века (начало II тысячелетия до н. э.). Из этого слоя происходят вислообушные топоры, пластинчатые ножи или наконечники копий и своеобразные крюки. Верхний слой дольменов содержал погребения, инвентарь которых близок к изделиям так называемой кобано-колхидской бронзы (XI–VII вв. до н. э.).

Дольмены Абхазии связаны с дольменами Северного Кавказа (бассейн р. Кубань). Помимо архитектурных форм самих дольменов, эта связь подкрепляется также и обнаруженным в них материалом. Так, например, вислообушные топоры и пластинчатые ножи являются общими для всей западнокавказской группы дольменов. Вислообушные топоры абхазских и северокавказских дольменов встречаются на широкой территории и являются дальнейшим развитием проушного топора. Такие боевые топоры являлись распространенным оружием в Передней Азии еще с III тысячелетия до н. э.

Время строительства дольменов Абхазии относится к периоду развитой патриархальной родовой общины, внутри которой намечается формирование родовой и племенной знати.

Дальнейший этап развития древнего общества Абхазии характеризуется замечательной колхидской культурой, возникшей и развившейся в основном на местной рудной базе в период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Памятники колхидской культуры в целом охватывают период, приблизительно, XI–VII вв. до н. э. К ним относятся соответствующие клады и могильники. Из обнаруженных кладов в Абхазии наиболее крупными являются: Гагрский, Пицундский, Сухумский, Лыхненский. Во всех этих кладах представлены почти одни топоры, преимущественно хозяйственного назначения.

Могильники обнаружены в селениях Эшера, Приморское, Мгудзырхва, Бамбора, Куланурхва и т. д. В этих могильниках раскопано большое количество бронзовых предметов, главным образом, оружие и украшения. На руках покойников были бронзовые браслеты различных форм, на ногах – массивные ножные кольца, шею украшали ожерелья из бронзовых, сердоликовых,

стеклянных, янтарных бус. Одежды скреплялись различными фибулами (застежками) и стержневыми булавками. Оружие состояло из прекрасно сделанных бронзовых и реже железных топоров, наконечников копий и разнотипных кинжалов. В погребения вместе с умершими клали также скульптурные фигурки птиц и животных, глиняную, а иногда и бронзовую посуду.

Так, материал, выявленный в Куланурхвинском древнем могильнике (Гудаутский район), состоит из изящных орнаментированных бронзовых топоров, поясных пряжек со звериной головкой на длинной шее, серебряных серег, пластинчатых браслетов цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, булавок с Н-образными головками, фибул (застежек), скульптурных фигурок животных (напр., собаки), бронзовых, янтарных, стеклянных, пастовых, сердоликовых бус и т. д. Этот материал конкретно указывает на связь древнего населения Абхазии с населением центральной части Северного Кавказа. В Куланурхвинском могильнике наряду с колхидскими погребениями впервые в Абхазии обнаружены и погребения с инвентарем скифского типа, состоящим из бронзовых и железных наконечников стрел. Наряду с человеческими погребениями вскрыто здесь и погребение лошади также с инвентарем скифского типа – бронзовые удила со стремечковидными концами и железные псалии с отверстиями.

Обнаруженный инвентарь скифского типа в Куланурхвинском могильнике указывает на существование тесных взаимоотношений между древним населением современной Абхазии и степной полосы Восточной Европы. Об этом особенно наглядно говорят найденные здесь принадлежности конские сбруи, которые являются пока единственными находками такого рода на территории Закавказья.

Одинаковые формы бронзовых изделий, характеризующих колхидскую культуру, встречаются как в Абхазии, так и на всей территории Западной Грузии и центральной части Северного Кавказа. На Северном Кавказе некоторые из основных форм бронзовых изделий, имеющих сходство с колхидскими, хорошо представлены в памятниках так называемой кобанской культуры, в частности, на территории Северной Осетии (известный могильник в сел. Кобан). Это указывает на развитие культуры населения Северного Кавказа

на рубеже II - I тыс. до н. э. в тесной связи с племенами Абхазии и всего юго-восточного побережья Черного моря.

У представителей колхидско-кобанской культурной области прослеживается общность и в идеологическом отношении. Эта общность устанавливается по рисункам и скульптурным формам бронзовых предметов. Обращают на себя внимание особенно украшения предметов оружия, именно топоров, как знаков определенной общественной и религиозной власти. На них как в Абхазии, так и в Северной Осетии встречаются одни и те же изображения, связанные с производственно-магическими и тотемическими представлениями.

Сходство колхидской и кобанской культур порождено глубокими культурно-историческими связями между населением центральной части Северного Кавказа и населением юго-восточного Черноморского побережья. Не исключена также и возможность этнического родства между носителями колхидской и кобанской культур.

Но между колхидской и кобанской культурами имеется и различие. Это различие хорошо прослеживается в погребальном обряде, формах топоров, поясных пряжек, стержневых булавок с Н-образными головками, типов браслетов и т. д. Для инвентаря абхазских мужских погребений характерно наличие наконечников копий и дротиков. Между тем, в могильниках кобанской культуры показательным является не только отсутствие наконечников стрел (общая черта для всей территории колхидско-кобанской бронзы), но также и отсутствие наконечников копий и дротиков. На Северном Кавказе отсутствуют также некоторые характерные для Колхиды предметы – бронзовые мотыги, плоские топоры или тесла, сечки-ножи для раскроя кожи, топоры – «цалды». Если в центральной части Северного Кавказа, в зоне распространения кобанской бронзы, до некоторой степени характерным является изогнутый топор, то для территории Абхазии и всего юго-восточного побережья Черного моря типичны бронзовые топоры с остроообушной частью и полукруглым лезвием[1]. Однако здесь следует заметить следующее. На территории Абхазии, в отличие от остальной части

[1] **О.М. Джапаридзе.** Колхидский топор. «Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа», т. XVI–В., Тбилиси, 1950.

юго-восточного побережья Черного моря, наряду с остроообушным топором с полукруглым лезвием хорошо представлены бронзовые топоры так называемого верхнекубанского типа[1] с молотковидным обухом и узким лезвием. Факт широкого распространения этого типа топора в Прикубанье и в Абхазии говорит о связях древней Абхазии с культурой западного Предкавказья.

Подавляющее большинство колхидских и кобанских топоров покрыто сложным гравированным орнаментом и не имеет следов употребления в работе. Следовательно, они рабочих функций не несли. Что касается топоров верхнекубано-абхазского типа (с молотковидным обухом и узким лезвием), то они почти никогда не украшались узорами, а некоторые из них сохранили даже следы использования.

В эпоху колхидской культуры основой хозяйства Западного Закавказья являлось скотоводство. Земледелие не имело большого значения. В поселениях (Красный маяк, древние слои Гуадиху близ Сухуми) есть земледельческие орудия, в частности мотыги, но они делались по преимуществу из камня. О значении скотоводства говорят различные бронзовые фигуры овец, баранов, быков, собак, найденные в могильниках Абхазии. Так, например, группа скульптурных животных (овец, баранов, собак), изображенных на колоколовидных бляшках из Аагстинского (Гудаутский район) погребения и на бронзовом топоре из Куланурхвинского могильника, имеют, несомненно, отношение к овцеводческому хозяйству и к соответствующему производственному культу, иережиточно сохранившемуся до недавнего времени у абхазов в почитании Алышькинтыра – божества собак и Джабрана – прародительницы коз и овец. Эти божества являлись долями «великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства, при молении которым у абхазов в первый же день после масленицы приготовлялись соответствующие им фигурки из теста»[2].

Естественной основой скотоводческого хозяйства в Абхазии являлись летние горные пастбища и подножные корма. Зимой эти

[1] **А. А Иессен.** Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 105.

[2] **Н. С. Джанашиа.** Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», том IV. Петербург, 1915, стр. 77, 81.

пастбища были недоступны, и скот перегоняли в нижнюю предгорную зону. На основе этого перегонного, или «яйлажного» скотоводства, развивались взаимные отношения между отдельными родовыми и племенными группами Абхазии и Центрального Кавказа. Это обстоятельство способствовало развитию тесных культурно-исторических связей между населением указанных территорий.

В эпоху колхидской культуры металлообработка в Абхазии стояла на высоком уровне. Наряду с бронзой местные металлурги начали осваивать обработку железа, но бронзовые изделия еще преобладали. Отлитые в формах бронзовые предметы искусно покрывались сложным и вместе с тем изящным орнаментом. Изготовление широкого ассортимента высококачественных орудий труда, оружия и украшений в этот период не являлось доступным всякому, это было профессией особых родовых мастеров, металлургов-литейщиков, отрывавшихся постепенно от общины. Таким образом, металлургия в своем социальном проявлении способствовала разложению родового общества. В период наивысшего расцвета колхидской культуры (примерно, VII в. до н. э.), благодаря росту производительных сил, быстро возрастает богатство, принадлежащее уже не всему роду, а отдельным большим патриархальным семейным общинам внутри рода. При раскопках могильников этой эпохи наряду с богатыми погребениями встречаются и более бедные. Этот факт свидетельствует о том, что среди членов рода появляется уже имущественная дифференциация. Таким образом, накопление богатств происходит теперь уже внутри отдельных семей (вождей, жрецов, мастеров, скотоводов), которые постепенно обособляются не только имущественно, но и социально. Вожди и богатые члены рода или племени заставляли работать на себя не только пленников, но и своих слабых сородичей и соплеменников.

В это время важное хозяйственное значение имела добыча соли, доставка которой с Северного Причерноморья была организована греками значительно позже. Дороговизна соли, между прочим, нашла свое выражение в абхазской поговорке «куплено на соль?», которая употребляется, когда хотят отметить драгоценность или трудность добывания какого-либо предмета. В ряде пунктов Черноморского побережья непосредственно у берегового вала встречены культурные слои колхидского времени, обычно содержащие обломки больших четырехугольных сосудов с тканевыми (текстильными) отпечатками на поверхности. Формы сосудов с закопченными стенками, присутствие в культурном слое в большом количестве обожженных галек, слои угля и золы говорят, по-видимому, о солепромысловом характере этих поселений. Соль добывали на месте непосредственно из морской воды. На побережье собиралось население из горных мест, чтобы приютовить себе запас соли до нового сезона. Вероятно, соль на больших многовесельных лодках отправлялась вдоль морского берега, она вывозилась также в глубь страны.

Селища со своеобразной керамикой, открытые на побережье Абхазии, знакомят нас и с другим промыслом – ткачеством, игравшим также большую роль в жизни местного населения.

Вышеотмеченные четырехугольные сосуды лепились в жесткой форме, затем с сосуда сдирали ткань, и на его поверхности оставался отпечаток тканевой плетенки, а после сосуд обжигали[1]. Для формовки сосудов употреблялись разнообразные ткани, начиная с грубого рядна и кончая тонким полотном. У грубой материи основа гораздо толще, чем нити утка; на поверхности сосуда она составляет отпечатки ряда продольных полос. В тонкой материи основа и уток одинаковой толщины. Это, несомненно, льняной холст, выработка которого, очевидно, достигала большого совершенства. Эта отрасль хозяйственной деятельности в конце бронзовой эпохи переросла рамки домашнего производства и работала на сбыт. Этим можно объяснить почти монопольное положение на рынке закавказского льна. Об этом льне Геродот писал: «Они (колхи) и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического...»[2]. Природные условия Абхазии, как и всей Западной Грузии, чрезвычайно благоприятны для разведения льна, и на протяжении длительного времени лен оставался здесь основной технической культурой.

[1] **Л. Н. Соловьев.** Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950.

[2] **Ю В. В. Л атышев.** Известия древних писателей о скифии *и* Кавказе, ВДИ, 2, 1947, стр. 256.

В эпоху колхидской культуры (XI–VII вв. до н. э.) мы встречаем уже первые сведения о племенах, являвшихся, по-видимому, предками абхазского народа. Так в надписях царя Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.) впервые упоминается название племени абешла, причем этому древнеассирийскому названию, по мнению некоторых исследователей[1], могут соответствовать позднейшие апсилы (апшилы), встречающиеся в греко-римских источниках как наименование древнего населения южного побережья Абхазии. Апсилы, как известно, одно из абхазских племен. По сообщениям античных авторов апсилы жили к северу от колхов, у впадения реки Коракса (совр. Кодори) в Черное море; вследствие этого у греческих авторов VI в. до н. э. (Гекатея Милетского и др.) они известны и под названием кораксов. Сама река Коракс у античных авторов известна и под названием Абсилис.

По своему происхождению абхазы принадлежат к иберийско-кавказской этнической группе. Эта семья состоит из четырех этнических групп – картвелы, или грузины (карты, мегрело-чаны и сваны), вайнахцы (чеченцы и ингуши), дагестанцы (аварцы, лезгины, даргинцы, лаки, табасаранцы и др.) и абхазо-адыги (абхазы, абазины, адыгейцы, черкесы и кабардинцы). Представители иберийско-кавказской этнической группы связаны друг с другом общностью происхождения и являются древнейшими обитателями Кавказа.

[1] **Г.А. Меликишвили.** Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 75–76.

АБХАЗИЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ
Образование классового общества

В VII–VI вв. до н. э. население, жившее на территории современной Абхазии, переживает значительный сдвиг в своем экономическом и культурном развитии. Коренным изменением в материальном производстве этого времени явилось широкое освоение железа. Бронзовые орудия и оружия сменяются железными, каменные орудия окончательно выходят из употребления.

В этот период в прибрежной части Абхазии родовой строй, под воздействием культурно-экономических изменений и глубокого имущественного расслоения среди членов рода, постепенно идет к своей неминуемой гибели. Разложение родового строя и образование классов более интенсивно происходили на побережье Колхидской низменности, в том числе и на побережье Абхазии, в то время как в горных районах страны сохранялись еще устои первобытнообщинного строя во всей его полноте в течение долгого времени.

Древние могильники, раскопанные в различных пунктах низменной части Абхазии, отчетливо показывают, что в V–IV вв. до н. э. здесь имелась выраженная имущественная дифференциация. Раскопанные погребения заключают богатый и разнообразный инвентарь, в погребениях найдены серебряные и бронзовые украшения, а также оружие, разная утварь и монеты. Среди погребений имеются богатые и бедные. В некоторых из них найдено много оружия, перстней-печатей, браслетов, серебра, монет, греческих чернолаковых сосудов, янтарных, пастовых и стеклянных бус, в других обнаружено очень мало предметов и притом недорогих. Встречаются погребения и без всякого инвентаря.

Все хозяйство, весь хозяйственный быт существенным образом изменяются. В этих изменениях значительную роль сыграло

развитие скотоводства, в особенности, дальнейшее распространение домашней лошади. Эти хозяйственные перемены намного облегчили сношения между различными племенами и дали толчок к возникновению более крупных этнических образований.

Усиливаются связи с внешним миром. Начало связей с Грецией восходит к VII в. до н. э., когда греческие мореплаватели делаются главными посредниками в мировой торговле. На своих парусных кораблях они приплывали к побережью Черного моря и вели торговлю с местным населением. Там, где торговля обещала существенные выгоды и где были удобные стоянки для судов, они основывали колонии. Колонки возникают в Крыму около VI в. до н. э. – Херсонес и Пантикапей. В устье Западного Буга основывается Ольвия. На территории современной Грузинской ССР – Фазис (совр. Поти), Диоскурия (совр. Сухуми), Питиус (совр. Пицунда) и др.

Сведения о первом знакомстве эллинов с побережьем Кавказа сохранились в известном греческом мифе об аргонавтах, повествующем о плавании корабля «Арго» к берегам Колхиды.

Около VI в. до н. э. образовалось Колхидское раннерабовладельческое царство, в состав которого входила и территория Абхазии. Древнегреческие писатели дают более или менее подробное описание этого богатого края и его населения.

Сношения греков с Колхидским побережьем имели важные последствия: они приобщили к мировой торговле и ускорили хозяйственное и общественое развитие жившего на этой территории населения.

Население занималось в основном скотоводством и земледелием. В прибрежных районах и в плодородных долинах рек земледелие постепенно становится ведущей отраслью хозяйства, причем наряду с кое-где сохраняющимся старым мотыжным типом, возникает и развивается земледелие с применением деревянного плуга и рабочего скота. Развивались и различные ремесла. Особенно выделялось производство льняного полотна, которое, как отмечалось, поступало на внешний рынок под именем «сардонического» и славилось наравне с египетским.

С развитием этих отраслей хозяйства население производило продуктов больше, чем было необходимо для поддержания жизни. Это приводило к обмену продуктами между родовыми общи-

нами и отдельными лицами. Обмен содействовал дальнейшему расширению производства. Он вел к накоплению богатства в руках вождей и отдельных более сильных семей, которые завладевали лучшими участками земли, частью скота и вели собственное хозяйство, заставляя работать на себя захваченных ими в плен людей – рабов.

По сообщению древних авторов, жители побережья современной Абхазии искусно плавали на быстроходных лодках вдоль берегов Кавказа. Некоторые из них нападали на торговые суда и поселения с целью захвата богатств и пленных, обращаемых в рабов. Греческий географ Страбон писал об этом: «Выходя в море на своих камерах (лодках,– Ред.) и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море... Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву... Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удается им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших...»[1].

Отсюда видно, что определенная часть местного населения занималась военным грабежом, являвшимся одним из основных источников для накопления богатств. Приток военной добычи, наравне с торговым обменом, ускорял разложение родового строя и способствовал образованию имущественного и классового неравенства.

Сравнительно быстрому развитию Колхиды способствовала растущая внешняя торговля. В VI–V вв. до н. э. благодаря интенсивному развитию внешней торговли и внутреннему обмену появляются здесь местные серебряные монеты, так называемые «колхидки», считающиеся одними из древнейших монет в мире. Разнообразие типов и вариантов этих монет, встречающихся в различных районах исторической Колхиды, позволяет выделить их в совершенно самостоятельную группу античных монет, характерных только для юго-восточного побережья Черного моря. Наиболее распространенными среди них являются мелкие «трио-

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., ВДИ, 4, 1947, стр. 213–214.

болы» с изображениями человеческой головы, на одной стороне, и головы быка, на другой. Широкое распространение этих монет говорит о высоком для того времени торгово-экономическом и культурном уровне древнего населения Колхиды, на территории которой сложились условия для образования классового общества. Столицей Колхиды был город Айя, расположенный у устья Фазиса (Риони).

Население Колхиды, которое древние греки именовали колхами, не было единым по своему этническому составу. Территорию Колхиды населяли эгрисцы, являвшиеся предками позднейших мегрело-чанов, а также предки нынешних абхазов, сванов и другие племена.

Богатая природа Кавказа имела огромное значение для развития торговых сношений местного населения с древней Грецией. Отсюда поступал на мировой рынок ряд продуктов, получивших широкую известность. С Кавказа вывозились: тис, самшит, корабельный лес, смола, пенька, льняные ткани, кожа, шерсть и т. д. Ряд древних писателей говорит о добыче здесь золота и серебра, упоминается также добыча сурика. Славились в древнем мире и колхидские целебные травы, служившие для изготовления лекарств, были известны растительные краски.

Но особенно ценным товаром, привлекавшим внимание греческих купцов, был живой товар – рабы. Они требовались в огромном количестве для рабовладельческих государств древнего мира.

Большое значение приобрело Кавказское побережье при развитии торговли греческих городов с северным побережьем Черного моря, откуда в значительном количестве вывозился хлеб. В ту эпоху небольшие греческие суда не отваживались пересекать пространство Черного моря по прямому направлению, а совершали плаванье вдоль берегов, от порта к порту, что на современном морском языке называется каботажным плаванием. Они заходили в кавказские порты, способствуя увеличению их торгового оборота.

Археологический материал показывает, что богатая верхушка коренного населения побережья Абхазии вела интенсивную торговлю с появлявшимися здесь греческими купцами. Эта часть населения пользовалась выгодами обмена, в результате которого

она становилась обладательницей различных, ранее ей не доступных благ. Изящные чернолаковые сосуды, отличные ткани, оливковое масло, разнообразные художественные изделия, ценный строевой лес, кожи, шерсть, пеньку, смолу, мед можно было получить у греческих купцов в обмен на рабов.

В VI–V вв. до н. э. на территории Абхазии, на базе более древних местных поселений, возникает ряд относительно крупных населенных центров, в которых греческие купцы вели торговые операции с местным населением. Таковы были прежде всего Питиунт, Диоскурия и др., основанные греками из малоазийского города Милета.

В результате археологических исследований последних лет, можно считать установленным, что Диоскурия была расположена на месте Сухуми. Но надо полагать, что значительная часть территории древнего города находится ныне на дне Сухумской бухты. Об этом свидетельствует ряд археологических предметов и памятников, найденных здесь на дне моря, в частности, великолепное античное мраморное надгробие (конца V–начала IV в. до н. э.) с превосходными рельефными фигурами двух женщин и юноши. На дне моря найден и скульптурный бюст из мраморовидного известняка. Установлено также, что на дне бухты имеются остатки древних сооружений. Уже давно во время сильных штормов находили выброшенные волнами на берег обломки греческой чернолаковой посуды, античные монеты и другие памятники материальной культуры.

Можно заключить, что строения, располагавшиеся некогда на берегу, оказались под водой, вследствие постепенного опускания берега.

В IV–III вв. до н. э. в районе современного Сухуми были крупные каменные здания, крытые черепицей. Об этом свидетельствует найденная здесь первоклассная древняя черепица местного и привозного (синопского) происхождения. Население города, судя по многочисленным находкам, поддерживало постоянную связь с древней Грецией. В древней сухумской керамике, наряду с местной, в значительном количестве представлена привозная чернолаковая, а также амфорная посуда из различных центров древней Греции.

Диоскурийские купцы вели оживленную торговлю с многочисленными кавказскими племенами, покупая у них шерсть, мед, воск, ценную древесину и, главным образом, рабов, сбывая им, в свою очередь, предметы ремесленного производства и соль, в которой местное население ощущало нужду, особенно в горных частях страны.

В IV–II вв. до н. э. Диоскурия играла на побережье Кавказа значительную экономическую и политическую роль. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во II в. до н. э. в Диоскурии чеканилась своя собственная монета. На это же указывают и сообщения Страбона, который пишет: «...Диоскуриада есть торговый центр, общий для всех народов, живущих восточнее; в него сходятся, по рассказам, более 70 народностей, говорящих на разных языках»[1].

К периоду существования в районе современного Сухуми древнего города Диоскурии относится обширный грунтовый могильник, открытый на горе Гуадиху, в северной части Сухуми. В нем оказалось значительное количество погребений с сожжением, в которых найдено множество железных и бронзовых предметов, состоявших из оружия и украшений, В состав оружия входят железные топоры-секиры, топоры-молотки, мечи, кинжалы, втульчатые наконечники копий. К предметам украшения принадлежат браслеты, фибулы (застежки), булавки, шейные гривны, серьги, скульптурные фигурки животных, бусы и т. д. Наряду с этим в погребения клали бронзовые перстни-печати, и глиняную посуду. Особый интерес представляют перстни-печати на щитках которых имеются тончайшей работы резные изображения человеческих фигур и животных. По своему стилю и технике исполнения они являются замечательными произведениями античного искусства В состав могильного инвентаря входят и серебряные монеты «колхидки», относящиеся к IV–III вв. до н. э.

Наряду с Дноскурией важную экономическую и политическую роль на побережье всей Колхиды играл город Питиунт, расположенный на территории Пицундского мыса. Свое название город получил от богатейшей рощи реликтовой сосны, представляющей остатки растительного мира третичного периода. По-гречески сосна называется «Питиус».

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., ВДИ, 4, 1947, стр. 246.

Автор II в. до н. э. Артемидор Эфесский, а позднее и Страбон называют Пицунду «великим Питиунтом»[1]. Этот город являлся крупным торговым пунктом на юго-восточном побережье Черного моря; он вел оживленную торговлю не только с кавказскими племенами, но также с античными городами Северного Причерноморья и с различными центрами древней Греции.

На побережье Абхазии наряду с относительно крупными городами были расположены и мелкие фактории, как, например, Гюэнос, в районе современного города Очамчире, Триглит, в районе Гагра, и др.

Центральная часть Гюэноса, упоминаемого древними авторами IV в. до н. э. размещалась на небольшом насыпном холме, имевшем 50 м в ширину и 70 м в длину. Среди находок здесь преобладает чернолаковая посуда и встречается много морских ракушек, употреблявшихся в пищу греками. За пределами этого небольшого участка жило местное население, не употреблявшее в пищу ракушек и пользовавшееся, по преимуществу, местной, прекрасно изготовленной посудой. Здесь был найден целый ряд украшений местного производства, отличавшихся тонкой ювелирной работой.

Античные поселения, находясь в окружении местных племен, росли и развивались благодаря самому тесному их хозяйственному контакту с аборигентами края. Торговля с греками была выгодна и для местного населения. Греческие колонии способствовали росту как внешней торговли, так и внутреннего обмена в стране. Вместе с тем греческая культура сыграла, несомненно, важную роль в развитии местной культуры.

Население этих прибрежных городов состояло из местных жителей и греков, которые в социально-экономическом отношении принадлежали к различным слоям населения: имущественной аристократии, рядовым жителям, ремесленникам, наемникам-воинам, рабам и др. Развитая культура местного населения и его тесные связи с культурой греков находят прекрасное подтверждение в материалах, добытых археологическими раскопками на побережье Абхазии. Местное население, в свою очередь, оказывало влияние своей самобытной культурой на бытовой уклад и культуру античных поселений в Абхазии.

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., стр. 214.

Экономическое развитие Абхазии в VI–I вв. до н. э.

В VI–I вв. до н. э. в хозяйственной жизни населения современной Абхазии наряду с земледелием значительное место по-прежнему занимало скотоводство. Разведение скота продолжительное время носило здесь, как и до этого, важный характер. Основными видами домашних животных были корова, овца, коза и другие, на что указывают кости этих животных, найденные при археологических раскопках в различных пунктах Абхазии. Для перевозки тяжести и верховой езды население пользовалось лошадьми. Это подтверждается находками лошадиных костей.

Земледелие практиковалось, главным образом, на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. Для обработки земли пользовались деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот. Железные сошники от деревянной сохи обнаружены при археологических раскопках на горе Гуадиху. Здесь же был найден и железный серп. Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень, особые разновидности проса (по-абхазски ашы и абыста, грузинск. гоми) и другие хлебные злаки.

Высоко были развиты на территории Абхазии скотоводство и виноградарство. Эти отрасли хозяйства культивировались с древнейших времен. Славилась страна также своими прекрасными плодами, льном, коноплей, корабельным лесом.

Процветали здесь и различные ремесла. Наличие основных видов ремесленного сырья – дерева, металла и др. способствовало значительному развитию ремесленного производства. Большое значение в развитии ремесла имела, как было сказано выше, металлообработка. Раскопки на территории Абхазии – в Сухуми и других пунктах показали, что древние жители этого края для изготовления орудий и оружия пользовались в основном железом.

Местные мастера обработки металла в соответствии с. потребностью населения изготовляли основную массу железного и бронзового инвентаря, необходимого в быту, оружие, а также различные украшения. Из оружия изготовлялись железные топоры типа секиры-молотка с чрезвычайно широкими лопастями, топоры-молотки с полукруглым лезвием, кинжалы с сердцевидными перекрестиями у основания рукояти, а также наконечники копий в общих для всего Закавказья формах, втульчатые, с листовидным острием.

На успехи развития металлургии указывают и орудия хозяйственного назначения. К ним относятся прежде всего пахотные земледельческие орудия – железные сошники. Они сделаны из толстого железа и состоят из нижней плоской рабочей части с заостренным краем и верхней, представлявшей разрезную втулку, форма которой показывает, что данный предмет насаживался на деревянный стержень примитивного плуга или сохи. Одновременно с ними бытовали и железные цалды с крючковидным верхним концом типа современных, употреблявшиеся для корчевания сорняков, с которыми приходилось бороться земледельцу.

На сравнительно высокий уровень развития в Абхазии металлообрабатывающего производства и связанного с ним ювелирного и гравировального дела указывают также многочисленные художественные изделия (браслеты, перстни, булавки, шейные гривны, фигурки животных, фибулы, нашивные бляхи и др.).

Наряду с металлургией хорошо было развито в Абхазии гончарное дело. Местные мастера изготовляли высококачественные керамические изделия. Основная масса посуды состояла из небольших горшков, чаш, кружек, кувшинов. Украшались сосуды волнообразными линиями, елочными, сетчатыми, треугольными, ямочными и другими видами орнаментации. Встречаются и культовые, ритуальные, парные сосудики. Кроме простой столовой и кухонной посуды, мастера изготовляли таровую амфорную посуду для перевозок, большие глиняные сосуды для хранения зерна, вина и других продуктов, а также черепицу для покрытия крыши домов и т. д.

На значительном уровне развития для того времени находилось и ткацкое дело. На это конкретно указывают такие предметы, как, например, пирамидальные отвесы для ткацких станков, пряслица и др., найденные при раскопках в Сухуми и других пунктах на побережье Абхазии. Ткачи-ремесленники изготовляли шерстяные ткани. Из таких тканей шились различные одежды, скрепляемые бронзовыми булавками и застежками.

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к разделению труда, специализации в области производства, к появлению избыточных продуктов, способствовавшему развитию торговли. Жители гор спускались на равнину для покупки соли и некоторых других продуктов, в частности тканей, украшений и пр.

Борьба абхазских племен против римских завоевателей

В последней четверти II века до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовало сильное Понтийское государство, возглавлявшееся Митридатом VI Евпатором. Вся территория юго-восточного побережья Черного моря, в том числе и Абхазия, находилась в подчинении у Митридата. В его владения входило и северное побережье Черного моря..

Римское рабовладельческое государство, которое с III в. до н. э. вело завоевательные войны на Востоке, уже в конце II века до н. э. имело свои владения в Малой Азии. Оно стремилось полностью завоевать Малую Азию и побережье Черного моря. Такая политика со стороны Рима привела к столкновению непримиримых интересов двух государств. Митридат вступил в решительную схватку с Римом, продолжавшуюся около 25 лет. Союзниками Митридата были царь Армении Тигран II и царь Иберии Артаг. Борьба в конечном итоге закончилась победой римлян. Отступая под напором римского полководца Помпея, Митридат вынужден был в 66–65 гг. до н. э. провести в Диоскурии целую зиму вместе с остатками своей разгромленной армии.

Разгромив Митридата, римляне в 65 г. до н. э. подчинили себе Колхиду. С этого времени на побережье Колхиды обстановка резко меняется. Римляне, стремившиеся прежде всего к занятию наиболее важных стратегических плацдармов, тогда же разместили в Питиунте, Диоскурии и других пунктах Абхазии свои гарнизоны. Они огнем и мечом утверждали свое владычество на берегах Абхазии. В I в. н. э. Диоскурия не была еще восстановлена. В отношении этого города Ган Плиний Секунд (I в. н. э.) говорит, что «теперь, он находится в запустении, но некогда был до того славен, что, по словам Тимосфена, туда сходилось до 300 племен, говоривших

на разных языках. И после того наши [римляне.–Ред.] вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»[1]. Римляне построили на месте Диоскурии укрепление, названное ими Севастополисом. Здесь они надеялись создать себе опорный пункт для завоевания всей Колхиды, но все их попытки проникнуть в глубь страны наталкивались на упорное сопротивление местных племен, которые так и не допустили римлян полностью поработить их родину. Поэтому римляне вынуждены были ограничиться только захватом нескольких пунктов на Кавказском побережье Черного моря, где они держали свои небольшие гарнизоны, часто находившиеся в осаде, а порой и уничтожавшиеся местным населением, восставшим против них.

Город Диоскурия, или Севастополис, в I–II вв. н. э. представлял небольшую крепость с римским гарнизоном. Во II в. н. э. римский легат (посол) Арриан прибыл туда и за полдня успел «выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров»[2]. Из этого сообщения видно, что к тому времени Диоскурия совсем утратила свое былое значение, превратившись в обычное военное поселение.

В последующее время, примерно со второй половины II–III вв. н. э., Севастополис становится крупным торговым центром ремесленного производства, особенно керамического. Материалами раскопок подтверждаются оживленные торгово-экономические связи с античными центрами, особенно с городами Южного и Северного Причерноморья.

К периоду существования в районе современного Сухуми города Севастополиса относятся остатки небольшой сторожевой башни[3]. Археологическими раскопками обнаружено здесь значительное количество обломков различной глиняной посуды, в том числе краснолаковых и амфорных сосудов, много фрагментов черепицы, керамических пирамидальных отвесов для ткацкого станка, глиняных светильников и т. д. На одном из последних имеется древнегреческая посвятительная надпись, которая гласит: «Давай,

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., ВДИ, 2, 1949, стр. 291.

[2] **В.В. Латышев.** Указ, сот, ВДИ, I, 1948, стр. 269–270.

[3] Восточнее Сухумского железнодорожного вокзала.

поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»[1]. Найден также ряд серебряных и медных монет с портретами римских императоров Септимия Севера, Марка Аврелия, Коммода. Эти монеты относятся к последней четверти II и началу III в. н. э.

К римскому времени относятся также и остатки древних оборонительных стен, обнаруженных в Сухумской крепости, которые сохранились до наших дней.

Наряду с Диоскурией-Севастополисом римляне превратили в укрепленный пункт и город Питиунт. Археологическими раскопками в центральной укрепленной части города выявлены разные хозяйственные сооружения и жилые кварталы, характеризующие городскую жизнь и коммунальное хозяйство. Среди коммунальных сооружений привлекает внимание баня, типичная для II–III вв. нашей эры. Баня, имевшая канализационную и водоотводную сеть, с центральным коллектором, состояла из четырех залов, среди которых имелся зал отдыха. Его пол был покрыт квадратными и ромбовидными керамическими и каменными плитами. Найдено большое количество керамики первых трех веков нашей эры, в том числе много сосудов-амфор и домашней краснолаковой посуды.

В пицундских культурных слоях найдено около 300 монет разных эпох, среди них преобладают римские, византийские и боспорские монеты. Среди боспорских монет особенно интересна монета Котиса II. Она дает возможность датировать слои концом первого и началом второго столетия нашей эры.

Археологический материал показывает, что в I–III вв. н.э. население побережья Абхазии было подчинено Риму, прежде всего в экономическом отношении. Это хорошо прослеживается по римским монетам, многочисленные находки которых свидетельствуют о развитии внутренней и внешней торговли у местного населения.

Развитие обмена и торговли на побережье Абхазии подтверждается находками предметов, привезенных из различных уголков Римской империи - амфор для вина и масла, стеклянных сосудов, изящной керамической посуды, предметов украшения

[1] **Г.С. Каухчишвили.** Греческая надпись на сухумском светильнике. Тр. АбИЯЛИ. Т. XXVIII, 1957, стр. 288.

и других вещей. Из Абхазии в Римскую империю, а затем, после ее распада, в Византию вывозились пенька, меха, кожи, мед, воск, строительный лес и рабы.

Все же сношения Рима с Кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей. Римские правители преследовали в Абхазии, главным образом, свои военно-стратегические и политические цели. Восстановленные и укрепленные ими города являлись прежде всего военными форпостами на дальних подступах к империи. Римляне, в частности, проявляли большой интерес к перевальным путям на Северный Кавказ, контролируя которые они могли вывозить оттуда большое количество рабов, а также не допустить вторжения в пределы Римской империи «варваров». Однако римлянам так и не удалось полностью подчинить Абхазию своему политическому влиянию, хотя некоторая часть племенной знати перешла на службу к римлянам. В массе же население вело с римлянами постоянную борьбу, нападало на укрепления и уничтожало военные гарнизоны.

В I – II вв. н. э. ряд крупных ударов был нанесен римлянам на побережье Абхазии. По сообщению автора I в. н. э. Гайя Плиния Секунда[1], местным населением края было разрушено римское военное укрепление в Питиунте. В те же I – II вв. н.э., как это показывает археологический материал, неоднократно подвергался нападениям также Севастополис.

Борьба против римских завоевателей в Колхиде по своему масштабу принимала временами широкий и в известной степени организованный характер. Так, в I в. н.э. происходит крупное восстание против римлян, возглавленное одним из местных жителей Колхиды по имени Аникет, который сумел объединить много людей из различных пунктов страны. Участники этого восстания взяли штурмом римское военное укрепление в гор. Трапезунде и разгромили располагавшийся там гарнизон.

Хотя это восстание потерпело поражение, но в конечном счете Риму не удалось вполне утвердиться на Черноморском побережье Колхиды. В частности, на территории современной Абхазии, примерно с конца III–IV вв. н. э., все римские укрепления, в том

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., ВДИ, 2, 1949, стр. 291 –292.

числе Севастополис и Питиунт, подвергались частым нападениям и разрушениям в результате освободительного движения местных племен, известных у римлян под названием апсилов и абазгов – непосредственных предков абхазского народа.

О происхождении древнеабхазских племен

По своему происхождению абхазы связаны, как известно, с иберийско-кавказской семьей народов, происходящей от общего этнического корня. Единство происхождения этих народов подтверждается как родством их языков, так и множеством общих элементов в материальной и духовной культуре. Поэтому проблема происхождения абхазского народа является частью общего вопроса о происхождении иберийско-кавказского этнического мира.

Приведенные выше факты из истории материальной культуры на территории Абхазии свидетельствуют, что страна была непрерывно заселена человеком, начиная от нижнего палеолита. Потомки аборигенного населения, создавшего эти памятники, явились одним из составных компонентов впоследствии сложившегося абхазского этноса, в силу чего они должны быть отнесены к далеким предкам абхазского народа.

С другой стороны, важное значение имеет тот факт, что иберийско-кавказские языки генетически связаны с некоторыми древнейшими языками (ныне мертвыми) Передней Азии, в частности, с так называемым прото-хеттским языком, распространенным в восточной части Малой Азии в далекой древности. Такое родство проявляют и абхазско-адыгские языки (абхазско-абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский).

Еще во втором тысячелетии до нашей эры в северо-восточных районах Малой Азии бытовали многочисленные племена, известные под общим наименованием кашков или абешлайцев. Эти названия употреблялись как синонимы, и они, несомненно, увязываются с названием «косогов» или «кашагов» (под этим именем в средние века были известны адыги) и «апсилов» (апшилов), в котором усматривается самоназвание абхазов – «апсуа».

Кашки (абешла) также должны рассматриваться как одни из предков абхазского народа, но в ту далекую эпоху, по-видимому,

еще не произошла дифференциация языков абхазско-адыгской группы.

То обстоятельство, что предки абхазов (и адыгов) в далеком прошлом проживали в северо-восточной части Малой Азии, а также в юго-западном секторе Кавказа, подтверждается, в частности, топонимическими данными. Засвидетельствованные на данной территории многие географические названия принадлежат к абхазско-адыгскому языковому миру – Синопэ, Акампсис, Апсиртос, Супса, Дуабзу, Молтаква и др.

Историко-археологическими данными устанавливается, что в древности (с конца III тысячелетия до н. э.) происходило продвижение племен абешла-кашкайской группы из Малой Азии на Западный Кавказ. Причиной такого передвижения являются интенсивный процесс распада родовых отношений, происходивший в среде этих племен, а также давление со стороны внешних захватчиков.

Племена, переселявшиеся с юга, постепенно смешивались с коренным, древнейшим населением края, этнически, вероятно, родственным им. В результате этого процесса этнической консолидации и образовался древнеабхазскии этнос – непосредственный предок абхазской народности. Ведущая роль пришлого элемента была обусловлена его большей этнической устойчивостью и, в частности, более высокой культурой.

Таким образом, формирование древнеабхазского этноса происходило на Черноморском побережье Кавказа, в том числе и на территории нынешней Абхазии. Следовательно, абхазы и являются древнейшим, автохтонным населением края.

В античную эпоху, как было уже показано, появляются письменные свидетельства об обитателях Западного Кавказа в том числе и Абхазии. Так, Гекатей Милетский (вторая половина VI в. до н. э.) локализует на территории Абхазии «племя» кораксов, а по соседству с ним – колов. Псевдо-Скилак Кириандский (вторая половина IV в. до н. э.) перечисляет племена гениохов, кораксов, колов, колхов и др.

Автор I в. н. э. Плиний Секунд впервые упоминает абхазское племя апсилов, а также санигов, которые локализуются на территории Северной Абхазии (апсилы – в южной).

Особенно ценные сведения содержатся у Флавия Арриана (первая половина II в. н. э.). О племенах, населявших территорию Абхазии, Арриан пишет следующее: «За лазами следуют апсилы... с апсилами граничат абаски. Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит город Севастополь...»[1].

Хотя Арриан не дает, к сожалению, точной локализации каждого племени в отдельности, однако из контекста его описания вытекает, что апсилы населяли Южную Абхазию (нынешний Гальский район), абазги занимали территорию нынешнего Очамчирского района, а к северу от абазгов обитали саниги. Лишь впоследствии эти племена под давлением своих южных соседей – лазов перемещаются далее, к северу.

Абхазские племенные объединения в первые века н. э.

В период борьбы племен Черноморского побережья Колхиды против римлян все ярче проявляется внутренний процесс упрочения племенных образований края. Еще ранее, в III–II вв. до н. э., в Колхиде существовали так называемые «скептухии» – небольшие полусамостоятельные племенные области. Со временем вместо общих названий «Колхида» и «колхи» появляются новые этническо-политические объединения племен: лазов, апсилов, абазгов, санигов и других, причем к этим древним обитателям Кавказского Причерноморья перешло первенствующее положение в политической жизни края.

В ходе непрерывной борьбы местных племен против завоевателей зависимость Абхазии от империи была ослаблена. К концу I в. н. э. на территории Абхазии уже сложились княжества апсилов, абазгов и санигов – новые политические образования с князьями местного происхождения, утверждавшимися римскими императорами.

По своему социально-экономическому облику эти политические объединения представляли, по-видимому, новые племенные образования раннефеодального типа, в которых, естественно, сохранялись значительные пережитки патриархально-общинного строя.

[1] **В.В. Латышев.** Указ. соч., ВДИ, 2, 1949, стр. 270.

Римские императоры не желали самостоятельного существования абхазских княжеств, но в силу необходимости вынуждены были мириться с этим положением и идти на уступки.

Согласно сообщениям Арриана, территория апсилов и абазгов во II в. н. э. распространялась до Севастополиса, а в течение III–V вв. абазги заняли и земли своих северных соседей–санигов, вплоть до реки с характерным названием Абаск (современная река Псоу), подчинив их своему политическому влиянию и распространив на них свое этническое название.

В IV в. на территории Западной Грузии выдвигается Лазское княжество, которое в социально-экономическом и политическом отношениях оказалось более развитым, чем другие соседние племена. Вскоре лазы (предки мегрельской этнической ветви грузинского народа) объединили под своей властью всю Западную Грузию и образовали единое царство, в состав которого вошли, на вассальных началах, небольшие княжества, расположенные на территории Абхазии – абазгов, апсилов и др.

Культура

Искусство и художественное творчество населения Абхазии указанного периода хорошо прослеживаются на многочисленных и разнообразных археологических материалах, найденных в различных пунктах Абхазии. Широко применялась гравировка на различных металлических изделиях. Изображались на них искусно исполненные геометрические и растительные орнаментации, различные фантастические и реально существовавшие животные.

Художественное мастерство местных мастеров подтверждают также отлитые из бронзы различные пластические изделия: фигурки людей, оленей, лошадей, козлов, собак, птиц и т. д. Среди них особый интерес представляет слегка изогнутый бронзовый ритуальный предмет небольшого размера с фигурой божества – всадника, головками круторогих баранов и колокольчиками из сел. Бамбора Гудаутского района.

По мастерству исполнения обращает на себя внимание и бронзовая фигурка «винопийца» из того же селения. Это обнаженный

мужчина, сидящий в своеобразном кресле и пьющий из большого рога, который он держит обеими руками.

К числу прекрасных произведений местного художественного искусства относятся также своеобразные бронзовые булавки. Так, уникальная булавка найдена в некрополе на горе Гуадиху в Сухуми. Булавка имеет головку и шесть расходящихся полосок, состоящих из двух сплетенных кантов. Полоски упираются в перекладину, концы которой украшены направленными в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина снабжена восьмью ушками с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны наложен спиральный рельефный круг, а с другой стороны укреплено ушко.

На значительный уровень развития художественного творчества указывают и бронзовые браслеты, украшенные птицеобразными, драконовыми, змеевидными головками, а также другими видами орнаментации.

Наряду с памятниками местного художественного творчества, на побережье Абхазии широко представлены и произведения античного искусства. К ним относятся прежде всего замечательная мраморная плита с барельефом, найденная в Сухуми на дне моря. На лицевой стороне плиты изображены три изваянные человеческие фигуры: сидящая в кресле женщина обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика и смотрит на него с глубокой печалью; мальчик, подняв голову, устремил взгляд на нее и слегка касаясь ее бессильно опущенной левой руки. За мальчиком стоит девушка, которая также грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой руке, согнутой в локте, девушка держит на уровне плеча шкатулку, по-видимому, с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного.

Памятник этот, по стилю изображения, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, является произведением античного искусства, в котором художник проявил высокое мастерство. Он не имеет близких аналогий среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья. Барельеф является надгробной плитой, на что, кроме размера и формы плиты, указывает его композиция. Такая композиция

встречается в надгробных памятниках античного искусства конца V в. и особенно в IV в. до н. э.

К памятникам античного искусства принадлежат также литые бронзовые перстни-печати, найденные в могильнике на горе Гуадиху. В одной из могил здесь было обнаружено восемь перстней с различными резными изображениями, на четырех – человеческие фигуры, а на остальных перстнях изображены мастерски исполненные фигуры животных; на первом – лев, на втором – конь, на третьем – орел и на четвертом – сфинкс.

К памятникам искусства позднейшего античного времени относятся мозаичные полы Пицундского храма. Мозаика сложена из местных белых, темно-синих, буро-красных, светложелтых камешков различных форм. Здесь изображен растительный и животный мир: коровы, телята, голуби, павлины, дуб, гранат и т. д., отражающий местную языческую религиозную символику. Имеется также изображение большой вазы с обнаженной человеческой фигурой. Следует также указать на интересное чеканное серебряное блюдо с рельефным изображением охоты царя, найденное на Красной Поляне (Кбаада) и относящееся к III–IV вв. н. э.

В Абхазии представлены также памятники античной христианской архитектуры, относящиеся к I–VI вв. н. э. Укажем на остатки упомянутого выше Пицундского храма. Это трехнефная базилика с выступающей пятигранной абсидой и с уцелевшими базами 10 мраморных колонн. В храме часть пола была покрыта богатой мозаикой, очевидно, на средства одного из представителей местной знати, некого Орэла, имя которого написано на мозаичном полу. Надпись эта гласит: «В моленьи за Орэла и за весь его дом».

На территории укрепленной части города Питиунта обнаружены развалины мощных крепостных стен, башен, разные жилые, хозяйственные и культовые сооружения.

Памятники архитектуры античного времени сохранились и в Сухуми. К ним принадлежат фрагменты древних оборонительных стен, обнаруженных в Сухумской крепости, и остатки сторожевой башни, о которых сказано выше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАМЯТНИКИ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПАМЯТНИКИ КОЛХИДСКОЙ И СКИФСКОЙ КУЛЬТУР В СЕЛЕ КУЛАНУРХВА АБХАЗСКОЙ АССР

ОТ АВТОРА

Данная работа является опытом монографического изучения материалов из раскопок древнего некрополя, производившихся автором в 1948 и 1951 –1952 годах в селе Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР[1]. Вещевые находки Куланурхвского некрополя, представляют немаловажный научный интерес прежде всего принадлежностью их к двум самостоятельным культурам–колхидской и скифской. Публикация материалов раскопок в обобщающей монографической работе даст возможность получить полное представление о результатах исследования некрополя в целом.

Колхидская культура представляет важное историческое явление, потому что она занимала почти всю территорию Западного Закавказья и развивалась одновременно с родственной ей блестящей кобанской культурой, представленной в центральной части Северного Кавказа. При этом нужно подчеркнуть, что ареал колхидской культуры не является пока твердо установленным. А это затрудняет и этнические сопоставления. Но, несомненно, что главными носителями колхидской культуры являлись, прежде всего, абхазские и западногрузинские племена.

Памятники колхидской культуры и родственной ей кобанской широко освещены в капитальных трудах А. А. Иессена, Е. И. Крупно-

[1] Материалы раскопок 1948 года хранятся в Тбилисском государственном университете. Остальная часть находок из раскопок 1951–1952 гг. находится в Гос. музее Абхазии.

ва, а также в работах О. М. Джапаридзе и др. Внимание этих исследователей было обращено к вопросам хронологии, установления специфических особенностей и ареалов колхидской и кобанской бронзы, происхождения местных локальных черт этих культур, выявления производственной деятельности носителей колхидской и кобанской культур и их этнической принадлежности, а также внутренних закономерностей исторического процесса общества колхидско-кобанскиго периода.

Перечисленные вопросы не являются пока окончательно решенными. Все они требуют дальнейшей тщательной и всесторонней разработки на основе расширения масштаба полевых археологических исследований и публикации новых археологических материалов.

Рассматриваемые в настоящей работе вещевые находки колхидской культуры из Куланурхвского некрополя могут сыграть определенную роль при решении некоторых вышеуказанных вопросов Исследование этих находок позволило автору, прежде всего, установить хронологические рамки куланурхвских погребений с инвентарем колхидского типа, выделить некоторые местные особенности колхидской бронзы на территории Абхазии и сделать попытку определить период расцвета колхидской культуры.

Значительный интерес представляют также и освещаемые в работе памятники скифской культуры, которые в Абхазии найдены впервые. Изучение их дало возможность установить реальную связь местного населения Абхазии со скифами Прикубанья и Приднепровья. Среди вещевых предметов этой культуры уникальной до сих пор находкой для всего Закавказья являются бронзовые удила скифского типа со стремяновидными концами.

Памятники скифской культуры из Куланурхвы принадлежат к числу важных вещественных источников, пополнивших наши знания в исследовании скифской проблемы в Закавказье. Этот яркий след, бесспорно, свидетельствует о пребывании скифов на территории Абхазии и заслуживает серьезного внимания. Данный факт, очевидно, связан с походами скифов в Переднюю Азию, начавшимися, как известно, с севера в середине VII в. до н. э. Видимо, Черноморское побережье Абхазии и Западной Грузии было одним из возможных путей, использованных скифами при их продвижении в Закавказье и в Переднюю Азию.

Археологические исследования в Абхазии неизменно приносят все новые и новые исторические свидетельства о ее сложном, еще не до конца выясненном, прошлом. История Абхазии, которую в какой-то степени пополняет публикуемая работа, является существенным разделом всей истории Кавказа, к сожалению, еще в полной мере не разработанным.

Настоящая работа не претендует на то, чтобы дать историкам и археологам исчерпывающий материал по памятникам колхидской и скифской культур. Цель ее – ввести в научный оборот собранный в 1948 и 1951–1952 годах археологический материал, который, хотя и невелик, но может внести новые данные в историю колхидско-кобанской культуры и в изучение скифской проблемы в Закавказье[1]

[1] От редакции. Материалы Куланурхвского могильника опубликованы М.М. Трапш в следующих изданиях:

М.М. Трапш. Куланурхвский древний моглильник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сухуми, 1951.

М.М. Трапш. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва. Тр. АбИЯЛИ, XXV, Сухуми, 1954.

М.М. Трапш. Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва. Тр. АбИЯЛИ, XXV, Сухуми, 1954.

М.М. Трапш. Итоги раскопок в сел. Куланурхва в 1951 году. Тр. АбИЯЛИ, XXVII, Сухуми, 1956.

М.М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Под редакцией А.А. Иессена. Сухуми, 1962.

Настоящая публикация подготовлена на основе монографии 1962 г. с добавлением некоторых данных по другим статьям и рукописям.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

В течение XIX и в начале XX вв. в Абхазии побывало немало как специалистов-археологов, так и ученых путешественников, интересовавшихся археологией (Дюбуа, Муравьев, Броссе, Бакрадзе, Уварова, Сизов, Миллер и др.). Однако все они занимались почти лишь учетом и предварительным изучением христианских памятников края, причем некоторые из них полагали, что здесь вообще нет ни дольменов, ни древних могильников. Так, например, в 1886 году П. С. Уварова, устанавливая южную границу распространения дольменов около Сочи, утверждала, что дольмены в Абхазии не существовали[1].

Археологические раскопки в Абхазии впервые были произведены В. И. Сизовым[2] в 1886 году в Сухуми и его окрестностях, где предполагалось местонахождение Диоскурии. Раскопки велись в небольшом масштабе при малом количестве рабочих. В результате раскопок В. И. Сизов собрал богатый керамический материал античного времени.

Таким образом, В. И. Сизов первым из исследователей Абхазии сделал попытку по обследованию архаических памятников материальной культуры края.

[1] **П. С. Уварова.** Несколько дополнительных сведений по вопросу о Кавказских дольменах. МАК, вып. IX, М., 1904, стр. 175.

[2] **В. И. Сизов.** Восточное побережье Черного моря. МАК, вып. II, М., 1839, стр. 10–39.

А.А. Миллер[1] в одной из своих статей, основываясь на сообщениях древних авторов (Апполония Родосского, III в. до н. э.) о способе погребения, практиковавшемся у древних колхов (подвешивание покойников на деревьях), и привлекая некоторые этнографические сведения авторов XVII–XVIII вв. (Ламберти, Вахушти) о подобном погребении у абхазов. ошибочно утверждал, что древних могильников в Абхазии вообще нет. При этом А. А. Миллер, видимо, не был знаком с ценным указанием абхазского этнографа С. Т. Званба (1809–1855 гг.), который в своей работе «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», опубликованной в 1855 году, писал: «Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с костьми земле при обычном обряде погребения»[2]. Не говоря о других наших источниках, эта цитата из работы С. Т. Званба, проливающая некоторый свет на обряд погребения древнего населения Абхазии, достаточно определенно говорит против вышеуказанного ошибочного вывода об отсутствии каких бы то ни было древних могильников на территории Абхазии.

Из любителей археологии, обосновавшихся в Абхазии, следует указать на В. И. Чернявского – по профессии натуралиста-зоолога. В целях изучения Черноморской береговой фауны он приехал в 1870 году на постоянное жительство в Сухуми и, прожив здесь более 40 лет, немало времени посвятил ознакомлению с местными памятниками, заметки о которых он публиковал в «Известиях Императорского Российского Географического Общества» (ИИРГО), в газете «Черноморский вестник» и других органах. Памятники, которые В. И. Чернявский обнаруживал, он отправлял в Музей ИР ГО. Какая-то часть из них, очевидно, была и в местном Сухумском музее, если можно так назвать предназначенное для хранения археологических вещей жалкое помещение, из которого после объявления русско-турецкой войны 1877–1878 годов памятники были вывезены в Кутаиси, где и затерялись.

[1] **А. А. Миллер.** Из поездки по Абхазии в 1907 году. Материалы по этнографии России, т. 1, СПб., 1910, стр. 61.

[2] **С. Т. Званба.** Этнографические этюды. Под редакцией и предисловием проф. Г. А. Дзидзария, Сухуми, 1955, стр. 68, (переиздание).

В. И. Чернявский живо интересовался древностями края, но его исторические познания были ограничены. Это был, по характеристике лично знавшего его А. Л. Лукина, человек, насыщенный археологической фантастикой и суеверными рассказами местных жителей. Он, например, почему-то считал, что Диоскурия была основана чуть ли не в середине второго тысячелетия до нашей эры.

Все приведенные факты говорят о том, что до установления Советской власти изучение Абхазии в археологическом отношении сводилось только к поверхностному и случайному наблюдению, чем и объясняется ошибочность делавшихся исследователями выводов.

Многочисленные памятники материальной культуры, которые позднее были выявлены в крае и которые обогатили Абхазский государственный музей, а также частично Государственный Эрмитаж в Ленинграде и Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа, продолжительное время оставались неизвестными археологам-специалистам.

Только после установления Советской власти было начато серьезное археологическое изучение края. В этом отношении определенную роль сыграл первый съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа, состоявшийся в Сухуми в сентябре 1924 года. Этот съезд дал толчок местным краеведам для изучения Абхазии в историко-археологическом отношении[1]. На этом съезде А. Л. Лукин впервые демонстрировал несколько бронзовых предметов из Гудаутского района.

В 1926 году двумя членами б. Абхазского научного общества краеведами М. М. Иващенко и В. И. Стражевым, работавшими в Сухуми до начала 1930-х годов, было положено начало делу систематического собирания, разведки и музейного хранения местного археологического материала.

В. И. Стражев[2] впервые описал культуру конца бронзового века на территории Абхазии, позднее получившую название колхидской, которая, как теперь твердо установлено, занимала всю

[1] **В.И. Стражев.** Руинная Абхазия. Известия АбНО, вып 1, Сухум 1925, стр. 133.

[2] **В. И. Стражев.** Бронзовая культура в Абхазии, Известия АбНО вып. 4, Сухум, 1926.

Западную Грузию и Абхазию. Она представляет южную параллель ставшей ранее известной кобанской культуре, распространенной в центральной части Кавказа.

Несмотря на большой интерес, вызванный в научном мире этими находками, они характеризовали лишь первый этап исследования, заключавшийся в накоплении фактических данных, без исторического осмысления памятников.

До 1929 года в Абхазии обычно обнаруживались разрозненные единичные вещи колхидской бронзы. В 1929 году это положение изменила случайная находка в поселке Аагста, селения Мугудзырхва, Гудаутского района. Здесь при рытье канавы на участке Д. Хварцкия было обнаружено древнее грунтовое погребение с богатым бронзовым инвентарем (топоры колхидского типа, поясная пряжка, украшенная фигурой животного, биконические бусы, ножные кольца и другие вещи). Нужно отметить, что Аагстинское погребение было первым случаем нахождения в Абхазии комплекса могильного инвентаря, свидетельствовавшего, бесспорно, о наличии древних могильников в крае. Погребение доследовал А. Л. Лукин и обнаружил в нем еще ряд бронзовых предметов. Эту могилу он отнес к типу погребений со скорченным, правосторонним положением костяка.

Аагстинская находка вместе с большой коллекцией археологических предметов, преимущественно бронзового века, собранной А. Л. Лукиным в Бзыбской Абхазии в течение тридцати с лишним лет, опубликована в одной из его работ[1]. Свой материал он систематизирует по известной классификации А. А. Иессена[2], подчеркивая, однако, что «вопрос синхронности общественного развития по этапам для Северного Кавказа, Абхазии и других частей Закавказья этим делением, естественно, не предрешается»[3]. Статья А. Л. Лукина как это указывает и сам автор, является преимущественно описательной, но автор, тем не менее, делает попытку исторически интерпретировать изданный им материал. Необхо-

[1] **А. Л. Лукин.** Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды ОИПК Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1941.

[2] **А. А. Иессен.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК. Вып. 120, 1935, стр. 77–78.

[3] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., стр. 19.

димо отметить, что А. Л. Лукин совершенно правильно ищет осмысления археологического материала в связи с материальной и духовной жизнью того народа, который жил на территории, давшей этот материал. Исторические памятники, опубликованные А. Л. Лукиным, представляют большой научный интерес.

В 1930 году М. М. Иващенко обследовал несколько погребений, обнаруженных случайно в сел. Нижняя Эшера Сухумского района. Отдельные кости человека вместе с предметами колхидской бронзы: наконечниками копий, топорами, кинжалами, украшениями, а также с сердоликовыми бусами, находились в больших глиняных, богато орнаментированных сосудах, установленных на плоских известняковых плитах. На основании анализа эшерских находок М. М. Иващенко в своей работе «Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии» (Тифлис, 1935 г.) впервые высказывает мысль о том, что носителями этой культуры были колхи и что центром ее распространения является Западная Грузия.

Вместе с тем, в указанной работе М. М. Иващенко, исходя, во-первых, из сообщений древних авторов о способе погребения, существовавшем у колхов (подвешивание покойников на деревьях), во-вторых из исторических свидетельств ряда путешественников по Абхазии в XVII–XVIII вв. о подобном же обряде погребения у абхазов, в-третьих, из некоторых данных абхазской этнографии, (учитывая, в частности, сведения об обряде воздушного погребения при убийстве молнией), пришел к выводу, что у колхов существовал вторичный обряд захоронения. Подтверждением этой мысли явились урновые погребения из селений Нижняя Эшера и Приморское.

Следует отметить, что говоря о датировке колхидской бронзовой культуры, М. М. Иващенко[1] слишком омолаживает ее, ошибочно относя эти памятники, «по крайней мере для Абхазии», к эпохе эллинской колонизации восточного побережья Черного моря, что в корне не соответствует наиболее приемлемым археологическим и историческим источникам.

[1] **М. М. Иващенко.** Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Известия научно-иссл. Института Кавказоведения, вып. 3, Тифлис, 1935, стр. 68.

В том же селении Нижняя Эшера в 1934 году Абхазской археологической экспедицией под общим руководством акад. И. И. Мещанинова было обнаружено еще одно, сохранившееся в неприкосновенности, погребение в крупном глиняном сосуде. который был поставлен горлом вниз на каменную плиту. В сосуде находился инвентарь колхидского типа: топор, кинжал, наконечники копий и другие предметы[1]. На основании эшерской находки и других аналогичных бронзовых предметов, обнаруженных случайно в различных пунктах Абхазии и Западной Грузии, И. И. Мещанинов впервые назвал эту бронзовую культуру колхидской.

Инвентарь указанного эшерского погребения, из раскопок 1934 г., подробно описанный в работе Б. А. Куфтина, также подтверждает высказанную М. М. Иващенко мысль о существовании вторичного обряда захоронения у колхов. К такому же выводу пришел и Л. Н. Соловьев[2] в одной из своих работ. В названной работе Б. А. Куфтина подробно освещается интересующая нас бронзовая культура колхидского типа. Для исследования этого вопроса он использовал весь известный ему материал из районов исторической Колхиды, главным образом – Абхазии. При анализе этого материала Б. А. Куфтин пришел к выводу, что территория распространения колхидской бронзы не дает основания обращаться к Северному Кавказу, как к месту ее происхождения, что процесс оформления основных форм хозяйственно-бытового инвентаря этой культуры проходил, несомненно, на территории исторической Колхиды[3].

А. А. Иессен[4] в своих капитальных работах, посвященных бронзовому веку Кавказа, уделил большое место памятникам эпохи поздней бронзы Абхазии и Западной Грузии.

Изучая клады бронзового века, найденные в Западном Закавказье, А. А. Иессен впервые проследил в них две различные

[1] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, 1, Тбилиси, 1949 стр. 192–199.

[2] **Л. Н. Соловьев.** Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды АбИЯЛИ, XXXI, Сухуми 1960, стр. 89–90.

[3] **Б. А. Куфтин.** Указ. соч., стр. 225–233.

[4] **А. А. Иессен.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, 1935.

группы. Он указал, что первая из них характерна исключительно для Западного Закавказья, а вторая для кобанской бронзы, давно известной на Северном Кавказе[1]. По его мнению, в эпоху поздней бронзы ведущую роль на территории Северо-Западного Кавказа играла металлургия Западного Закавказья.

Памятникам колхидской бронзы посвящена специально одна из работ О. М. Джапаридзе, в которой он на основании анализа археологического материала приходит к выводу, что колхидская и кобанская культуры, хотя и характеризуются некоторыми общими чертами, все же не тождественны, в достаточной степени отличаются друг от друга и являются самостоятельными культурами[2].

За последние девять лет, начиная с 1951 года по 1959 г. наши знания в отношении памятников колхидской бронзы значительно пополнились новыми археологическими открытиями, сделанными в Сухуми[3], в столице Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики. В 1951 году на Сухумской горе[4] был вскрыт целый ряд погребений с инвентарем колхидского типа. Раскопанные здесь погребения по своему устройству и обряду захоронения подразделяются на два типа. К первому типу относились округлые могильные ямы с полной кремацией покойников. В них встречались бронзовые пластинчатые браслеты, серебряные пластинчатые фибулы, колокольчики и т. д. Ко второму типу принадлежало одно погребение. Могильная яма имела удлиненную форму, покойник в ней находился в вытянутом положении на спине, с ориентацией головы на юго-запад. Инвентарь этого погребения состоял из трех бронзовых топоров колхидского типа, одного слегка граненого браслета из того же металла и двух небольших глиняных сосудов. На соседней вершине Гуадиху в могильнике, открытом автором в 1952 году, за период работ 1952–1954 гг. были вскрыты 32 могилы с инвентарем колхидского типа, вмещающихся в хронологические рамки VIII–VI вв. до н. э. Эти погребения принадлежали к двум типам: округлые могильные ямы с полным сожжением покойника и могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойника. Вещевые находки из этих могил характеризуются бронзовыми орудиями (так называемые сечки), железными топорами и кинжалами, бронзовыми булавками, фибулами, пластинчатыми браслетами, биконическими бусами, пронизями и т. д.

К числу памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа принадлежит также первоклассный могильник, открытый автором в пос. Красный маяк[1], на западной окраине Сухуми в 1956 году.

За период раскопок 1956–1959 гг. здесь вскрыто 135 погребений с инвентарем колхидской бронзы, охватывающих примерно VIII –VI вв. до н. э. Погребения по устройству и обряду захоронения подразделяются на три типа. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной формы с галечной подстилкой. Покойник клался в вытянутом положении на спину или в скорченном положении с ориентацией головы на северо-запад. Ко второму типу принадлежат могильные ямы округлой колодцеобразной формы с галечным подстилом. В них совершался вторичный обряд захоронения. К третьему типу принадлежат погребения в больших богато орнаментированных глиняных сосудах с вторичным обрядом захоронения. В ряде погребений вместе с бронзовыми топорами колхидского типа встречались железные и бронзовые наконечники копий. В инвентаре могил есть и редко встречающиеся типы вещей. Например, был найден бронзовый нагрудный панцирь древневосточного происхождения, представляющий геральдическую стилизацию грифа. Интересно отметить здесь наличие одного погребения со скифскими вещами.

Таким образом, из всего сказанного видно, что в Абхазии только за годы Советской власти достигнуты определенные успехи по выявлению и изучению памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа. Собранные и накопленные за этот период археологические материалы, особенно материалы раскопок

[1] Там же, стр. 130.

[2] **О. М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 283.

[3] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. СА, XXIII, Москва, 1955.

[4] **А. Н. Каландадзе.** Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954,

[1] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958. Подробнее об этих памятниках см. во II томе настоящего собрания сочинений.

последних лет, являются важнейшими вещественными источниками для изучения древней истории народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, где получили блестящее развитие две самостоятельные, но тесно связанные между собой культуры: колхидская в Западном Закавказье и кобанская в Центральной части Северного Кавказа.

За советский период вопросам древней истории Северо- Западного Кавказа посвящено немало работ. К ним относятся, прежде всего, труды таких крупных кавказоведов, как А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и др. Однако все еще остаются нерешенными многие важные вопросы истории и культуры народов указанной части Кавказа, вопросы, которые могут быть разрешены по мере выявления раскопок и публикации новых археологических материалов.

К числу историко-археологических проблем, стоящих перед исследователями, занимающимися изучением древней истории Северо-Западного Кавказа, относятся такие вопросы, как установление специфических особенностей и районов распространения двух тесно связанных, но самостоятельных культур – колхидской и кобанской, как происхождение местных локальных черт этих культур и их датировка, как выявление производственной деятельности носителей колхидской и кобанской культур и их этническая принадлежность.

К числу проблем, также еще не решенных окончательно советской исторической наукой, относится и такая важнейшая проблема как скифская. Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов в ряде своих работ, на основании археологического материала, часть которого раскопана ими самими, установили взаимосвязь скифов Кубанских и Приднепровских районов с горным Кавказом и Закавказьем. Памятники скифской культуры, как уже выясняется, хорошо представлены на Кавказе, в том числе на территории Абхазской АССР. С разрешением скифской проблемы связаны и вопросы происхождения многих народов, живущих ныне на обширной территории юго-восточной Европы, в том числе и на Кавказе.

Некоторые вопросы из числа перечисленных проблем, связанные с изучением памятников колхидской и скифской культур в Абхазии, автор стремится осветить в данной работе, основанной на изучении материалов Куланурхвского некрополя.

ГЛАВА II

РАСКОПКИ КУЛАНУРХВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Селение Куланурхва принадлежит к числу крупных населенных пунктов Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики. Оно находится к северо-востоку от города Гудаута и расположено на всхолмленной живописной территории между двумя реками: с запада река Гудоу, с востока река Дахуарта. Этимология названия Куланурхва (Куланырхуа), отражающего родовой характер древнего поселения на данной территории, объясняется как «холм или возвышенность рода Кулан (Кулан)». Отдельные представители этого рода жили в данном селе до начала XX века. Слово это состоит из следующих составных частей: родовое имя (Кулан), показатель множественности (р) и холм или возвышенность (хуа).

В центральной части Куланурхва, в 6–7 км от гор. Гудаута, на нескольких холмах и в низинах, расположен поселок Абгаюара.

В северной части поселка имеется довольно высокая возвышенность, носящая название «Аджра», что в переводе с абхазского означает «Дубовая роща». Эта возвышенность с тремя сильно размытыми склонами, обращенными на юго-восток, юго-запад и северо-запад. Северо-западный склон круто обрывается в глубокий овраг Джинджика, заросший кустарниками (чинар, дуб и др.). Юго-западный и юго-восточный склоны постепенно понижаются в направлении к поселку Абгаюара, причем по юго-восточному склону проходит грунтовая дорога, ведущая в селение Дурипш.

Почва, на возвышенности Аджра и ее склонах, представляет собой темновато-серую глину, содержащую известняковые камни

и конгломераты. Подпочва состоит из обычной для этой местности желтоватой глины.

Возвышенность Аджра была прежде покрыта густым дубовым лесом, вырубленным в начале XX столетия для использования местности под посевы. Вырубка леса на крутых склонах повлекла за собой эрозию почвы, в результате чего поверхностными водами почвенный покров был в значительной степени смыт. Этим следует объяснить то, что при обработке пахотной земли на юго-восточном склоне Аджра, на площади около 1500 квадратных метров, крестьяне часто находили под растительным слоем разные бронзовые вещи: топоры колхидского типа, пластинчатые браслеты с завитыми концами, широкие браслеты цилиндрической формы, ножные кольца, поясные пряжки со звериной головкой, сосуды и многие другие предметы.

Рис. 1 – Куланурхвский могильник. Вид на юго-восточный склон

Однако о наличии здесь древнего некрополя никто из местных жителей не догадывался. Они думали, что обнаруживаемые предметы изготовлены из драгоценного металла, собирали их и прятали. Когда же выяснилось, что эти вещи – бронзовые, крестьяне перестали их собирать, а если находили, то, в большинстве случаев, просто выбрасывали их под заборы и в кустарник. Лишь некоторая часть из этих предметов, хранившаяся у крестьян еще с 1925 года, была приобретена автором в 1948 году. Таким образом, на этом участке продолжительное время разрушался древний некрополь, являвшийся драгоценнейшим историческим памятником.

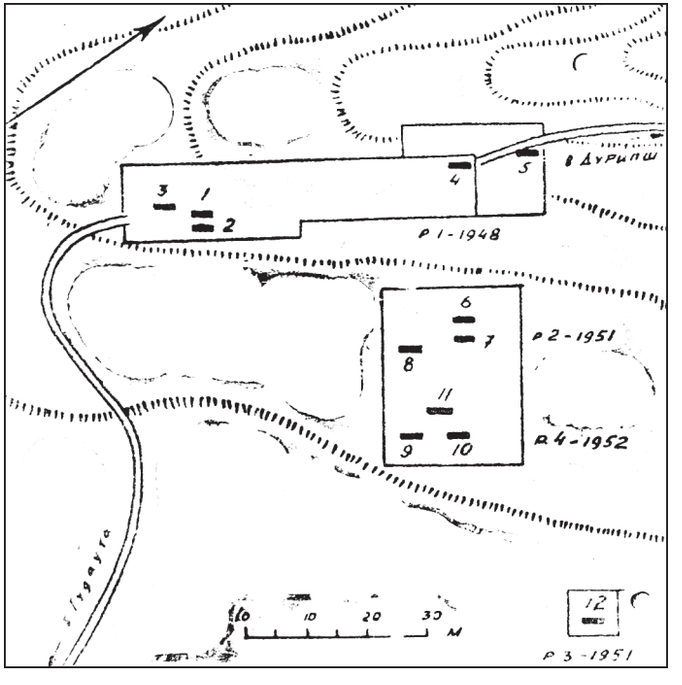

Рис. 2 – План расположения раскопов и погребений на территории Куланурхвского могильника

Собрав все сведения о прежних археологических находках на возвышенности Аджра и руководствуясь личными наблюдениями, автор выбрал для исследования юго-восточный склон указанной

возвышенности, раскопки на котором произведены в 1948, 1951 и 1952 гг. (рис. 1). В результате раскопок было вскрыто двенадцать погребений: одиннадцать человеческих и одно конское. Из них девять погребений (погр. 1–3, G–9, 11, 12) содержали инвентарь колхидской бронзы, а остальные (погр. 4, 5, 10) – инвентарь типично скифский.

Все изученные погребения располагались на площади 100 х40 м (рис. 2) и имели очень неглубокое залегание –15 – 35 см в слое

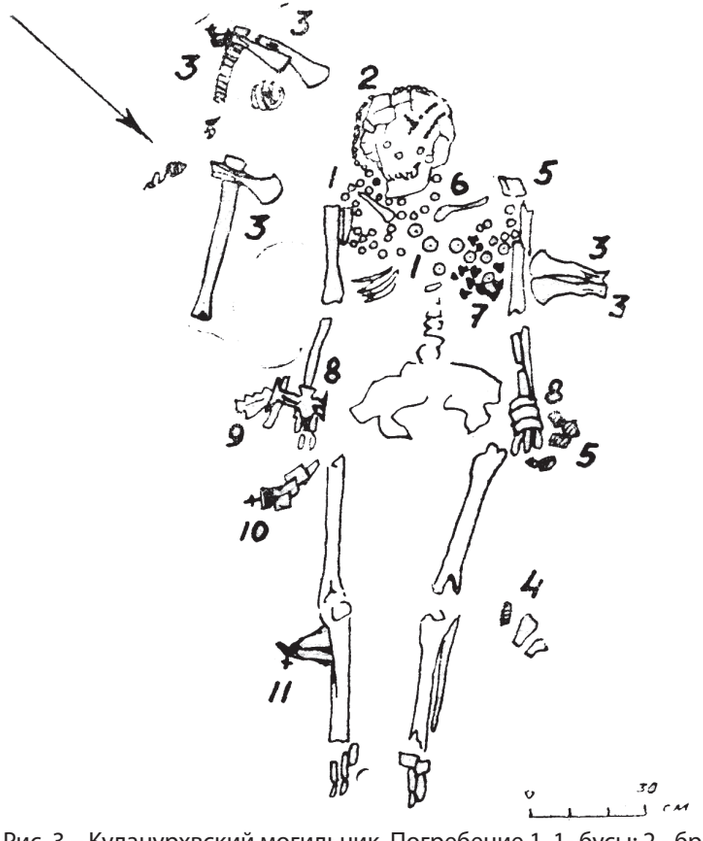

Рис. 3 – Куланурхвский могильник. Погребение 1. 1- бусы; 2 - бронз. цепочка; 3 - топоры; 4 - обломки бронз. сосуда; 5 - обломки глин. сосуда; 6 - обломки гривны; 7 - бронз. пронизи; 8 - бронз. браслеты; 9 - кости животного; 10 - бронз. пряжка; 11 - бронз. фигурки.

темновато-серой глины. В территориальном размещении они сильно рассосредоточены, но как будто бы компануются в отдельные группы–1, 2, 3; 6, 7, 8; 9, 10, 11. Такие группы удалены между собой на 10–40 м. Судя по наличию еще не тронутых раскопками обширных промежуточных участков, можно полагать, что могильник далеко не исчерпан раскопками. Но полученные в результате исследований 1948, 1951–1952 гг. материалы настолько интересны, что они, несомненно, заслуживают настоящей публикации.

Погребение 1–мужское, располагалось на склоне возвышенности Аджра, посреди грунтовой дороги. Глубина могилы 20–30 см. Ширина могилы 80 см, длина два метра. Дно ямы состояло из порошкообразной извести. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад к морю: с немного повернутым к востоку лицом (рис. 3). Длина костяка от теменной части черепа до сохранившихся конечностей ног около 170 см. Череп был раздавлен. Руки были вытянуты вдоль тела. Мелкие кости рук (запястья и фаланга пальцев, за исключением нескольких) не были обнаружены. Пяточные и плюсневые кости, фаланги пальцев ног, а также ребра, позвонки, лопатки, тазовая кость – в основном сгнили. Сохранившиеся кости скелета (руки и ноги) находились в естественной связи.

При костяке найдено большое число предметов. Вокруг черепа лежали пастовые бусы (табл. 11, 2) и фрагменты бронзовой цепочки из тонкой проволоки, один из них длиной 40 см (табл II, 8). Все эти фрагменты, по-видимому, принадлежали одной длинной цепочке, которая, вместе с пастовыми бусами, служила украшением головного убора.

Правее черепа на 20 см лежали два бронзовых топора колхидского типа, повернутые лезвием к костяку (табл. I, 5, 6). Обух одного из этих топоров был украшен скульптурной фигуркой собаки (табл. I, 5), а другой – гравированным орнаментом с обеих сторон лопасти и шейки (табл. I, 6). Топор с фигурой собаки первоначально имел деревянную рукоять. Об этом говорят фрагменты бронзовой спирали из трехгранного узкого прута, свернутой в кольца овальной формы (табл. I, 2) и тянувшейся прямо от насадочного отверстия топора параллельно костяку. В нижнем конце этих спиральных колец находилась втульчатая бронзовая оправа для

конца не сохранившейся деревянной рукояти, обмотанная бронзовой спиралью из трехгранного прута. Однотипная втульчатая бронзовая оправа, предназначенная для верхнего конца рукояти, лежала с другой стороны овальной проушины топора.

Между топорами и черепом найдены обломки сосуда из тонкой листовой бронзы (табл. I, 3) и относящиеся к нему трехгранные в сечении кольца из того же металла (табл. I, 3). Восстановить форму сосуда не удалось ввиду его сильной фрагментированности. Судя по расположению колец вокруг обломков бронзовых пластин, можно полагать, что они отбыли надеты на сосуд с целью украшения и придания ему прочности.

Около правой руки, лезвием к костяку, лежал третий орнаментированный бронзовый топор колхидского типа на полой разрезной бронзовой рукояти (табл. I, 1). Рукоять сломана выше середины, по-видимому, тяжестью проезжавших арб (дорожная колея проходила как раз по сломанному месту рукояти). Поперек нижнего конца рукояти вставлен железный стерженек.

У средней части правой локтевой кости находились обрывки бронзовых цепочек из тонкой проволоки, аналогичные найденным вокруг черепа.

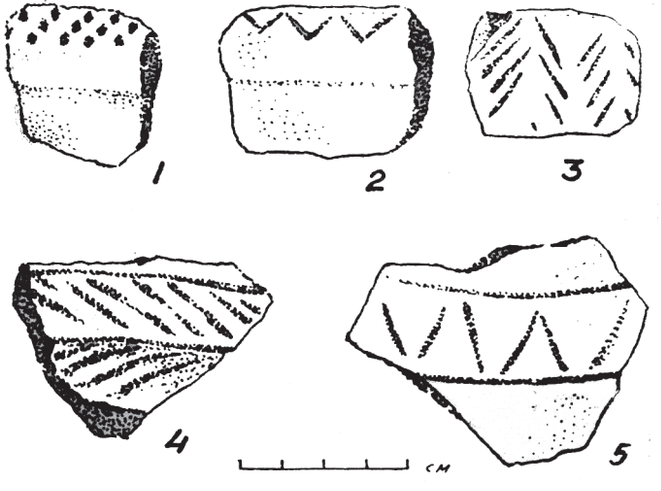

Рис. 4 – Куланурхвский могильник. Обломки глиняных сосудов. 1, 5 - из погр. 5; 2, 3 - из погр. 1; 4 из погр. 2

У левого плеча на расстоянии 6 см лежали два обломка глиняного сосуда с врезным елочным орнаментом (рис. *4–2,* 3).

Под подбородком собраны дугообразно располагавшиеся обломки какого-то металлического сплава сероватого цвета. На основании расположения этих обломков можно сделать вывод, что они составляли один дельный предмет, служивший, по всей вероятности, шейным украшением – гривной.

Кроме того, на шее и, главным образом, в области груди лежало большое количество бус: сердоликовые, с желтовато-белой расцветкой поверхности (табл. II, 4), стеклянные (табл. II, 5) и фрагменты крупных янтарных бусин, среди которых имеется одна целая бусина (табл. II, I).

На левой стороне грудной клетки находились бронзовые конические пронизи в количестве 18 штук (табл. II, 6). Из них 16 с кнопкообразной головкой и две с заостренной вершиной.

У нижнего конца левой плечевой кости лежали два бронзовых топора колхидского типа (табл. 1, 7, 8), обращенные лезвием к костяку.

На правой руке найдены два раздавленных бронзовых браслета различных типов. Один из них фигурный, с расширенными концами (табл. II, 9), другой широкий, цилиндрической формы (табл. II, 7, 1).

Около кисти правой руки находились сломанные ребра какой-то птицы или мелкого зверька.

На левой руке был надет бронзовый широкий браслет цилиндрической формы, также раздавленный.

Правее правой бедренной кости, на расстоянии 10 см обнаружена бронзовая поясная пряжка, украшенная головкой фантастического животного (табл. 1, 4). Эта пряжка была, возможно, сдвинута с места первоначального положения при корчевке леса или при вспашке земли.

Чуть ниже верхнего сустава правой берцовой кости лежала бронзовая фигура летящей птицы с подвесками наподобие рыб (табл. II,3).

Около левой берцовой кости находилось несколько обломков костей животного и черепки от глиняного сосуда без орнамента.

Заканчивая описание данного погребения, нужно отметить одну его особенность, заключающуюся в том, что здесь отсутству-

Рис. 5 – Куланурхвский могильник. Погребение 2. 1, 4 - браслеты; 2 - гребень; 3 - бусы; 5 - обломки глиняных сосудов; 6 - пряжка; 7 - фигурка

ет кинжал, который вообще был характерен для мужских погребений колхидско-кобанской бронзы.

Погребение 2–женское. Чуть ниже по склону и к юго- востоку от первого погребения на площади 1х1,7 метра на глубине 18

см встречены лежавшие в беспорядке обломки ксстей человека (осколки черепа, фаланги пальцев рук и т. д.) вместе с многочисленными бронзовыми предметами. На этой площади (рис. 5) найдены следующие вещи:

1. Обломки бронзового браслета цилиндрической формы типа браслета из первого погребения (табл. III, 4).

2. Фрагменты тонких бронзовых пластинок, по-видимому, от сосуда.

3. Куски металлического сплава сероватого цвета, аналогичные с найденными в первом погребении, возможно от гривны.

4. Бронзовый гребень с семью зубцами (табл. III, 3).

5. Бронзовые бусы биконической формы (табл. III, 5, 6.) в количестве ста штук.

6. Два бронзовых браслета. Один из них с рубчатой поверхностью (табл. III, 8), другой с восемью наружными выступами (табл. III, 9). Оба браслета найдены в горизонтальном положении, причем просветы их совпадали. Около них обнаружена одна фаланга пальца человеческой руки.

7. Пять черепков от трех различных глиняных сосудов. Один из них украшен врезным елочным орнаментом (рис. 4–4). Эти черепки по составу, обжигу, технике изготовления аналогичны керамике первого погребения.

8. Бронзовая поясная пряжка, украшенная скульптурной головкой какого-то животного (табл. III 2), типа пряжки из первого погребения. Около нее найдены обломки бронзовой пластины от пояса.

9. Изящно выполненная бронзовая скульптурная фигура фантастического животного в лежачем положении, с петлей для подвешивания (табл. III, 1).

10. Маленькая бронзовая пластинка треугольной формы, с блестящей черной патиной по поверхности. Вершина угла этой пластинки имеет отверстие миллиметрового диаметра. Края украшены точечным наколом. Указанное изделие, несомненно, входило в состав ожерелья из бронзовых бус и, возможно, служило амулетом.

Следует заметить, что тождество вещей первого и второго погребения (браслеты цилиндрической формы, пряжки, куски

металлического сплава и керамика) свидетельствуют о синхронности этих двух погребений.

Погребение 3–женское. В 4-х метрах к юго-западу от первого погребения, на глубине 18 см, была обнаружена правая локтевая кость человеческой руки, а затем постепенно вскрыты и остатки костяка. Глубина могилы с северо-западной стороны 30 см, с юго-восточной–18 см. Это объясняется тем, что здесь, как и в первом погребении, костяк благодаря склону, с юго-восточной стороны ямы был ближе к поверхности земли. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головою на юго-запад, к морю (рис. 6). Череп был раздавлен. Руки были вытянуты вдоль тела. Кости запястья и фаланги пальцев обнаружены только на правой руке и то не полностью. Кости ног совершенно отсутствовали; по всей вероятности, они были извлечены из могилы при корчевке леса или же при вспашке земли. Степень сохранности остальных частей скелета (грудная клетка, позвонки, лопатки, тазовая кость) довольно плохая.

Рис. 6 – Куланурхвский могильник. Погребение 3. 1 - серьги; 2 - ожерелье; 3 - булавка; 4 - цепочка; 5 - фибула; 6,7 - подвески; 8 - браслет; 9 - сосуд

При костяке найдено значительное числе вещей. У висков черепа с обеих сторон лежали в горизонтальном положении две серебряные серьги (табл. IV, 1), свернутые из круглого отшлифованного прута.

Вокруг шеи находились мелкие бронзовые бусы {табл. IV, 11) в виде колечек, сделанных из узеньких пластин со сходящимися вплотную концами. Все они оказались лежащими точно отверстием к отверстию, а это говорит о том, что нить, на которую они были нанизаны, долго сохранялась.

На левой стороне грудной клетки около верхней части плечевой кости обнаружена бронзовая булавка (табл. IV, 9) с Н-образной головкой, обращенная острием к плечевому суставу. К головке этой булавки прикреплена длинная бронзовая цепочка с очкообразными привесками на концах (табл. IV, 10).

На той же стороне грудной клетки, в средней части, лежала бронзовая пластинчатая фибула дугообразной формы без иглы (сломана), с бронзовой цепочкой (табл. IV, 3).

У правого края грудной кости находилась железная фибула дугообразной формы миниатюрного размера, с бронзовой цепочкой (табл. IV, 2).

На грудной кости обнаружено разломанное, но легко восстановимое, проволочное железное колечко. Общие размеры: внутренний диаметр 2,2 см, диаметр круглого сечения 4 мм.

На правой стороне грудной клетки лежала пластинчатая бронзовая фибула дугообразной формы с иглой и бронзовой цепочкой (табл. IV, 4).

В 5 см левее правой локтевой кости находился крестовидный бронзовый предмет с кнопкообразными головками и круглым отверстием посередине (табл. IV, б). Ниже его лежала маленькая бронзовая скульптурная фигура свиньи или кабана, на которой сверху в средней части туловища поставлено схематическое изображение какой-то птицы (табл. IV, 5). Эта фигура имеет отверстие, совпадающее по диаметру с отверстием крестообразного предмета, причем оба предмета оказались положенными точно отверстием к отверстию. Это обстоятельство указывает на то, что они были надеты на не сохранившийся деревянный стержень.

С этими вещами связана и бронзовая спираль (табл. IV, 7), которая находилась около шляпки вертикального стерженька крестообразного предмета.

На левой руке был надет браслет из круглого бронзового прута (табл. IV, 8). Ниже браслета лежали 11 черепков от одного сосуда. Черепки эти без орнамента. По составу, обжигу и технике изготовления они аналогичны найденным в предыдущих погребениях.

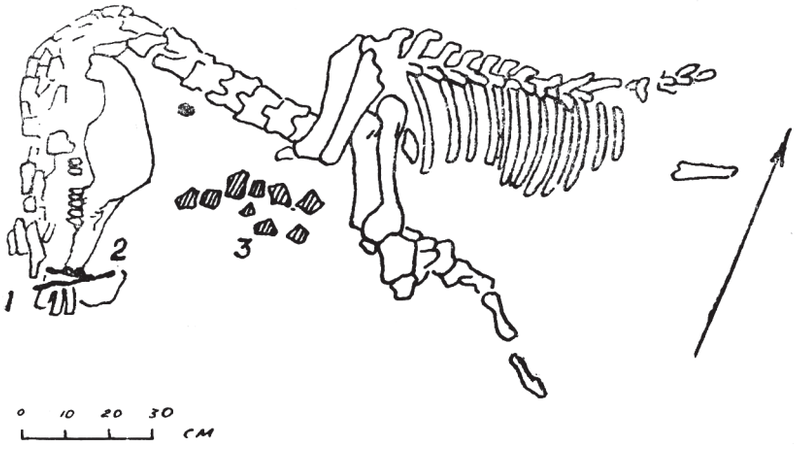

Рис. 7 – Куланурхвский могильник. Погребение 4. 1 - удила; 2 - псалии; 3 - обломки сосуда

Погребение 4 – конское. В 32 метрах к северо-востоку от первого погребения на глубине 15 см показалось стремяновидное ушко бронзовых удил, покрытых ярко-зеленой патиной. По этому следу был вскрыт череп лошади, а затем и вся сохранившаяся часть костяка, лежавшего на глубине 20 см от поверхности земли. Погребальная яма площадью 2х2 м оказалась посередине грунтовой дороги.

Остов коня лежал на правом боку, головой на юго-запад, к морю (рис. 7). Череп и шейные позвонки в основном были хорошей сохранности. Кости ног, за исключением нескольких обломков, отсутствовали. Ребра – плохой сохранности (большая часть сгнила, а оставшиеся – в обломках).

При остове коня найден ряд вашей.

В зубах находились бронзовые удила со стремяновидными ушками (табл. VI, 6).

С обеих сторон челюсти у петель удил располагались железные псалии с тремя петлями или отверстиями и слегка изогнутым верхним концом (табл. VI, 7, 8). Один псалий плохо сохранился; половина его изъедена ржавчиной и рассыпалась на мельчайшие фрагменты.

Ниже шейных позвонков и по остову коня в разрозненном виде лежали обломки глиняных сосудов. Среди черепков имеется ручка от сосуда, украшенная врезным орнаментом, состоящим из косо расположенных параллельных линий.

Это погребение и площадь вокруг него были тщательно раскопаны, но никаких следов человеческого костяка обнаружено не было.

Погребение 5 – мужское. В семи метрах к северу от четвертого погребения на глубине 15 см были обнаружены обломки глиняных сосудов. К западу от этого места на расстоянии 30 см были замечены бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа, лежавшие около нижней части берцовой кости левой человеческой ноги.

Для расчистки была намечена площадь 1х2 метра, которая была раскопана тонкими слоями.

Весь человеческий костяк был вскрыт. Могила глубиной 20 см была расположена посередине грунтовой дороги. Костяк лежал на дне ямы, на спине, в вытянутом положении, головою на юго-запад, к морю (рис. 8). Степень сохранности скелета плохая. Череп был раздавлен. Грудная клетка, за исключением нескольких обломков спинных позвонков и ребер, не сохранилась. Кости обеих рук, лежавших в вытянутом положении вдоль тела, оказались обломанными. Мелкие кости рук (запястье и фаланги пальцев) не обнаружены. Правая нога у погребенного отсутствовала, а кости

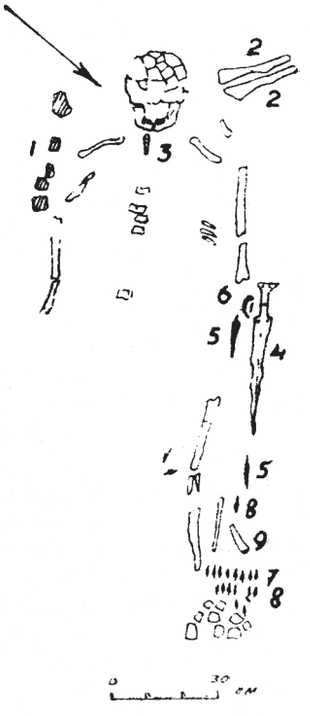

Рис. 8 – Куланурхвский могильник. Погребение 5. 1 - обломки сосудов; 2 - топоры; 3 - обломки гривны; 4 - кинжалы; 5 - нож; 6 - фибулы; 7, 8 - наконечники стрел; 9 - рукоятка

левой, лежавшие в вытянутом положении, были местами сильно повреждены. Пяточные и плюсневые кости и фаланги пальцев ног не найдены.

При костяке обнаружено значительное количество предметов.

Левее черепа в 7 см лежали вплотную друг к другу лезвием к костяку два железных топора типа секиры-молотка (табл. V, II, 26).

На подбородке найден орнаментированный фрагмент серебряной фигурки какого-то животного (табл. V, 10) в виде стержня. Этот обломок не целиком состоит из серебра, а имеет сердцевину из какого-то металлического сплава сероватого цвета. Сплав по цвету сходен с кусками металла, обнаруженными в первом и втором погребениях. Вероятно, это остатки шейной гривны.

Правее черепа в 15 см лежали два обломка от двух глиняных сосудов, украшенных врезным орнаментом в виде ломаных линий (рис. 4–1,5). На одном из этих черепков ломаные линии заключены между двумя параллельными бороздками.

Около верхнего конца правой локтевой кости находились три фрагмента от разных глиняных сосудов, из них один с конически углубленным ямочным орнаментом (рис. 4–1).

С левой стороны на высоте таза лежал узкий железный кинжал с заостренным концом (табл. V, 1). Здесь же, правее рукоятки кинжала, обнаружен железный нож (табл. V, 2), воткнутый острием в землю, и обломок железной фибулы (табл. V, 4).

У нижней части левой бедренной кости, с правой стороны, лежал бронзовый двуперый наконечник стрелы скифского типа ромбовидной формы, который своим острием прикасался к бедру.

Левее верхней части малой берцовой кости лежал лезвием к костяку второй железный нож (табл. V, 3).

Ниже ножа найдены: втульчатая железная вещь с узким заостренным плоским концом, по-видимому, наконечник стрелы; верхняя утонченная часть оленьего рога длиной 7,5 см с грубо обрезанными концами (табл. V, 5). По своему назначению последний предмет являлся, вероятно, ручкой ножа.

Около нижней части левой ноги находились упомянутые выше наконечники стрел скифского типа, в том числе, 13 бронзовых и 5 железных (табл. V, 6–9, 12–25). Причем некоторые стрелы были воткнуты острием в землю.

Погребение 6, обнаруженное в 25 метрах юго-восточнее предыдущего, оказалось разрушенным; оно располагалось на глубине 15 см от дневной поверхности. На площади 1,2х2 м вместе с остатками человеческого костяка найдены следующие предметы:

1. Фрагменты пластинчатого бронзового браслета с четырьмя круговыми ребрами того же типа, что и в первом погребении.
2. Кусочки листовой бронзы, по-видимому, от пояса.
3. Черепки глиняного горшка.

Погребение 7, вскрытое рядом с предыдущим, находилось на глубине 25 см от поверхности земли. Костяк плохой сохранности лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад.

Покойнику был положен ряд вещей. В области груди найдена часть бронзовой спирали трехгранного сечения (табл. VI, 1). На руках находились фрагментированные пластинчатые бронзовые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, однотипные с браслетами первого и шестого погребений. Под шеей собраны стеклянные и сердоликовые бусы, аналогичные бусам первого погребения.

Погребение 8 – разрушенное, располагалось на расстоянии 6 метров южнее предыдущего. На площади 2Х2 метра, на глубине 15 см от дневной поверхности, вместе с фрагментами человеческого костяка, обнаружены следующие вещи:

1. Желобчатый бронзовый браслет (табл. VI, 3).
2. Обломки листовой бронзы, по-видимому, от пояса.
3. Черепки глиняной посуды.

Погребение 9, вскрытое на расстоянии 15 метров юго-восточнее предыдущего, находилось на глубине 25–30 см от дневной поверхности. Костяк оказался хрупким, плохой сохранности. Он лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Покойнику был положен ряд вещей. У левой руки найдены два железных ножа; из них один серповидный (табл. VI, 10), другой фрагментирован. На правой руке был надет желобчатый бронзовый браслет того же типа, что и в восьмом погребении. Около черепа обнаружена часть бронзовой спирали и фрагменты бронзовых цепочек с овальной формы звеньями из круглой проволоки.

Следует сказать, что однотипные желобчатые бронзовые браслеты, найденные в восьмом и девятом погребениях, говорят об одновременности этих могил.

Погребение 10 – разрушенное, располагалось на четыре метра северо-восточнее предыдущего. На площади 2,5Х3 метра встречались остатки человеческого и конского костяков. На этой площади обнаружены следующие предметы:

1. Бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы скифского типа (табл. VI, 4).
2. Железный нож с прямой спинкой (табл. VI, 9).
3. Фрагменты бронзовых предметов от конской сбруи.

Наличие в этом погребении остатков конского костяка дает основание считать, что здесь было совершено совместное захоронение воина и его боевого коня. Такой обряд погребения засвидетельствован и в Красномаяцком могильнике в Сухуми. Аналогичный способ захоронения выявлен также в других некрополях Кавказа в погребениях VII–VI вв. до н. э.

Так, например, в могильниках Самтавро, Двани[1], Моздока[2], и т. д. Совместные захоронения человека с конем хорошо известны в богатых скифских погребениях степного юга Европейской части России. Эти факты четко и определенно указывают на то, что в VII–VI вв. до н. э. на Кавказе и в степной полосе юга России лошадь имела огромнейшее значение в хозяйственной жизни древних народов этих территорий. Значение лошади в ту пору заключалось в том, что она служила[1] как для целей земледелия – в качестве тягловой силы, так и для нужд полукочевого скотоводства. Она использовалась также в качестве средства связи и для военных целей, обеспечивая быстроту действия, от которой зависела в значительной мере успешность борьбы местных племен против внешних врагов.

Погребение 11, обнаруженное западнее предыдущего, оказалось сильно потревоженным, костяк плохо сохранился.

В могильной яме найдены следующие предметы:

[1] **С. И. Макалатия.** Раскопки Дванского могильника. СА, XI, Москва, 1949.

[2] **А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский.** Моздокский могильник. Гос. Эрмитаж, Ленинград, 1940.

1. Пластинчатый бронзовый браслет цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами (табл. VI, 5).
2. Железный нож со слегка загнутой спинкой (табл.. VI. П).
3. Бронзовый пинцет с петельчатым основанием (табл. VI, 2).
4. Бронзовые бусы, аналогичные бусам второго погребения.
5. Фрагменты круглопроволочных бронзовых цепочек с овальной формы звеньями.
6. Бронзовое колечко.
7. Черепки глиняных сосудов.

Погребение 12, вскрыто восточнее предыдущего на расстоянии 40 метров. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на северо-запад. Он был плохой сохранности. Кости ног, рук, черепа были сильно фрагментированы. Ребра, за исключением нескольких кусков, не сохранились.

Возле костяка найдено несколько предметов. Правее черепа острием к костяку лежал втульчатый железный наконечник копья (табл. VI, 12). Рядом с правой рукой находился другой железный наконечник копья; втулка его частично обломана (табл. VI, 13). У ног покойника собраны обломки двух глиняных горшков.

ГЛАВА III

ИНВЕНТАРЬ КУЛАНУРХВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

1. Керамика

Переходя к рассмотрению вещевого инвентаря Куланурхвского могильника, остановимся, прежде всего, на керамическом материале.

В 9 погребениях обнаружены фрагменты от металлических (№№ 1, 2) и глиняных (№№ 1–6, 8, 11, 12) сосудов, поэтому обряд сопровождения умерших сосудами следует считать характерным для могильника. В большинстве случаев (погребения 3, 4, 6, 8, 11) могилы содержат по одному сосуду, но в четырех захоронениях обнаружены остатки двух сосудов (№№ 1, 2, 5, 12) Все без исключения сосуды представлены обломками, но большей частью лежащими компактными группами. Это, возможно, указывает на то, что посуда намеренно разбивалась при совершении погребального обряда. Как правило, такие керамические группки располагаются с левой стороны костяка – или в изголовье (№№ 1, 2, 3, 5), или в ногах (№№ 2, 12). Обломки обоих бронзовых сосудов лежали также в изголовье, но с правой стороны.

Керамика, найденная в составе могильных комплексов, несомненно, относится к местному производству. Все эти обломки принадлежат сосудам, изготовленным из плохого теста глины темновато-серого цвета с большой примесью песка. Обжиг их средний; по-видимому, он производился на открытых кострах и очагах.

Все имеющиеся фрагменты относятся к одному типу сосудов. Это горшки, о размерах которых говорить не приходится, так как

собранные обломки не позволили восстановить форму ни одного сосуда.

Среди рассматриваемой фрагментированной керамики имеются обломки с тремя видами орнаментации.

К первому виду относится геометрический орнамент, состоящий из ломанных врезных линии. С таким украшением имеется два черепка от двух различных сосудов, найденные в пятом погребении (рис. 4, 5).

Ко второму виду принадлежит орнамент ямочной с коническим углублением (рис. 4, 1). Такая орнаментация, среди собранных обломков глиняной посуды, имеется на одном черепке от венчика сосуда (толщина 16 мм), найденном также в пятом погребении.

К третьему – относится врезной орнамент в виде елочки. С таким орнаментом имеются два черепка от средней части сосудов. Один, толщиной 9 мм (рис. 4, 3), найден в первом погребении, другой, толщиной около 8 мм, находился во втором погребении (рис. 4).

Керамика Куланурхвского могильника по составу, обжигу и способу изготовления имеет сходство с керамикой Аагстинского погребения с инвентарем колхидской бронзы[1], где она представлена рядом фрагментов.

Глиняная посуда, аналогичная куланурхвской, обнаружена также в погребении с бронзовыми топорами колхидского типа и другими предметами, раскопанными автором в 1951 г. на Сухумской горе.

2. Предметы вооружения

В материале Куланурхвского могильника представлено значительное количество предметов вооружения. Сюда относятся бронзовые колхидские топоры, железные топоры типа секиры-молотка, ножи, кинжал, наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа.

[1] **А. Л. Лукин.** Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1941, стр. 34–35.

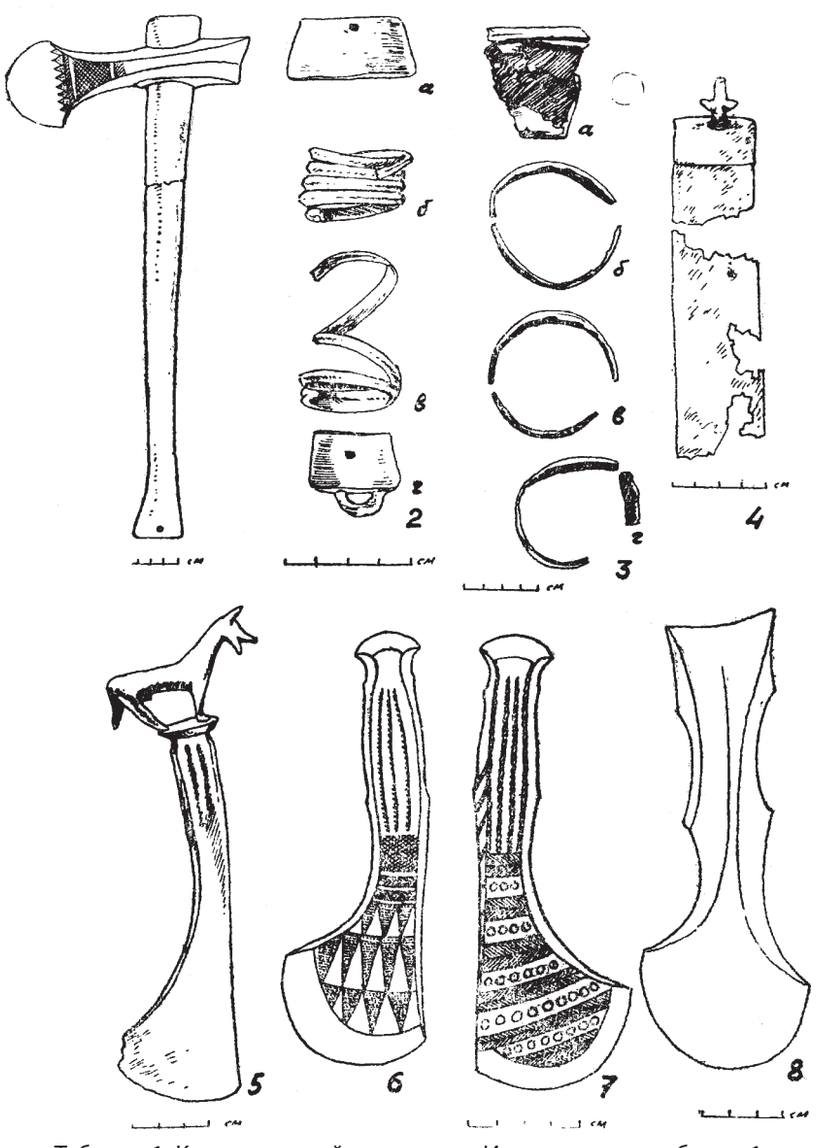

Таблица 1. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребения 1.
1, 5 - 8 - топоры бронзовые; 2 - бронзовые накладки и детали топорища;
3 - обломки бронзового сосуда; 4 - бронзовый пояс с пряжкой

Бронзовые колхидские топоры в количестве пяти, относящиеся по классификации П. С. Уваровой[1] к типам «б» и «г», а по О. М. Джапаридзе[2]–к типам I и II, найдены в первом погребении.

Первый топор типа «б» – легкий, со скульптурной фигурой животного на обухе (табл. I, 5). Поверхность топора без орнамента, местами покрыта зеленой и черной патиной. Лезвие специальной отточке не подвергалось. На боковых полях овального отверстия топора имеется по три ребра, разделенных двумя желобками. Длина топора без фигуры 16 см; наибольшая ширина лопасти 5,2 см; предельная толщина топора 1,5 см, что ставит это изделие в разряд очень легких топоров.

На молоточной части топора находится пластинка овальной формы, отлитая совместно с обухом, длиной в 3 см и шириной в средней части 1,6 см. На этой пластинке, параллельно проушине топора, поставлена скульптурная фигура собачки высотой 4,5 см и длиной 6,3 см. Собачка, с опущенным хвостом, открытой пастью и немного вперед направленными стоячими ушами, весьма реалистично изображает лающую сторожевую собаку.

Деревянная рукоять топора была украшена бронзой (табл. I, 2)[3].

Перейдем к их рассмотрению.

Полая оправа (табл. I, 2 а) для верхнего конца рукоятки, длиной 1,7 см, имеет в разрезе форму овала. Диаметры сечения: у верхнего конца 2,2 X4 см, у нижнего конца 1,9x3,4 см. Максимальная толщина стенок оправы 3 мм.

Вторая оправа (табл. I, 2 г) тоже полая, для нижнего конца рукоятки, длиной 1,7 см имеющая такой же овальный разрез. Диаметры сечения: у верхнего конца 1,5-2,3 см, у нижнего – 1,6X2,6 см. Предельная толщина стенок оправы 1,5 мм. Эта вещь, обмотанная трехгранной в сечении бронзовой спиралью, семимиллиметро-

[1] **П. С. Уварова.** Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М , 1900, стр. 15–16, табл. IV, 3 и 4.

[2] **О. М. Джапаридзе.** Колхидский топор (на груз, языке). Вестник Гос. музея Грузии нм. акад. С. Н. Джанашиа. XVI–B, Тбилиси, 1950, стр. 41, рис. 1. его же. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 285, рис. 1.

[3] Табл I, 2 показывает первоначальный вид рукояти с бронзовыми украшениями.

вой ширины (табл. I, 2 в), имеет на нижнем конце петлю для подвешивания топора.

Обе оправы имеют также сквозные отверстия у нижнего конца для прикрепления их гвоздем к рукоятке топора.

Наконец, в состав этих украшений входят фрагменты трехгранной в сечении спирали шириною в 4 мм (табл. 1,2 б) . От спирали сохранилось двенадцать целых колец овальной формы. Эта спираль служила накладкой на деревянную ручку топора.

Вероятно, такое же назначение имела и аналогичная спираль с трехгранным сечением из погр. 7 (табл. VI, 1).

Описанные бронзовые изделия, предназначенные для украшения деревянной ручки топора, как и сам топор с фигурой собаки, являются уникальной находкой в собраниях колхидской и кобанской бронзы.

На территории Кавказа пока известно три экземпляра топоров колхидского типа, украшенных фурками животных на обушных площадках. Один топор на бронзовой рукояти с фигурками лошадей на обухе, найденный в окрестностях гор. Гудаута, опубликован А. Л. Лукиным[1]. Второй экземпляр с фигурой быка обнаружен раскопками О. М. Джапаридзе в Южной Осетии[2]. Последний топор с бараньей головкой из собрания В.И. Долбежева, найденный в сел. Галиат на Северном Кавказе, хранится в Гос. историческом музее в Москве.

Топора со скульптурным изображением собаки среди колхидских топоров до сих пор обнаружено не было. Однако, фигура, украшающая разбираемый топор, не может считаться случайностью, ибо ее выполнение и самый образ собаки не чужды художественным традациям колхидской и кобанской образы. Достаточно указать на две колоколовидные конические бляшки из Аагстинского погребения[3] с петлей внутри и фигурой собаки на вершине. Фигуры эти с раскрытой пастью и со стоячими ушами соответствуют собаке на рассматриваемом топоре.

[1] **А.Л. Лукин.** Указ. соч., стр. 49-50, табл. XI, 1,2.

[2] **О.М. Джапаридзе.** Археологические раскопки в селе Ожора (на груз. языке). Тр. ТГУ, т. 65, 1957, стр. 97, рис. 10,11.

[3] **А.Л. Лукин.** Указ. соч., стр. 35, табл. IV, 1 и 5.

Скульптурные изображения собак известны также среди находок Кобанского могильника[1]. К ним относятся бронзовая булавка, конец которой украшен топориком и охотничьей сценой оленя и нападающих на него двух собак. Отсюда же происходит бронзовая привеска, представляющая собой человеческую руку на длинной пластинке, на которой помещены две фигуры собак с открытой пастью, бегущие одна за другой.

Таким образом, изображение собаки на куланурхвском топоре подкрепляет замечание А. А. Миллера о стойком бытовании древней примитивной породы домашней собаки со стоячими ушами в Закавказье[2]. В Абхазии, так же, как и в центральной части Северного Кавказа, очевидно, длительный период времени существовала такая порода собак.

Особого внимания заслуживает вопрос об идеологической значимости рассматриваемого изделия. Для понимания изображения собаки в сочетании с топором можно привести некоторые данные из области абхазской этнографии. Так среди божеств абхазов главное место по общепризнанности и широте функции принадлежало семиликому или семидольному Айгар (Айтар). По данным, собранным в Абжуйской Абхазии (в сел. Адзюбжа) Н. С. Джанашиа[3], долевыми божествами, образующими своим сочетанием Айтар, являются следующие: джабран вабрап (бог коз и овец), жвабран – жоабран (бог коров), алышкинтр – алышькьынтр (бог собак), амза – луна (бог и покровитель мужчин), амра – солнце (божество женщин), анапа-нага – анапа-нага (бог урожая) и ачышашана – ачеышьашьана (бог лошадей).

При ежегодном изготовлении жертвенных хлебов для домашнего моления богу Айтар отдельным хлебцам придавалась форма луны, солнца, лошади, а также и собаки. В соответствии с приведенными этнографическими данными, рассматриваемая фигура на топоре является, по всей вероятности, изображением Алышкинтр, т. е. божества собак –одного из семидольных божеств

[1] **П.С. Уварова.** Указ. сач., табл. XXIX, 3 и 8.

[2] **А.А. Миллер.** Изображение собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, П., 1922, стр. 296.

[3] **Н.С. Джанашиа.** Статьи по этнографии Абхазии. Составление и предисловие Х.С. Бгажба, Сухуми, 1960, стр. 23–32.

Айтар–«великого бога обновления природы, размножения и особенно скотоводства»[1]. Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что разбираемый топор с украшающей его фигурой собаки имел культовое назначение, и владетель его, по всей вероятности, играл видную роль в роде или племени.

Второй топор также типа «б» (табл. I, 6) изящной работы и хорошей сохранности. Общие размеры, длина 17,3 см, предельная ширина лопасти 6,3 см, наибольшая толщина под овальным отверстием 2,5 см. На боковых полях овального отверстия имеются продольные тупые ребра в количестве пяти с каждой стороны. Этот топор с одной стороны покрыт блестящей черной патиной, а вся остальная поверхность местами зеленой, а местами черной патиной. Факт наличия черной блестящей патины на данном изделии говорит об очень тонкой проковке и шлифовке поверхности этого топора после его отлиеки. Лезвие отточено и местами имеет щербины от употребления. Лезвийная часть топора покрыта тщательно выполненным гравированным орнаментом, состоящим из штрихов в елочку, крючечков и сеточки.

Первые два вида орнаментации (за исключением одной елочной дорожки) нанесены на двух полях узкой и расширенной части шейки топора. Третий вид, заполненный точечным наколом, располагается на лопасти топора с обеих сторон параллельными рядами. На одной стороне лопасти эти ряды расположены зонально и между ними проходит елочная дорожка. Здесь же, на 1,5 см выше лезвия топора, нанесен четвертый вид, т. е. крючковой орнамент, который, как и треугольники, заполнен точечным наколом.

Третий топор также типа «б» (табл. I, 7) изящной работы и хорошей сохранности. Поверхность его покрыта зеленым и синим налетом. Размеры топора: длина 18,2 см, ширина лопасти 6,8 см, наибольшая толщина у проушины 3,1 см.

На боковых полях овального отверстия топор имеет по четыре ребра. Данное изделие покрыто богатым и разнообразным гравированным орнаментом. Ребра украшены косой штриховкой; на передних гранях гопора от молоточной до расширенной части лопасти нанесен орнамент в виде углов, расположенных лентообразными полосками, заполненными, в свою очередь,

[1] **Н. С. Джанашиа.** Указ, спя., стр. 23–24.

косой штриховкой; боковые поля лопасти до обойденной части шейки топора орнаментированы кружковым узором, который нанесен трубчатым инструментом и чередуется с елочными украшениями.

Четвертый топор типа «г» на бронзовой рукояти (табл. I, 1) покрыт вместе с рукоятью зеленой патиной Общие размеры топора определяются следующими данными: длина 18,5 см, наибольшая ширина лопасти 6,2 см, максимальная толщина у проушины 3,3 см. Лезвие топора отточено, но не имеет следов работы. Изделие это также орнаментировано гравировкой. Лентообразные полоски нанесены с обеих сторон топора у начала уширения лопасти и в узкой средней части шейки. Некоторые из этих полосок заполнены косой штриховкой. Сетчатый орнамент нанесен в средней и расширенной части шейки топора в двух полях. В начале уширения лопасти топора с обеих сторон нанесены треугольники, приближающиеся к равнобедренному. Треугольники заполнены таким же точечным наколом, как треугольники и крючки на втором топоре.

Рукоять четвертого топора в сечении овальная, полая и разрезная. Нижний конец, ее снабжен поперечным железным стерженьком. Длина рукояти 40,5 см, толщина стенок 2 мм. В полой рукояти, заполненной землей, не обнаружено никаких следов дерева. Внутренние диаметры сечения рукояти: в изломе 1,7х2,5 см; у верхнего конца, на 2,3 см выходящего за топор, 2,2Х4.1 см; у нижнего конца 2х3,8 см. Все эти данные: узкий внутренний диаметр полой рукояти, отсутствие следов деревянной ручки, двухмиллиметровая толщина стенок рукояти, – дают основание полагать, что данный топор являлся главным образом предметом культового назначения.

В этой связи можно привести следующие сведения. На одном сирохеттском цилиндре-печати, опубликованном Г. Контено, имеется изображение жрецов в высоких конических головных уборах, которые держат в руках топоры колхидского типа с топорищами. По мнению Б. А. Куфтина, в данном случае топоры с топорищами являются атрибутом жреческого достоинства[1].

[1] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, 1. Тбилиси, 1949, стр. 143, рис. 26.

Из Абхазии известны еще два топора рассматриваемого типа с бронзовой рукоятью такого же сечения, но в отличие от куланурхвского их рукояти массивные, а не полые[1].

Пятый топор типа «г» (табл. I, 8) изящной работы и хорошей сохранности. Поверхность его покрыта местами зеленым и синим налетом, а местами – блестящей черной патиной. Лезвие топора отточено и имеет несколько щербин, свидетельствующих об его употреблении. Общие размеры топора определяются следующими данными: длина 17,5 см, ширина лопасти 6,4 см, предельная толщина у проушины 3,4 см.

Рассматриваемые типы куланурхвских топоров имеют широкое распространение в Абхазии. Однако большая часть из них принадлежит к отдельным случайным находкам. Ввиду того, что эти отдельные предметы для интерпретации наших памятников не имеют решающего значения, мы укажем лишь на комплексный научно-документированный материал, обнаруженный в Абхазии в ряде пунктов.

В 1930 году в селении Нижняя Эшера, Сухумского района, были обнаружены три погребения в крупных глиняных сосудах, установленных на плоских известняковых плитах. В них, кроме отдельных человеческих костей, найдены разнообразные бронзовые предметы (широкий браслет цилиндрической формы, кинжалы, наконечники копий, ножные кольца, пряжка поясная с головкой животного) и сердоликовые бусы[2].

В число этих вещей входит и интересующий нас изящно выделанный бронзовый топор типа «г» с металлической рукояткой, длиной 29 см[3].

В том же Эшерском могильнике в 1934 году Абхазской археологической экспедицией под общим руководством акад. И. И. Мещанинова было вскрыто еще одно погребение в крупном глиняном сосуде, в котором также содержались различные металлические предметы, а именно: бронзовый кинжал, бронзовые и железные наконечники копий, оловянная гривна и другие вещи, среди которых оказался и один бронзовый топор типа «г»[1]. Этот топор имеет богатый гравированный орнамент, состоящий из изображений собаковнднного существа, рыбы, сетчато-заштрихованных лент, кружкового узора и елочных украшений. Из указанных элементов орнамента этого топора сетчатые и украшения в елочку повторяются на некоторых куланурхвских топорах. Б. А. Куфтин подробно рассмотрел инвентарь этого погребения в своем труде «Материалы к археологии Колхиды» и синхронизирует Эшерский могильник с Кобанским могильником (Северная Осетия)[2].

Бронзовые топоры типа «г» найдены также в Аагстинском погребении (селение Мугудзырхва, Гудаутского района). Это погребение, обнаруженное случайно в 1929 году при рытье канавы на участке Д. Хварцкия, было доследовано А. Л. Лукиным.

В Аагстинской могиле найдены три топора типа «г»[3]. Один из них отличается особенностью, до сих пор не наблюдавшейся у топоров типа «г». Заключается она в том, что обушнообойменная половина топора покрыта пятью широкими продольными желобками, отделенными друг от друга продольными ребрами, как на топорах типа «б».

В 1951 г. археологической разведкой, произведенной автором на Сухумской горе, было обнаружено грунтовое погребение с инвентарем колхидской бронзы. Осторожной расчисткой могильной ямы удалось установить, что совершенно истлевший костяк лежал на спине в вытя-

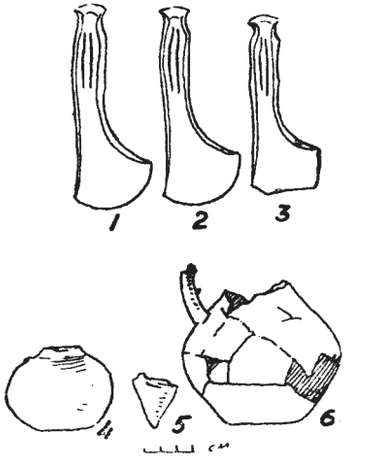

Рис. 9 – Бронзовые топоры (1-3) и глиняные сосуды (4-6) из погребения 1 на Сухумской горе

[1] **Л. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. XI, 1: **М. М. Иващенко**. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Известия научно-исследовательского института Кавказоведения, вып. 3, Тифлис 1935, рис. XVI. 3.

[2] **М. М. Иващенко.** Указ. соч., стр. 59–64, рис. XVI; XVII.

[3] Там же, стр. 59. рис. XVI, 3.

[1] **Б. А. Куфтин.** Указ. соч., табл. XX, 6.

[2] **Б. А. Куфтин.** Указ. соч., табл. XX, 6, стр. 212.

[3] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. III, 1–3.

нутом положении, головой на юго-запад к морю. В погребении найдены: два глиняных сосуда (кувшин и горшочек), три топора типа «б», орнаментированный браслет из слегка граненого прута (рис. 9). Последний предмет напоминает бронзовые браслеты с овально расплющенными концами, встречающиеся в погребальных комплексах VII–VI вв. до нашей эры.

В 1958 году, при раскопке Красномаяцкого некрополя в Сухуми, в погребении 62-ом автором был обнаружен бронзовый колхидский топор типа «г» в месте с железными и бронзовыми наконечниками копий листообразной формы, железным кинжалом, железным ножом и другими вещами (рис. 10). Совместное нахождение железных и бронзовых предметов вооружения колхидского типа засвидетельствовано здесь и в ряде других погребений, относящихся, приблизительно, к VIII – началу VII вв. до н.э.[1].

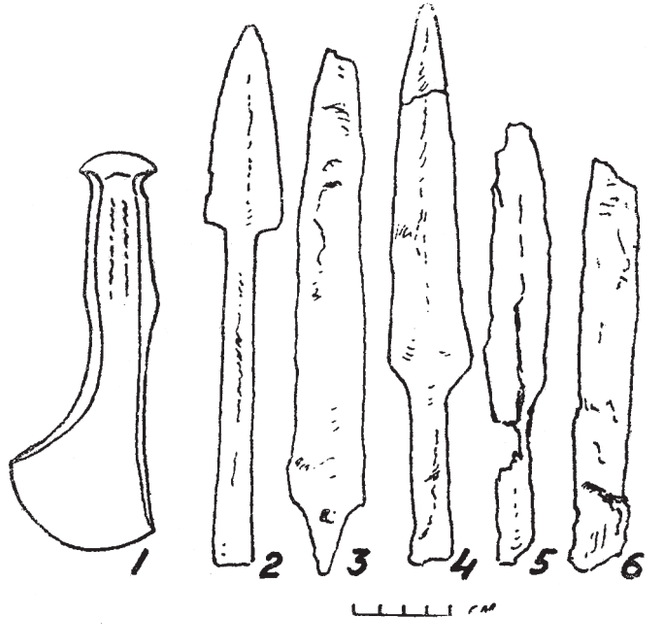

Рис. 10 – Бронзовые топоры (1) и копье (2), железные кинжал (3), копье (4, 5) и нож (6) из погребения 43 (62) Красномаяцкого могильника

[1] См. об этом подробнее во II томе настоящего собрания.

Таковы те комплексные находки, которые обнаружены в Абхазии[1].

Топоры этих же типов, связанные с целыми комплексами, обнаружены в Самтаврском могильнике Мцхетской археологической экспедицией, работавшей под общим руководством академиков И.А. Джавахишвили и С.Н. Джанашия. В 1940 году здесь в погребении 208-ом, при скорченном человеческом костяке, был найден бронзовый топор грубого варианта, типа «г»[2]. Вместе с ним в погребении находились два бронзовых меча (один с обрубленным концом, другой с заостренным), пояс из широкой листовой бронзы, бронзовые фигурки оленя, бронзовый пинцет, глазурованная глиняная чаша, а также плоские наконечники стрел.

В 1946 году в том же Самтаврском могильнике в погребении 260-ом, при скорченно-положенном покойнике, был обнаружен топор типа «б» тоже грубой работы[3]. Остальной инвентарь этой могилы состоял из бронзовых проволочных браслетов, бус сердоликовых, пастовых, янтарных и из других вещей.

Перечисленные грунтовые погребения, в том числе еще два погребальных комплекса (один с бронзовым топором типа «г»[4], другой с железным топором типа «б»[5]) из Самтаврского некрополя принадлежат к разновременным культурным этапам. По схеме Р. М. Абрамишвили[6] погребения с топорами типа «г» вмещаются в хронологические рамки XIII–X вв. до н. э., а могильные комплексы с бронзовым и железным топорами типа «б» ограничиваются временем IX–первой половиной VII в. до н. э. Судя по этой схеме, видимо, в основном правильной, и учитывая то, что наши топоры

[1] Ниже помещена статья М.М. Трапш о кладах и случайных находках доколхидского и колхидского времен, где автор более подробно говорит о находках топоров кобанского-колхидского типа в Абхазии.

[2] **Р. М. Абрамишвили.** К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике. Вестник Гос. музея Грузии т. XIX–A и XXI–B, 1957, табл. I, 163.

[3] Там же, табл. 1, 81.

[4] Там же, табл. I, 218.

[5] Там же, табл. 1, 135.

[6] Там же, стр. 139–140.

в отличие от самтаврских, исключительно хорошей отделки, изящной формы и с многочисленными орнаментальными мотивами, а также по другим нашим данным, они относятся ко времени не ранее VIII в. до н. э.

Скажем еще об одном топоре, связанном с погребальным комплексом. В 1939 году в могильнике у селения Бешташени в Триалети в грунтовом погребении II-ом был найден боевой топор[1] типа «г», вместе с которым обнаружены кинжал с бронзовой рукоятью пламевидного контура, поясная пряжка кобанской формы с головкой барана, бронзовый кинжал с ажурной головкой (специфический для Ганджа – Карабахского и Севанского производственных районов, конца бронзовой эпохи). Инвентарь этого погребения (топор, кинжалы) был подвергнут намеренной порче и разбросан по дну могилы. Могильный инветарь Бешташенского могильника Б. А. Куфтин относит к эпохе поздней бронзы и первого появления железа[2].

Из многочисленных кладов, обнаруженных на территории Западной Грузии, значительный интерес представляют клады из Лечхуми[3] и Квишари[4], хранящиеся в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Лечхумский клад состоит из листового бронзового сосуда с двумя ручками, украшенными звериными головками. В сосуде, наряду с различными бронзовыми предметами (кружка с ручкой, украшенной звериной головкой, браслеты, ножные кольца и др.), находилось семь тончайших полированных топоров типа «г» и два более грубых и крупных топора типа «б», имеющих аналогию с куланурхвскими.

Топоры рассматриваемого типа представлены также в Квишарском кладе[5]. Среди различных предметов этого клада, обстоятельно изученного проф. Г. К. Ниорадзе, находится и одна бронзовая ручка (от сосуда) со звериной головкой[1] , тождественная с ручками лечхумских бронзовых сосудов.

Для датировки наших топоров важное значение имеют сосуды типа Лечхумских и бронзовая ручка от сосуда из Квишари. Они хорошо датируются некоторыми скифскими курганами юга России. Так, в одном из Келермесских курганов в 1904 г. Н. И. Веселовским был обнаружен небольшой бронзовый сосуд[2] аналогичный лечхумским. Период сооружения келермесских курганов на основании анализа археологических источников А. А. Иессен относит в основном ко второй четверти VI в. до н.э., за исключением отдельных вещевых находок, которые датируются двумя-тремя десятилетиями ранее и относятся к началу или к первой четверти VI в. до н. э.[3] Сосуды, тождественные лечхумским, вместе с бронзовыми топорами типа «б» по уваровской классификации и другими предметами, найдены в кладе из сел. Жемтала Кабардино-Балкарской АССР[4]. Аналогичные сосуды найдены и в других районах Кавказа[5].

Два бронзовых сосуда типа лечхумских обнаружены также и в раннескифском кургане у сел. Жаботина, Киевской области[6].

Е. И. Крупнов и Б. Б. Пиотровский в ряде своих работ подробно перечисляют найденные на Кавказе сосуды интересующего нас типа. В настоящее время их уже насчитывается много и все они не выходят за пределы VIII – VI вв. до н. э.

Для датировки куланурхвских бронзовых топоров важное значение имеет также Новочеркасский клад бронзовых изделий,

---

[1] **Б.А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, рис 69.

[2] **Б.А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, рис 69, стр. 65–68.

[3] **Б.А. Куфтин.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арараты и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. Музея Грузии, XIII – B, Тбилиси, 1944, стр. 27–35, тбл. XII–XIV.

[4] **Г.К. Ниорадзе.** Археологические раскопки в сел. Квишари. СА, XI, 1949, стр. 185–194.

[5] **Г. К. Ниорадзе.** Указ. соч., стр. 186–18; рис. 2 и 3

[1] Там же, стр. 191, рис. 8 б.

[2] Дело Арх. ком. № 85, 1904, стр. 90.

[3] **А. А. Иессеи.** Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э на Северном Кавказе. Вопросы Скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1962 г.), стр. 112–113.

[4] **Е.И. Крупнов.** Жемталинский клад, Москва, 1952, стр. 5-20, табл. II, рис. 5,7; табл. III, рис. 1–3.

[5] **Б.Б. Пиотровский.** Скифы в Закавказье. Тр. Отдела ист. культ. и иск. Востока. Гос. Эрмитаж, т. III, Л., 1940, стр. 89–90; **Е.И. Крупнов.** Указ. соч.

[6] **Б.Б. Пиотровский.** Урарту. Древнейшее государство Закавказья, Л., 1939, стр. 55, рис. 38.

в котором представлен топор[1], имеющий сходство с тремя куланурхвскими топорами типа «б». В состав этого клада кроме топора входят удила, псалии и половина литейной формы для отливки бронзовых втульчатых наконечников стрел скифского типа. А. А. Иессен[2] отмечает, что «Новочеркасский клад интересен прежде всего по сочетанию в одном комплексе топора, удил, псалиев и литейнои формы для наконечников стрел, до сих пор в такой комбинации не встречавшихся, но, несомненно, синхронных». На основании анализа уздечных наборов Северного Кавказа и Северного Причерноморья, комплекс Новочеркасского клада А. А. Иессен относит приблизительно к периоду времени от середины VIII до середины VII вв. до н. э. (750 – 650 гг.)[3].

Все приведенные фактические данные не позволяют вывести возраст бронзовых колхидских топоров первого погребения Куланурхвского могильника вглубь за пределы VIII в. до н. э.

Железные топоры типа секиры-молотка в количестве двух найдены в пятом погребении.

Первый топор удлиненной, слегка изогнутой формы с плоской обушной площадкой (табл. V, 26). Размеры топора: длина 21,3 см, ширина лопасти 5,5 см, насадочное отверстие, имеющее овальную форму 2,5Х4 см. Молоточная часть с восемью слегка выделяющимися гранями длиной 6,5 см.

Второй топор такой же, как и предыдущий, только более легкий (табл. V, 11). Размеры топора: длина 21,5 см, ширина лопасти 4,5 см, насадочное отверстие 2,7Х3,.9 см.

Данные предметы по своим некоторым характерным чертам (овальное насадочное отверстие, общий профиль) напоминают топоры колхидского типа «б» по уваровской классификации.

Обращают на себя внимание плотность и массивность этих топоров, указывающие на качественность металла, тщательность проковки, а, возможно, и на особенности химического их состава. Этим в совокупности и обусловлена хорошая сохранность данных изделий в открытом грунтовом погребении.

[1] **А.А. Иессен.** К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 50, рис. 1.

[2] Там же, стр. 50

[3] Там же, стр. 107.

Железный топор типа кулакурхвских обнаружен при раскопках Красномаяцкого могильника в Сухуми в 1956 году[1]. Обушная часть этого топора в отличие от куланурхвских имеет с двух сторон по три узких продольных желобка, разделенных между собой ребрами.

Близкие аналогии к куланурхвским топорам по Грузии известны в ряде пунктов.

В 1945 году раскопками Горийского историко-этнографического музея в селении Двани, Карельского района (Западная Грузия), в грунтовом погребении № 11 найден железный топор длиной 19 см. Инвентарь этого погребения состоял из двух бронзовых наконечников стрел раннескифского типа – одного двуперого и одного – трехперого, глиняных сосудов и других предметов. В этой же могиле за спиной покойника был погребен конь с железными удилами обычной формы в зубах[2]. Железные топоры, имеющие некоторое сходство с куланурхвскими, найдены Г. Ф. Гобеджишвили при раскопках могильника в Брили (Западная Грузия) в погребениях VII–VI вв. до н. э[3].

Железный топор рассматриваемого типа, значительно более легкий по сравнению с куланурхвскими и дванским топорами, найден в Самтаврском могильнике. Топорик этот хранится в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

Подобный же топор, длиной 20 см, известен из раскопок В. И. Долбежева в 1898 году на Северном Кавказе в ауле Пседахе (б. Терская область) в погребении № 11[4]. Вместе с этим топором в могиле находилось пластинчатое бронзовое кольцо со спиральными завитками на концах. Аналогичные кольца вместе с бронзовыми зеркалами, характерными для времени не позже VI века до н. э., были найдены в ряде пунктов Северного Кавказа (Моздокский могильник и др.)[5].

[1] **М.М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Тр. АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958, стр. 200, рис. 13.

[2] **С.И. Макалатия.** Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 229, рис. 10,2,

[3] **Г.Ф. Гобеджишвили.** Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз.яз.). Тбилиси, 1952, стр. 99, табл. X.

[4] ОАК за 1898 г., стр. 161

[5] **А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский.** Моздокский могильник. Гос. Эрмитаж. Л.,1940, стр. 45.

Один железный топор, близкий к куланурхвским, обнаружен раскопками Е. И. Крупнова в Нестеровском могильнике на Северном Кавказе[1]. Пять таких же железных топоров найдены в могильнике у сел. Кашкатау, относящемся к раннескифскому времени и хранятся в Нальчикском музее[2]. Близкие по типу железные топоры, происходящие из Северной Осетии, опубликованы П. С. Уваровой[3].

Железные топоры типа секиры-молотка представлены также в скифских курганах на территории Посулья (Украинская ССР). В 1886 году в сел. Аксютинцы б. Роменского уезда в кургане № 5 (раскопки С. А. Мазараки) был обнаружен один железный топор-молоток, хранящийся в ГИМ в Москве. Другой такой же топор того же музея найден в сел. Волковцы, б. Роменского уезда, в кургане № 12 (раскопки С. А. Мазараки). Подобные топоры известны также из кургана близ хутора Шумейка (б. Роменского уезда, Полтавской губ.). Здесь в 1899 г., при раскопках С. А. Мазараки[4], были найдены три топора типа секиры-молотка вместе с типично скифским акинаком в золотых ножнах, железным чешуйчатым панцирем и двумя железными наконечниками копий.

Один железный топор типа куланурхвских найден в 1876 году раскопками Д. Я. Самоквасова в Старшой могиле (курган № 1), близ с. Аксютинцы, на Полтавщине[5]. Он имеет также четырехугольную обушную рабочую часть. Вместе с ним в могиле встречены наконечники стрел, железный меч и другие вещи. Весь комплекс из кургана Старшая могила близ с. Аксютинцы В. А. Ильинская относит к первой половине VI в. до н. э.[6] Два топора интересующего нас типа вместе с акинаком, наконечником копья, изогнутым ножом, ланцетовидными стрелами и костяными псалиями были обнаружены в одном из курганов близ Триполья в 1897 г. при раскопках В. В. Хвойко[7].

[1] **Е.И. Крупнов.** Древняя история Северного Кавказа. Москва, стр. 277- 273. рис. 45.

[2] Там же, стр. 278, рис. 21, 7.

[3] **П.С. Уварова.** Указ. соч., табл. III, 11, IX, 12; IXXVII, 1.

[4] **Б.Н.** и **В.И. Ханенко.** Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1889, стр. 7–8.

[5] **Д.Я. Самоквасов.** Могилы русской земли. Москва, 1908, стр. 96.

[6] **В.А. Ильинская.** Курган Старшая могила (на укр.яз). Археология, т. V, Киев, 1951, стр. 196–212.

[7] **Б.Н.** и **В.И. Ханенко.** Указ.соч., стр. 11 –12.

В. А. Ильинская топоры интересующего нас типа относит к первой половине VI в. до н. э.[1] Аналогичного взгляда она придерживается и в другой своей работе[2].

Приведенные выше фактические данные показывают, что железные топоры рассматриваемого типа на Кавказе в целом появляются, видимо, несколько раньше, чем в степной полосе Европейского юга СССР. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о местном кавказском происхождении этих топоров.

По мнению Е. И. Крупнова[3] и Г. Ф. Гобеджишвили[4] местное кавказское происхождение железного топора-секиры молотка, проникавшего в далекую Скифию, считается вероятным, имея в виду давние связи Северного Причерноморья с Кавказом[5].

Железные ножы в Куланурхвском могильнике не являются редким предметом. Всего их шесть экземпляров и принадлежат они к трем различным типам.

К первому типу относятся два ножа со слегка изогнутой спинкой. Первый нож (табл. V, 2) найден в 5-ом погребении. На ручке его сохранились фрагменты костяных планок, прикрепленных двумя железными стерженьками. Размеры ножа: длина вместе с ручкой 10 см, ширина лезвия 1 см, толщина спинки 4 мм. Второй нож (табл. VI, 11) встречен в 11I-ом погребении. Размеры: длина 15 см, ширина 1–2,5 см, толщина спинки 5 мм.

Ко второму типу принадлежит один серповидный нож (табл. VI. 10), найденный в 9-ом погребении. Размеры: длина 10 см, ширина лезвия 1–2,5 см.

К третьему типу относятся три ножа с прямой спинкой. Первый нож (табл. V, 3) найден в 5-ом погребении. Он клиновидно

[1] **В. А. Ильинская.** Памятники скифского времени Посулья. Автореферат кандидатской диссертации, Киев, 1940, стр. 6–9.

[2] **В. А. Ильинская.** Курган Старшая могила (на укр. языке) Археология, V, Киев. 1951, стр. 196–212.

[3] **Е.И. Крупнов.** Указ.соч., стр. 279.

[4] **Г.Ф. Гобеджишвили.** Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби. Сообщения АН Груз. ССР, т. XII, № 3, Тбилиси. 1952, стр. 188.

[5] **А.А. Иессен.** Греческая колонизация Северного Причерноморья, Ленинград, 1947, стр. 39–50; **Е.И. Крупнов**. Жемталинский клад, Москва, 1952, стр. 29–30.

суживается к концу. Размеры ножа: длина 8,5 см, ширина лезвия 1,7 см, толщина спинки 5 мм. Второй нож (табл. VI. 9) обнаружен в 10-ом погребении. Размеры: длина 7.5 см, ширина лезвия 1,7 см, толщина спинки 5 мм. Третий нож, найденный в 9-ом погребении, сильно фрагментирован.

Ножи вышеописанных типов обнаружены в значительном количестве в некрополях Сухуми, открытых и раскопанных автором в 1951–-1959 гг.[1] Они встречены здесь в комплексах VII –IV вв. до н. э. Аналогичные ножи засвидетельствованы в ряде других могильников Закавказья: у Бешташенской крепости[2], в Самтавро (около Мцхета), в Двани[3], Хртаноце (Армянская ССР)[4], в могильнике-колумбарии у сел. Малаклю (южная подошва Арарата)[5] и т. д

Ножи со слегка загнутой спинкой известны из могильников Исти-су[6] и Нестеровского[7] на Северном Кавказе. В курганах Приднепровья они встречаются нередко. Так, в кургане № 4 у хут. Дарьевка были найдены изогнутые железные ножи с костяными накладками вместе с типично скифским акинаком, наконечниками копий, боевым топориком типа секиры-молотка, стрелками раннескифского типа из бронзы, костяными наконечниками стрел и множеством золотых бляшек[8]. Такие же ножи были обнаружены и в курганах у сел. Шандра (бывш. Киев, губ.), и в могильнике у сел.

[1] **М.М. Трапш.** Указ. соч., рис. 11, 3; **его же**. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953. СА, XXIII, 1955, рис. 9,6.

[2] **Б. А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 267, табл. XVI.

[3] **С.И. Макалатия.** Раскопки Дванского могильника СА, XI. 1949, стр. 226–228, рис. 4,5,6.

[4] **А. А. Мартиросян.** Раскопки в Головине, Ереван, 1954, стр. 21, табл. III.

[5] **Б. А. Куфтин.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии им. акад. С. П. Джанашия. XIII – В, Тбилиси. 1944, стр. 5-1, табл. VIII, 6–8.

[6] **О. А. Артамонова-Полтавцева.** Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА. XIV, стр. 47, рис. 19, 4–7.

[7] **Е. И. Крупнов.** Древняя история Северного Кавказа, Москва, I960, стр. 286, рис. 46, 6.

[8] **А. А. Бобринской.** Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 128, табл. XV, 4, 6.

Долинское[1], и в городище близ с. Галущино, и в кургане на Майдане (близ Смелы). Один из этих курганов представляет большой интерес, ибо в нем вместе с изогнутыми ножами были найдены наконечники копий, бронзовые наконечники стрел и замечательная цилиндрическая печать из халцедона позднеассирийского времени с изображением коня и крылатого диска[2].

Таким образом, сравнительный археологический материал показывает, что железные ножи интересующих нас типов на Кавказе появляются, видимо, в конце VIII–начале VII вв. до н. э., а в VI – V вв. до н. э. имеют широкое распространение как на Кавказе так и в степной полосе европейского юга СССР.

Железный кинжал с заостренным концом (табл. V, 1) находился в 5-ом погребении. Рукоятка кинжала плоская, снабженная по всему краю ободком для прикрепления деревянной вставки. У широкого основания кинжала и на рукояти имеются по два стержня. Клинок со средним сильно выделяющимся острым ребром; разрез его имеет форму ромба. Следы дерева от ножен сохранились на клинке. Длина кинжала с рукоятью 38 см, ширина у основания 3,5 см, наибольшая толщина 7 мм.

Железные кинжалы, вполне аналогичные куланурхвскому. известны из Закавказья в нескольких экземплярах. Так, в 1903 году в сел. Мирзик (Азербайджанская ССР) в погребении 1-ом Розендорфом найдены тождественные с нашим два кинжала, хранящиеся в ГИМ Москвы. В комплексе с ними были два железных наконечника копья, бронзовые кинжалы пламевидного контура, бронзовые цепочки и другие вещи.

Подобный же кинжал, вместе с бронзовыми наконечниками стрел раннескифского типа, был обнаружен экспедицией Государственного Эрмитажа и Академии наук Армянской ССР под руководством Б. Б. Пиотровского в 1948 году в урартской крепости на холме Кармир-блур[3].

Железные кинжалы, имеющие близкое сходство с куланурхвским, известны из раскопок Г. Ф. Гобеджишвили в могильнике Бри-

[1] **О. Н. Мельниковская.** Могильник у села Долинское Черниговской области, КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950, стр. 71, рис. 19, 5.

[2] **А. А. Бобринской.** Указ. соч., стр. 76–77.

[3] **Б. Б. Пиотровский.** Кармир-блур, вып. 1, Ереван, 1950, стр. 39, рис. 18.

ли (Западная Грузия). Они встречены здесь в комплексах материалов VII–VI вв. до н. э.[1]

На территории Кавказа встречаются и бронзовые кинжалы того же типа, что и разбираемый железный кинжал. А. А. Иессен, который рассматривал эти кинжалы в своей работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», учел в 1935 г. шесть таких экземпляров[2]. В настоящее время количество аналогичных бронзовых кинжалов, найденных в различных пунктах Кавказа, значительно больше; их насчитывается уже 13 экземпляров[3]. Подобное бронзовое оружие было широко распространено по всей Передней Азии примерно с 1500 по 800 годы до нашей эры[4].

На основании изложенных выше данных о железных кинжалах интересующего нас типа можно полагать, что появление их в Закавказье, по всей вероятности, относится к началу VII в. до н. э.

Железные наконечники копий в двух экземплярах найдены в 12-ом погребении. Они имеют листовидное перо, со слегка выделяющимся реберчатым утолщением посредине. Первый наконечник длиной 24 см при наибольшей ширине пера 4 см (табл. VI, 13). Этот наконечник от основания резко суживается к концу. Во втулке сохранились следы дерева.

Второй наконечник копья длиной 22 см при ширине пера до 3 см (табл. VI, 12). Этот наконечник постепенно суживается к концу,

В VII в. до н. э. подобные железные наконечники копий были распространены на широкой территории. Они особенно характерны для закавказских могильников. Такие наконечники хорошо представлены в некрополях Сухуми, раскопанных автором в 1951 –1959 гг.[5] Подобные же наконечники копий встречены в могильниках близ Бешташени, а также в Цинцкаройском и Так-килисинском некрополях[1], в погребениях могильников Самтавро и Брили в Грузии[2]. Огромное количество аналогичных наконечников копий было обнаружено Ж. де Морганом при раскопках в Мусиери, Ахтала, Шайтан-Таге и в других могильниках Лелвара, датировка которых определяется двуперыми или трехперыми наконечниками стрел раннескифского образца (погр.№242). Аналогичные же наконечники копий известны из могильника Хртаноц в Армении[3].

Значительное количество железных наконечников копий типа куланурхвских найдено раскопками Б. Б. Пиотровского в цитадели Урартской крепости Тейшебаини.

Распространение разбираемого типа наконечников копий не ограничивается Закавказьем. В могильниках скифского времени на территории северо-восточного Кавказа, у аулов Исти-су, Бойси-ирзо и Ани-ирзо, были обнаружены наконечники копий весьма близкие к закавказским образцам. О. А. Артамонова-Полтавцева[4], опубликовавшая эти комплексы, вполне справедливо отметила близость их к Так-килисинским образцам.

Наконечники копий интересующего нас типа представлены также в могильниках Нестеровском и Луговом[5], в Каменномостском и других могильниках Северного Кавказа[6]. Судя по рисункам, несколько наконечников копий, происходящих из раскопок скифского городища близ с. Галущино (быв Киев. губ.), близко напоминают закавказские[7], хотя наконечники копии, обнаруженные в скифских курганах VI в. до н. э., в целом отличаются от наших.

---

[1] **Г. Ф. Гобеджишвили.** Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз, языке), Тбилиси, 1952, стр. 99, табл. XLIV; XLV.

[2] **А. А. Иессен.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162–163, рис. 27.

[3] **Е. И. Крупнов.** Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА СССР, 23, 1951, стр. 66, рис. 25.

[4] **А. А. Иессен.** Указ. соч., стр. 162–163.

[5] **М. М. Трапш.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951 –1953 гг. СА, XXIII, 1955, рис. 1, 3–7; рис. 7, 2–5; **А. Н. Каландадзе.** Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1951, табл. IX, 16, 18.

[1] **Б. А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1911, стр. 267. 305, табл. XXI; табл. XXXV.

[2] **Г. Ф. Гобеджишвили.** Указ. соч., табл. XXVI; **Г. А. Ломтатидзе**. Археологические раскопки в Мцхета, Тбилиси, 1955, табл. XXXV.

[3] **А. А. Мартиросян.** Указ. соч., стр. 20, табл. I, 1–7.

[4] **О. А. Артамонова-Полтавцева.** Указ. соч., стр. 47–50, рис. 20, 2, 3.

[5] **Е. И. Крупнов.** Древняя истории Северного Кавказа. Москва, 1960, стр. 282. табл. XII. 5-7; XIII, 1, 4.

[6] **А. А. Иессен.** Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, 3, Л., 1941, стр. 22, рис. 4, 3.

[7] **Б. Н.** и **В. И. Ханенко.** Указ. соч., табл. I, рис. 3, 5. 6.

Железные наконечники копий своим листовидным пером с четким или слегка выделяющимся срединным ребром и втулкой, напоминают бронзовые наконечники копий древних кавказских типов, изготовленных литьем. В Абхазии [1] и в Западной Грузии[2] в погребениях VIII – VII вв. до н. э. засвидетельствовано совместное нахождение бронзовых и железных наконечников копий.

Железные наконечники копий в Закавказье в большом количестве появились в VII–VI вв. до н. э. Появление и развитие их прослеживается на местной почве.

Местное происхождение куланурхвских наконечников копий не вызывает сомнений; такие наконечники обильно представлены как в Абхазии, так и во всем Закавказье.[3] Наконечники стрел скифского типа в количестве девятнадцати штук (четырнадцать бронзовых и пять железных) найдены в 5-ом погребении и один бронзовый наконечник стрелы обнаружен в 10-ом погребении. Среди них следующие разновидности:

1) Пять бронзовых двуперых втульчатых наконечников стрел ромбической формы с боковым шипом.

Первый (табл. V, 12). Длина 4,7 см, ширина 13 мм, диаметр втулки 5 мм.

Второй (табл. V, 13). Длина с шипом 4,4 см, ширина 3 мм, диаметр втулки 6 мм.

Третий (табл. V, 14). Длина 3,4 см, ширина 12 мм, диаметр втулки 5 мм. Основание втулки частично разрушено. На втулке наконечника имеется отверстие, являющееся результатом некачественного литья. Вся поверхность его с одной стороны покрыта сплошной железной ржавчинокй

Четвертый (табл. V, 15). Длина 3,6 см, ширина 10 мм, диаметр втулки 5 мм. Основание втулки и лезвия наконечника частично разрушены.

Пятый (табл. V, 17). Длина 4,3 см, ширина 13 мм, диаметр втулки 6 мм. Поверхность наконечника местами покрыта железной ржавчиной.

[1] **М. М. Трапш.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Труды АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми. 1958, стр. 189, рис 4.

[2] **С. И. Макалатия.** Указ. соч., стр. стр. 231, рис. 9.

[3] От редакции. Подобные типы наконенчиков копий были широко распространены в VII–VI вв. до н. э. на территории В. Европы и Кавказа.

Шестой наконечник – железный. Длина 4,5 см, ширина 13 мм, диаметр втулки 7 мм. Втулка разломана в средней части.

2) Один бронзовый втульчатый двуперый наконечник стрелы овальной формы с шипом на втулке и четыре железных, имитирующих бронзовые наконечники стрел овальной формы.

Первый – бронзовый (табл. V, 16). Длина 4,7 см, ширина 11 мм, диаметр втулки 6 мм. У основания уширения этого наконечника имеется отверстие, которое является дефектом литья.

Второй (табл. V, 8). Длина 4,1 см, ширина 13 мм.

Третий (табл. V, 9). Длина 4,3 см, ширина 14 мм.

Четвертый (табл. V, 6). Длина 5,3 см,ширина 14 мм.

Пятый (табл. V, 7). Длина 5,7 см, наибольшая ширина 12 мм. Этот наконечник с открытой втулкой.

Последние четыре наконечника стрел – железные с частично разрушенными втулками; во втулках у них сохранились утонченные концы древок стрел.

3) Восемь бронзовых втульчатых трехперых наконечников стрел (два с трехгранным концом, в том числе один с шипом на втулке).

Первый (табл. V, 18). Длина 3,5 см, ширина 12 мм, диаметр втулки 5 мм.

Второй (табл. V, 23). Длина 3 см, ширина 10 мм, диаметр втулки 5 мм. На этом наконечнике частично разрушены лезвия.

Третий с трехгранным концом (табл. V, 21). Длина 2,8 см, ширина 11 мм, диаметр втулки 5 мм. Поверхность одного из перьев наконечника покрыта толстым слоем железной ржавчины.

Четвертый (табл. V, 20). Длина 3,3 см, ширина 10 мм., диаметр втулки 5 мм.

Пятый (табл. V. 19). Длина 3,5 см., ширина 11 мм., диметр втулки 5 мм. У края одного из перьев наконечника имеется отверстие дугообразной формы.

Шестой со скрытою втулкою с трехгранным концом (таб. V, 24). Длина 3,9 см при наибольшей ширине 7 мм. Основание втулки разрушено.

Седьмой с трехгранным концом (табл. V, 22). Длина с шипом 3,7 см, ширина 10 мм, диаметр втулки 5 мм. Втулка частично покрыта железной ржавчиной.

Восьмой (табл. VI, 4) найден в 10-ом погребении. Длина 2,5 см, ширина наибольшая 1 см, диаметр втулки около 5 мм. На одной стороне наконечника, между двумя его перьями, имеется маленькое отверстие. Видимо, это литейный дефект.

4) Один бронзовый наконечник стрелы (табл. V, 25) со скрытою втулкою, имеет форму современной винтовочной пули с четырехгранным концом. Длина 2,7 см, диаметр втулки 5 мм. На скрытой втулке имеется сквозное отверстие.

Все вышеописанные бронзовые наконечники стрел четырех разновидностей покрыты зеленой патиной по поверхности.

Произведенная классификация и описание куланурхвских наконечников стрел показывают, что типологически они различны, но все являются характерными для этой категории оружия скифской культуры VII–VI вв. до н. э. Наличие вещевых находок данной культуры в материале Куланурхвского могильника важно тем, что они дают возможность определить время существования этого некрополя.

В основном куланурхвские наконечники стрел, особенно с пером ромбических очертаний, принадлежат к наиболее архаическим типам. Подобные наконечники стрел, отмеченные на обширной территории (степная полоса европейского юга СССР, Кавказ и др.) по классификации П. Рау, относятся к раннеархаическому периоду, обнимающему VI в. до н. э.[1] По Б. Н. Гракову эти типы появляются даже с конца VII в. до н. э. и широко бытуют в VI в.[2] Такие стрелы с ромбическим или овальным пером Б. З. Рабинович датирует VI в. до н. э.[3]

Наконечники стрел, аналогичные первым трем нашим группам, обнаружены археологическими работами в Самтавро (раскопки А. Н. Каландадзе и М. М. Иващенко в 1938–1948 годах) в следующих грунтовых погребениях:

В погребении 20-ом (1938 г.) – трехперый бронзовый наконечник стрелы был обнаружен вместе с костяным и с плоской бронзовой стрелой, передающей форму каменной закавказского типа.

[1] **P. Rau**. Die Gruber Her friilien Eisenzeit ira unteren wolga ebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 89.

[2] **Б. Н. Граков.** Техника изготовления металлических наконечников стрел. Труды секции археологии РАНИОН, вып. V, М, 1930, стр. 72, рис. 1.

[3] **Б. З. Рабинович.** О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, Л., 1936, стр. 82–84, рис. 2, а, б, е.

В могиле 27-й (1939 г.) – находились 20 бронзовых наконечников стрел. Из них девятнадцать двуперые овальной формы с шипами на втулке и один трехперый без шипа. Вместе с этими наконечниками найдены железные предметы - короткий меч с рукояткой, топор с клиновидным обухом, нож с изогнутой спинкой, бронзовая цепочка и другие.

В погребении 71-м (1939 г.) – найден втульчатый наконечник стрелы ромбовидной формы, без шипа. Остальной инвентарь этого погребения состоял из железных предметов (наконечник копья с открытой втулкой, ножи и другие вещи).

В могиле 106-й (1939 г.) – обнаружено пять наконечников стрел. Среди них – три наконечника двуперых бронзовых с шипами на втулке (два из них ромбической и один овальной формы), а остальные два наконечника (бронзовый и костяной) – трехперые. К этому погребению принадлежат также: бронзовый браслет с обрезанными концами из круглого прута, украшенный снаружи слегка врезными поперечными линиями; бронзовый пинцет; бронзовый набалдашник копья; бусы (сердоликовые с пятью гранями, янтарные, пастовые, две раковины каури); обломок плоской кости, украшенный рельефными кружочками и другие предметы[1].

Наконечники стрел рассматриваемых разновидностей известны и из других местностей Грузии. Так, например в 1924 году у селения Цицамури (Мцхетский район) проф. Г. С. Читая раскопано грунтовое погребение всадника с конем. Покойник лежал в скорченном положении на правом боку. Рядом был погребен его конь с железными удилами во рту. При покойнике найдены четыре втульчатых наконечника стрел; среди них два наконечника – один железный, имитирующий двуперые бронзовые, другой трехперый бронзовый[2], имеют близкое сходство с некоторыми видами наших наконечников.

В Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа за № 157–1913 хранится бронзовый наконечник стрелы ромбической формы, происходящий из селения Мохиси, Горийского района.

[1] Инвентарь погребений 20, 27, 71. 106 хранится в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

[2] **Б. А. Куфтин.** Указ. соч., стр. 47, рис. 4 К а, г.

Наконечники стрел подобных форм известны и в других пунктах Закавказья. Погребения скифского времени обнаружены раскопками в Мингечауре (Азербайджанская ССР). К ним относятся групповые погребения в ямах со скелетами в вытянутом положении, при которых было найдено большое количество наконечников стрел скифского типа. Эти наконечники, имеющие аналогию с некоторыми куланурхвскими, встречались группами иногда более 40 штук. Формы их разнообразны (ромбовидные и др.); кроме двуперых, снабженных согнутым шипом., здесь обнаружены трехперые. Наряду с бронзовыми наконечниками в этих погребениях найдены также костяные.

С. М. Казиев – исследователь этих грунтовых погребений в Мингечауре с инвентарем скифского типа – датирует их VII–V вв. до нашей эры[1].

В могильнике у селения Мусиери, в долине реки Дебет-чай, Ж. де Морганом в погребении 242-м (каменный ящик) у костей ног скелета было обнаружено восемь бронзовых наконечников стрел, среди которых имеются наконечники раннескифского типа (начало VI века до нашей эры) ромбической формы с боковыми шипами на втулке[2].

При раскопках Западного здания Кармир-блура около гор. Еревана было найдено большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа конца VII–начала VI века до нашей эры, среди которых имеются двуперые ромбовидной формы, без шипа, и трехперые наконечнии[3] аналогичные с куланурхвскими.

Большой интерес представляет близость наших трехперых и двуперых наконечников стрел с наконечниками одной замечательной находки, состоящей из нескольких сотен подобных стрел, обнаруженных в позднехеттском городе Кархемыше, в слое, относящемся ко времени разрушения этого города Навуходоносором в 604 году[1]. Эта аналогия дает нам возможность правильно подойти к датировке куланурхвских наконечников стрел.

Важное значение для датировки наших наконечников имеют также некоторые находки из скифских курганов Среднего Приднепровья.

В 1895 году в бывшей Полтавской губернии близ селения Глинище (ныне Зеньковский район Харьковской области), крестьянами был раскопан один курган, где были найдены: 123 бронзовых наконечника стрел (большинство из них двуперые с овальной или ромбической головкой), круглое бронзовое зеркало с бронзовой ручкой посередине, бронзовое кольцо, сердоликовая бусина, золотая полая серьга и два куска румян. Доследовавший этот курган А. А. Бобринской обнаружил еще три бронзовых наконечника стрел и кусочки румян вместе с остатками человеческих костей[2].

Весь могильный инвентарь, найденный в этом кургане, хорошо датируется бронзовым зеркалом со срединной ручкой. Подобное зеркало имеется среди вещей, происходящих из Келермесского кургана № 2 (раскопки Н. И. Веселовского, 1904 г.), относящегося ко времени не позднее первой половины VI в. до нашей эры. Широкое распространение этого типа зеркал в юго-восточной Европе, по мнению Б. З. Рабиновича, относится к VI веку до нашей эры[3]. Значительное количество двуперых наконечников стрел скифского типа, часто снабженных шипами и трехперых с короткими втулками, известны из Келермсссских курганов[4].

Двуперые втульчатые шипастые бронзовые наконечники стрел ромбической и овальной формы, а также трехперые представлены в Нестеровском могильнике и в ряде других пунктов на Северном Кавказе[5].

---

[1] **С. М. Казиев.** Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. 1, Баку, 1949, стр. 20–21, рис. 18.

[2] **Б. Б. Пиотровский.** Скифы в Закавказье. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Гос. Эрмитаж, т III. 1940, стр. 82–83, рис. 2 В.

[3] **Б. Б. Пиотровский.** Ванское царство, Москва, I960, стр. 2-10, рис. 81.

[1] **Б.А. Куфтин.** Указ. соч., стр. 43. рис. 41.

[2] ОАК. 1895, стр. 23.

[3] **Б. З. Рабинович.** Указ. соч., стр. 81–82, 88–90.

[4] **А. Иессен.** Некоторые памятники VIII–VII во. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИНМК ЛН СССР, 1952 г.), стр. 114, рис. 4.

[5] **Е. И. Крупнов.** Указ. соч., стр. 283-284, рис, 48, 1–3.

Железные наконечники стрел из Куланурхвы, как уже было отмечено выше при их описании, имитируют двуперые бронзовые – овальной и ромбической формы.

Один из них, имеющий ромбическую форму, аналогичен железному наконечнику из погребального комплекса у Цукур-Лимана на Таманском полуострове[6]. В состав этого комплекса, кроме интересующего нас железного наконечника входят трехгранные и двуперые бронзовые наконечники стрел и другие вещи.

Весь Таманский комплекс, датированный Е. О. Прушевской по Родосской вазе, относится к рубежу VII–VI вв. до нашей эры[7].

В качестве аналогии к рассматриваемому железному наконечнику ромбической формы, имитирующему наиболее ранние втульчатые бронзовые наконечники стрел скифского типа, можно привести одну находку. В 1908 году в кургане у Некрасовской станицы на Кубани, раскопанном Н. И. Веселовским, в погребении 3-м при вытянутом человеческом костяке было найдено девять наконечников стрел с ромбовидными головками и длинными втулками[8].

Из третьего вида куланурхвских наконечников стрел, т. е трехперых, один (с шипом на втулке и трехгранной боевой частью) имеет близкое сходство с наконечниками стрел (конца VII начала VI вв. до н. э.), происходящими из Келермесских курганов Кубани (раскопки Д. Г. Шульца, 1903– 1904 гг.). Эти наконечники[9] хранятся в Гос. Эрмитаже. Среди них один со скрытою втулкою, без шипа.

Что касается пятого вида–наконечника, имеющего форму современной винтовочной пули, то в качестве аналогии к нему можно указать на один бронзовый наконечник, происходящий из случайной находки в северных районах б. Грозненской области. Этот наконечник, в отличие от нашего, не имеет четырехгранного конца и сквозного отверстия на скрытой втулке[10].

[6] **Е. О. Прушевская.** Родосская ваза и бронзовеые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917. стр. 57, рис. 18.

[7] **Е. О. Прушевская.** Указ. соч. стр. 58.

[8] **А. А. Иессен** и **Б. Б. Пиотровский.** Указ. соч., стр. 31.

[9] К сожалению, точное место находки наконечников не установлено.

[10] **Е. П. Крупнов.** Археологические раскопки в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК АН СССР, вып. XX, 1949, рис. 33, 10.

Сравнительный археологический материал показывает, что наконечники стрел скифского типа из сел. Куланурхва можно отнести к рубежу VII–VI вв. до нашей эры[1].

3. Принадлежности конской сбруи

Бронзовые удила (длина 17 см) в одном экземпляре, двухчастные, со стремяновидными концевыми ушками (табл. VI, 6) и два железных псалия с тремя петлями или отверстиями (табл. VI, 7,8) находились при конском костяке 4-го погребения.

Один из найденных псалий имеет длину 16,7 см, другой во фрагментах.

Удила и псалии, типа обнаруженных в сел. Куланурхва, в большинстве случаев даже не отражены в старых отчетах. Вопроса об удилах и псалиях почти не касаются и такие сводные работы, как «Скифские древности» А. Лаппо-Данилевского, «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцева, даже «Курганы скифов пахарей» А. А. Спицина.

Только в советское время в ряде работ А. А. Иессена и других исследователей[2] уделено серьезное внимание изучению этих памятников. В раннескифское время, соответствующее рубежу VIII-–VII веков до нашей эры, встречаются бронзовые удила с двумя отверстиями на концах, в виде восьмерки. Они встречаются вместе с бронзовыми псалиями с тремя петлями. На рубеже VII–VI веков и в VI веке появляются бронзовые стремяновидные удила, встречающиеся обычно с типичным скифским инвентарем: бронзовыми и костяными псалиями с тремя отверстиями, бронзовыми двупе-

[1] От редакции. Как установлено работами последних лет (см. **К. Ф. Смирнов.** Вооружение савроматов. МИА, № 101, М., 1961, стр. 38 и сл.), втульчатые двуперые бронзовые наконечники стрел с боковым шипом бытовали в основном в пределах VII в. до н. э. К этому же времени, очевидно, относятся и все куланурхвские наконечники.

[2] **А. А. Иессен.** К вопросу о памятниках VII вв. до н.э. на юге Европейской часи СССР. СА, XVIII, 1950; **его же.** Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скнфо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР. 1952 г.); **П. Д. Либеров**. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК АН СССР, вып. XXX, 1949.

рыми ромбическими стрелами, а также железными двуперыми и костяными наконечниками стрел и т. д. В VI веке бронзовые и железные удила стремяновидной и обычной формы сопровождаются костяными и железными псалиями с тремя отверстиями.

Уздечный набор из сел. Куланурхва является первой подобной находкой как на территории Абхазии, так и на территории всего Закавказья. Этот тип хорошо известен из раннескифских курганов Кубани и Приднепровья VI века до нашей эры. Так, например, близ ст. Костромской (Краснодарский край) в одном из курганов Н. И. Веселовским в 1897 году было обнаружено несколько бронзовых удил, аналогичных куланурхвским. Вместе с этими удилами здесь были найдены бронзовые наконечники стрел скифского типа, железные удила с согнутыми в кольцо петлями и железный наконечник копья[1].

В Государственном Эрмитаже имеются несколько бронзовых удил и железных псалий типа куланурхвских, найденые раскопками Н. И. Веселовского в 1908 и 1910 гг. в Ульском ауле (Адыгейская А. О.).

В 1903 году в Келермесском кургане № 1 (раскопки Д. Г. Шульца) были найдены бронзовые удила со стремяновидными ушками, хранящиеся в Гос. Эрмитаже. А.А. Иессен[2] указывает, что литые бронзавые удила являются характерными для хорошо датированной группы келермесских курганов. Они обычно сочетаются здесь с железными псалиями, имеющими три отверстия или петельки. Наряду с ними в тех же курганах встречаются и железные удила, скованные из двух железных прутьев и снабженные такими же псалиями, как и бронзовые.

Интересующая нас форма узды представлена также и в бывшем Роменском уезде (Украинская ССР) в следующих пунктах –

1) Сел. Аксютинцы: курган № 3 (раскопки С. А. Мазараки) железные удила и псалии вместе с железным топором типа секиры-молотка, хранящиеся в ГИМе, в Москве; курган № 6 (раскопки С. А. Мазараки) – железные псалии и вместе с ними втульчатые бронзовые наконечники стрел овальной формы скифского типа, хранящиеся там же; курган № 1 (раскопки Д. Я. Самоквасова) – псалии

[1] ОАК за 1897, стр. 11 –14, рис. 48.

[2] **А. А. Иессен.** Некоторые паятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе, стр. 114, рис. 1.

(железные и костяные) и бронзовые наконечники стрел скифского типа, так же находящиеся в ГИМе.

2) Сел. Волковцы: курган № 8 (раскопки С. А. Мазараки) – бронзовые удила (без одного звена), хранящиеся в ГИМе; курган № 7 (раскопки С. А. Мазараки) – железные псалии с обломанной нижней частью, хранящиеся так же в ГИМе.

3) Сел. Герасимовка, курган № 1 (раскопки Д. Я. Самоквасова) железные удила и псалии, находящиеся в ГИМе.

Изделия рассматриваемой формы известны и из ряда курганов близ местечка Смелы (Украинская ССР). Так, в 1885 году, раскопками А. А. Бобринского в кургане № 38 при покойнике, лежащем в вытянутом положении, найдены бронзовые удила и костяные псалии, имитирующие бронзовые и железные псалии с тремя отверстиями. Вместе с этими предметами А. А. Бобринским обнаружены: бронзовое круглое зеркало с ручкой, заканчивающейся бараньей головкой; железные удила с согнутыми в кольцо петлями; бусы янтарные, сердоликовые, стеклянные и свыше 150 бронзовых наконечников стрел скифского типа трехгранных и двуперых с сохранившимися в некоторых втулках следами древок стрел[1].

Раскопками того же автора там же в кургане № 8 были обнаружены железные псалии с тремя отверстиями вместе с железными углами обычного типа с загнутыми в кольцо петлями[2].

Из приведенных выше фактических данных об удилах и псалиях видно, что тип узды из сел. Куланурхва характерен для раннескифских курганов Приднепровья и Кубани и относится к VII–началу VI вв. до н. э.

4. Предметы украшения, одежды и принадлежности туалета

В состав украшении и одежды входят скульптурные фигурки животных, браслеты, пронизи, фибулы, цепочки с очкообразными привесками, серьги, спиральная завитая трубка, крестообразная

[1] **А.А. Бобринской.** Указ. соч., стр. 100–101, табл. VIII, 18.

[2] **А.А. Бобринской.** Указ. соч., стр. 16–18, табл. VII, 13

подвеска, булавка, бусы, поясные пряжки. Принадлежности туалета представлены гребнем и пинцетом.

Скульптурные фигурки животных из Куланурхвы насчитываются в количестве четырех. Из них три бронзовые, одна серебряная. Рассмотрим сначала бронзовые.

В погребении 2-ом найдена скульптурная фигура фантастического животного с открытой пастью и высунутым языком (табл. III, 1). Животное изображено в лежачем положении на левом боку с поворотом головы вправо. Одна сторона фигуры плоская, другая – кругло-моделированная. Все детали ее сделаны тщательно. В средней части туловища имеется петля для подвешивания. Передние ноги животного лежат вплотную рядом, обращенные вправо, под прямым углом, а на них покоится опущенная голова. Задняя правая нога, согнутая под углом, упирается в переднюю правую ногу. Голова вместе с шеей и мордой толстые. Уши короткие и стоячие. Длина фигуры 6,1 см. Хвост длиной 7,3 см дает три изгиба. Данное изделие покрыто гравированным орнаментом.

В нижней части туловища у основания хвоста тонкой иглой изображен неправильной формы маленький круг, от которого отходят косые штрихи, ограниченные окружностью. Посередине туловища нанесены три пояска: два из них украшены треугольниками, которые в свою очередь заполнены косой штриховкой; третий поясок – с дорожкой в елочку. Хвост, задняя нога и нижняя часть шеи покрыты также орнаментом в елочку. Верхняя часть туловища украшена треугольным орнаментом. На правом бедре парой врезных линии, расположенных вокруг выпуклости бедра, хорошо выражены мышцы.

Вокруг носа сделаны насечки. Поверхность фигуры местами покрыта блестящей темновато-серой патиной, а местами зеленовато-синим и темно-синим налетом.

Приведенное краткое описание показывает, что эта вещь является весьма интересным памятником древнего искусства.

Рассматриваемая фигура по некоторым характерным деталям (открытая пасть, голова с толстой мордой, длинный хвост, ноги и т. д.) имеет близкое сходство с образом фантастического хищника, очень часто встречающегося в отчетливо выраженной форме

в орнаментах и рисунках на топорах, пряжках и других предметах колхидско-кобанской бронзы

Мы полагаем, что данная фигура имела не чисто декоративное, а тотемическое значение.

В этой связи напомним, что в религиозной жизни абхазов и их фольклоре отдельные представители животного мира часто играют значительную роль. Например, в образе самого выдающегося героя абхазских нартских сказаний Сасрыква мы замечаем некоторые черты, по-видимому, тотемического характера. Так, в день его смерти беспрерывно стекались к нему многочисленные животные. Далее, некоторые абхазские фамилии также носят несомненные следы тотемического происхождения, например, Бганба, т. е. Волков, и многие другие[1].

В погребении 3-ем обнаружено изображение кабана или свиньи маленького размера (табл. IV, 5). На спине животного имеется дугообразный выступ с круглым отверстием посередине, на который сверху, поперек фигуры, насажено миниатюрное схематическое изображение какой-то птицы. Сзади фигуры, вместо хвоста, находится короткий утолщенный стержень с кнопкообразной шляпкой. Передние ноги слиты вместе и имеют вид вытянутого вниз треугольника. Морда животного, со слегка приподнятым вверх носиком, немного опущена. На морде маленькими ямками, расположенными симметрично, обозначены два глаза. Выше глаз помещаются заостренные уши, направленные прямо вверх. Общие размеры фигуры – длина 2,6 см, высота со схематическим изображением птицы 2 см. Вещь хорошей сохранности. Разбираемый экземпляр по моделировке передней ноги и морды и по ушам имеет близкое сходство с фигурой кабана или свиньи, происходящей из Кобани[2]. но не имеющей дополнительного изображения птички.

Не лишне отметить, что известный сказочный мотив о спрятанной душе встречается в абхазском фольклоре в интересном сочетании с кабаном, птицей и шкатулкой. Так, могучий герой абхазских нартских сказаний Хважарпыс, в поисках души своего соперника,

[1] **Ш. Д. Инал-Ипа.** Об абхазских нартских сказаниях. Тр. АбИЯЛИ, XIII, 1949, стр. 117.

[2] **П. С. Уварова.** Могильники Северного Кавказа. МАК, вып VIII, М., 1900. табл. XI, 5.

отправляется в далекое ущелье, убивает там дикого кабана с колокольчиком на шее, из живота его вынимает красивую шкатулочку, в которой сидела пестрая птичка. Когда Хважарпыс убил птичку, тотчас же умер и похититель его невесты, прекрасной Гунды[1]. Приведенный древний сказочный мотив из абхазского фольклора, по всей вероятности, связан с рассматриваемой фигурой кабана.

В погребении 1-ом находилось схематическое изображение летящей птицы с прикрепленными к ней на колечках тремя подвесками наподобие рыб (табл. II, 3). Кольца сделаны из кругой проволоки толщиной в 3 мм. Среди них имеются разомкнутые кольца овальной и замкнутые восьмеркообразной формы. Птица имеет шесть петель. Одна находится на спине между крыльями на высоком круглом стержне. Остальные пять петель расположены под фигурой крестообразно. В них вдеты указанные кольца с подвесками. Судя по количеству петель, разбираемое изображение вначале имело пять подвесок, но в погребении оказалось только три. Общие размеры описываемой птицы: длина 4,7 см, размах крыльев 3,5 см, наибольшая толщина 6 мм. Размеры подвесок: длина их от 7,5 до 7,7 см, предельная толщина–6 мм.

Вопрос о том, какая птица передана художником на нашем изделии, трудно разрешить. Вообще птица в религиозных верованиях древних племен тесно связана с небесным божеством. Это можно видеть повсеместно, как на памятниках культа эпохи бронзы, так и в сказаниях и легендах народов Кавказа, сохранивших пережиточно древние представления.

Для объяснения смысла данного изображения немаловажную роль могут сыграть материалы из абхазского фольклора, в которых значительное место занимают образы различных птиц. Так, птица фигурирует в известной абхазской легенде об Абрскиле герое-богоборце. Каждый раз, когда Абрскил старается вырвать столб, к которому в глубине мрачной пещеры он прикован цепями, прилетает птичка и садится на столб. Чтобы прогнать ее, могучий узник замахивается огромным молотом, но зловещая птица успевает улететь, а молот попадает на столб, который снова вгоняется глубоко в землю. И так без конца[2].

[1] **Ш. Д. Инал-Ипа.** Указ. соч., стр. 102.

[2] **Н. С. Джанашиа.** Абрскил (Амиран) (на груз. яз.). Кребули, № 5, 1898 г.

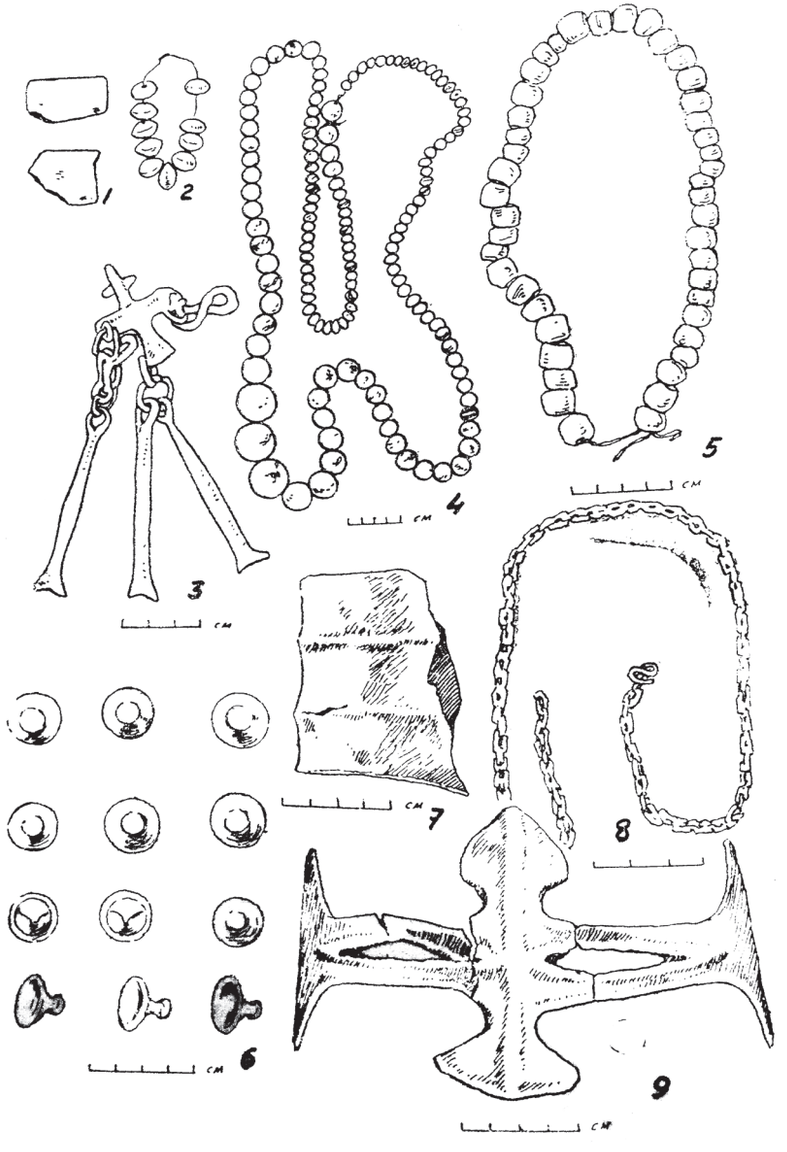

Таблица II. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребения 1. 1, 2, 4, 5 - бусы; 3 - подвеска; 6 - пронизи; 7, 9 - браслеты; 8 - цепочка; 1 - янтарь; 2 - паста; 4 - сердолик; 5 - стекло; 3, 6, 9 - бронза

В абхазском нартском эпосе мы наблюдаем близкую связь главного эпического героя Сасрыквы с целым рядом представителей пернатого мира, в частности, с орлом, вороном, сипом, горлицей и голубем, причем последний выступает в одном случае как спаситель названного героя[1].

Приведенные данные показывают, что птицы в религиозных верованиях абхазов занимают видное место. Поэтому вполне возможно, что рассматриваемая схематическая фигура летящей птицы с подвесками наподобие рыб, имела культовое назначение.

В 5-ом погребении найден фрагмент серебряной фигурки какого-то животного длиной 2,5 см (табл. V, 10). Этот обломок не целиком состоит из серебра, а имеет сердцевину из металлического сплава сероватого цвета. Изображение дано в виде стержня, утолщенный конец которого имеет форму головы неопределенного животного. На морде имеется два рельефно выраженных глаза с надглазными кружками, расположенными симметрично. Вся поверхность данного предмета покрыта гравированным орнаментом, состоящим из ломанных линий. Фигурка обломана, поэтому трудно сказать, какой вид животного передан мастером[2].

Бронзовые браслеты, найденные в Куланурхвском могильнике, принадлежат к семи различным типам.

К первому откосятся пять широких пластинчатых браслетов цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами (табл. II,7; III,4; VI, 5), найденные в первом, втором, шестом, седьмом и одиннадцатом погребениях (часть из них сохранилась фрагментарно). Их можно рассматривать не только как украшение, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара боевого топора.

Совершенно подобной формы браслет имеется среди бронзовых предметов Эшерского могильника[3].

В других пунктах Кавказа браслеты интересующего нас типа до сих пор не известны. Они не получили широкого распространения даже по всей Абхазии. Это, видимо, объясняется тем, что в эпоху Куланурхвского могильника подобные браслеты не изготовлялись в большом количестве для широкого обмена. Поэтому нахождение этих браслетов на узкой территории, только в северо-западной части Абхазии, при отсутствии их в юго-восточной части края, дает основание говорить о производстве рассматриваемых браслетов внутри этой небольшой территории, где-то в пределах современной Бзыбской Абхазии. Они представляют местную особенность позднейшего периода колхидской бронзы края.

[1] **Ш. Д. Инал-Ипа.** Указ. соч., стр. 96.

[2] Скорее всего это обломок фигурного конца шейной гривны.

[3] **М. М. Иващенко.** Указ. соч., рис. XVII, 2.

Ко второму типу принадлежат два широких желобчатых браслета (табл. VI, 3), найденные в 8-ом и 9-ом погребениях. У браслета, обнаруженного в 8-ом погребении, обломан конец; в отличие от другого браслета он имеет отвернутые на внешнюю сторону бортики и более глубокий желобок. У обоих браслетов двухскатная наружная поверхность, причем у найденного в 9-ом погребении имеется отверстие, являющееся литейным дефектом. Круглоовальный просвет этих браслетов составляет 4–5 см, что больше соответствует женской руке.

Близкой аналогией к этим изделиям является браслет, обнаруженный во время полевой работы в поселке Жабна Отхарского сельсовета Гудаутского района[1].

К третьему типу относится фигурный браслет (табл. II, 9), найденный в первом погребении. Он состоит из центральной двухлопастной широкой пластинки, от средней части которой в противоположные стороны отходят по два желобчатых ребра. Ребра эти, сходясь между собой, образуют расширенные концы. Центральная пластинка браслета с ребрами напоминает грудную клетку человека. Изделие это разломано, но легко восстановимо. Размеры браслета: диаметр поперечника у верхнего конца 6,3 см, у нижнего конца 6 см. Аналогий данному типу браслета в собраниях колхидско-кобанской бронзы нам неизвестно.

К четвертому типу принадлежит бронзовый массивный браслет с глубокими наружными надрезами (табл. III, 8), найденный во втором погребении. Концы браслета у переднего разреза заканчиваются маленькими выступами, сходящимися своими концами. Толщина браслета в разрезе 8 мм. Внутренний диаметр 6,5 см.

[1] **А. Л. Лукин.** Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. 1, 1941, табл. VII, 2

Браслеты этого типа на Кавказе обнаружены в следующих пунктах:

В бывшем Новобаязетском уезде (Армянская ССР) – браслет в коллекции Е. И. Лалаяна, хранящийся в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, за № 64–05.

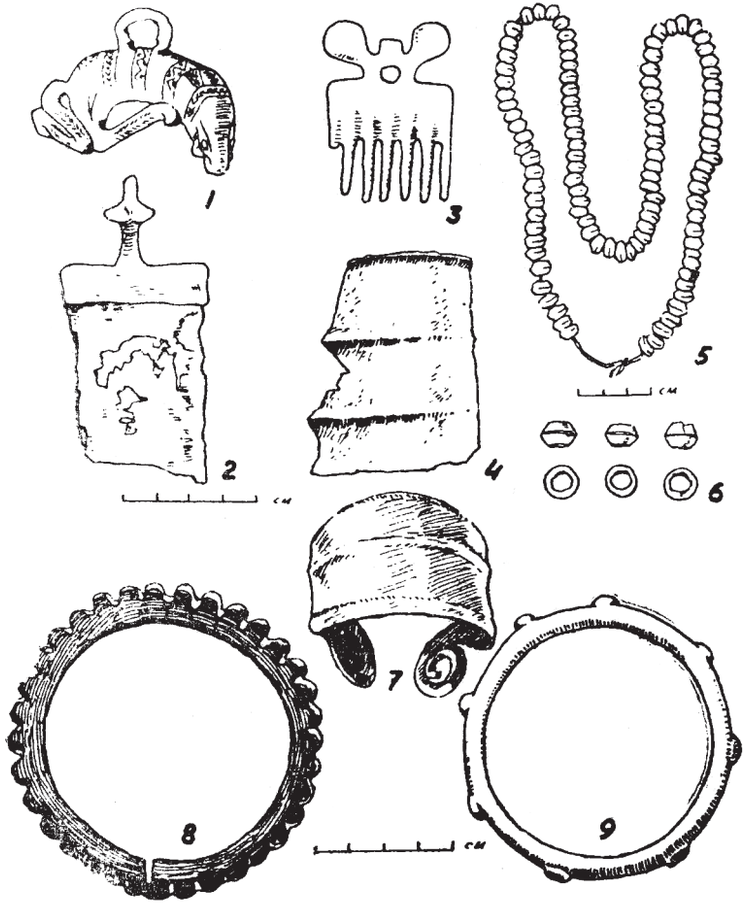

Таблица III. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребения 2. 1 - подвеска; 2 - пояс с пряжкой; 3 - гребешок; 4, 7-9 - браслеты; 5-6 - бусы; все - бронза, 7 - находка 1925 г.

В могильнике Хртаноц[1] (Армянская ССР) подобные браслеты, в отличие от куланурхвского, замкнуты. В одном из погребений этого могильника вместе с браслетом рассматриваемого типа найдены: шейная проволочная гривна, железный топорик типа секиры-молотка, железный наконечник копья, сердоликовые, агатовые, бронзовые, пастовые бусы и др. А. А. Мартиросян инвентарь Хртаноцкого могильника относит к эпохе широкого освоения железа (VII–VI вв. до н. э.).

В селении Доланлар, в Нагорно-Карабахской автономноой области, найдены браслеты, в отличие от куланурхвского, замкнутые и имеющие на наружной поверхности, кроме надрезов, по одной или по нескольку шишечек[2].

В древнем поселении в долине Ганджа-Чая (Азербайджанская ССР) при раскопках Я. И. Гуммеля найден браслет, полностью сходный с куланурхвским[3].

В Калакенте такие браслеты найдены А. А. Ивановским; в каменных ящиках №№ 14 и 38; в ящике № 38 вместе с браслетом найдены сердоликовые бусы разных форм и другие вещи[4].

В селении Кинчха Цулукидзевского района (Западная Грузия) случайно найден браслет, хранящийся в Кутаисском музее.

Из Кобанского могильника (Северная Осетия) происходит браслет собрания А. С. Уварова. Этот браслет с широким просветом[5].

Сравнительный материал показывает, что рассмотренный тип браслетов встречается по всему Кавказу, но больше всего пока их найдено в Восточном Закавказье.

К пятому типу относится замкнутый браслет с восемью наружными выступами (табл. III, 9), принадлежащий ко второму погребению. Внутренний диаметр 6,3 см, толщина прута 6 мм. Совершенно подобный браслет имеется в вышеуказанной коллекции № 64–05 Е. И. Лалаяна из б. Новобаязетского уезда, хранящийся в Гос. музее

[1] **А.А. Мартиросян.** Указ. соч., стр. 23, 39, табл. V, 18, 19; табл. XV, 3.

[2] **Н. В. Минкевич-Мустафаева**. Об археологических находках из сел. Доланлар. Материальная культура Азербайджана, т. 1, Баку. 1949, табл. III, 1,4

[3] **Я. И. Гуммель.** Археологические очерки (сборник статей). Баку, 1940, стр. 100, фиг. 4.

[4] **А. А. Ивановский.** По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, табл. II, 2, 4.

[5] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. XXXIV, 13.

Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Такой же браслет, только отлитый из серебра, известен и из могильника Хртаноц[1] (VII–VI вв. до н. э.) в Армянской ССР.

К шестому типу принадлежит браслет, состоящий из круглого прута с широко разведенными, овально расплющенными концами (табл. IV, 8), найденный в третьем погребении. Внутренние диаметры браслета 5,6Х6,1 см, толщина прута 6 мм, ширина просвета между концами браслета 2,1 см.

К седьмому типу относится пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами (табл. III, 7), типичный для кобанского варианта колхидской бронзы, найденный в Куланурхвском могильнике еще до раскопок при вспашке земли. Внутренний диаметр его приблизительно 4,4Х4,7 см. Ширина пластины в средней части 3,9 см, толщина 2 мм, а на гранях 3 мм. Сильно суживаясь с обоих концов, пластинка переходит в спиральные завитки с поперечником 1,6Х1,8 см. Ширина просвета между концами 11 мм. На боковых гранях имеются линейные насечки. Завитки браслета четырехгранные в сечении, толщиной 5 мм. Слегка выделяющиеся ребра браслета (среднее и два по краям) делят пластинку по длине на два равных продольных желобка. Внутренняя поверхность браслета гладкая, с очень легкой общей выпуклостью, предотвращающей врезание краев в тело при ношении.

Совершенно подобный браслет, найденный в 1938 году в районе Бомборской поляны близ гор. Гудаута, опубликован А. Л. Лукиным[2].

Такие же браслеты найдены раскопками Г. Ф. Гобеджишвили в могильнике Брили (Западная Грузия)[3].

Аналогичный браслет в комплексе с колхидскими топорами известен и из Лечхумского клада[4].

Общеизвестной аналогией к рассматриваемому типу изделий являются также экземпляры из Кобанского могильника (Северная

[1] **А. А. Мартиросян.** Указ. соч., стр. 24, 90–92, табл. V, 28.

[2] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. XIV, 1.

[3] **Г. Ф. Гобеджишвили.** Указ. соч., стр. 98–99, табл. XLI.

[4] **Б. А. Куфтин.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII–B, Тбилиси, 1944. табл. XIV, ‘I.

Осетия)[1]. Два таких браслета вместе с подвесками в виде двойной спирали и ручками от бронзового сосуда, украшенными звериными головками, были найдены в замечательном погребении у сел. Заюково, на реке Баксан, в Кабардино-Балкарской АССР. Весь этот комплекс характерен для поздних погребений Кобанского могильника (VII–VI вв. до н. э.)[2].

Конические бронзовые пронизи (высотой от 1,2 до 2,4 см и в диаметре от 1,9 до 2,4 см у основания) с крепкой дугообразной петлей внутри, найдены в первом погребении в количестве 18 штук, из них 16 с кнопкообразной головкой и два с заостренной вершиной (табл. II, 6). Последние украшены глубоким врезным геометрическим орнаментом, состоящим из окружности у основания, и трех бороздок, делящих ее на три части и сходящихся у вершин.

Совершенно такие же конические пронизи, только по размеру значительно большие, чем куланурхвские, найдены и в других местах Абхазии (поселок Аагста, селение Мугудзырхва, Гудаутского района и селение Эшера, Сухумского района) в погребениях колхидско-кобанской бронзы, с головками то кнопкообразными[3], то фигурными в виде парных звериных головок[4] или даже в виде целых животных[5].

Аналогичные пронизи, более крупные чем наши, известны также из могильника у сел. Малаклю на северо-западном склоне горы Арарат. Здесь при раскопках, произведенные В. Ф. Петровым в 1914 году, в погребении 10-ом в комплексе с интересующими нас предметами были найдены: урартская столбчатая печать, бусы (стеклянные, агатовые, бронзовые) а также бронзовая ручка от сосуда, украшенная звериною головкой, и другие предметы[6].

[1] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. XXX, 4–5.

[2] **Б. Б. Пиотровский.** Скифы в Закавказье. Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. Гос. Эрмитаж, т. III, Л., 1940, стр. 89–90.

[3] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949. табл. XIV, I и 2; **А. Л. Лукин**. Указ. соч., табл. IV, 6.

[4] **М. М. Иващенко.** Указ. соч., рис. XVII, 3.

[5] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. IV.

[6] **Б. А. Куфтин.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII–B, Тбилиси.. 1944, стр. 14, рис. 27.

Описанные нами пронизи по месту нахождения в погребении и по своим маленьким размерам, являются, несомненно, принадлежностями костюма, т. е. украшениями или пуговицами.

Фибулы в Куланурхвском могильнике представлены бронзовыми и железными экземплярами. Бронзовые фибулы с цепочками из того же металла, однотипны (табл. IV, 3, 4), без орнамента, с пластинчатой крутой дужкой (высотой 2,1 см). Они в количестве двух найдены в третьем погребении. На одной из этих фибул сохранилась игла длиной 3,3 см.

В коллекции А. Л. Лукина имеется пластинчатая бронзовая орнаментированная фибула типа рассматриваемых, найденная в 1927 году в селении Абгархук, Гудаутского района.

Аналогичные по форме дуги фибулы вне Абхазии известны также на Северном Кавказе; происходят они из Кумбулты и Кобани[1].

Железные фибулы – круглопроволочные, всего их два экземпляра. Первая фибула с бронзовой цепочкой (табл. IV, 2) миниатюрная, с плавно опускающейся дужкой, обнаружена вместе с предыдущими бронзовыми фибулами в третьем погребении. Общие размеры: высота дуги 10 мм, поперечник 16 мм. Фибулы, подобные по форме дуги, были встречены также на Северном Кавказе в ряде пунктов: в Чми, Рутха (собрание П. С. Уваровой)[2].

Вторая железная фибула (табл. V, 4), найденная в пятом погребении, с уширенным пластинчатым концом. Общие размеры: высота 2,5 см, длина 5 см. Эта фибула с менее крутой дужкой, чем предыдущие.

Бронзовые цепочки из Куланурхвы сделаны из круглой и желобчатой кантованной проволоки.

В первом погребении обнаружена цепочка (табл. II, 8) длиной 40 см, с согнутыми овальными звеньями длиною 8 мм (звенья смыкаются на середине длинной стороны), сделанными из круглой проволоки диаметром 1 мм.

Подобные цепочки известны из Казбегского клада (коллекция № 2), хранящегося в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа и из Кобанского могильника[3].

[1] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. XV, 7.

[2] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. XXXVIII, 8; XIV, 17; XXXII, 2–4.

[3] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. IV, 15; табл. C1V, 11.

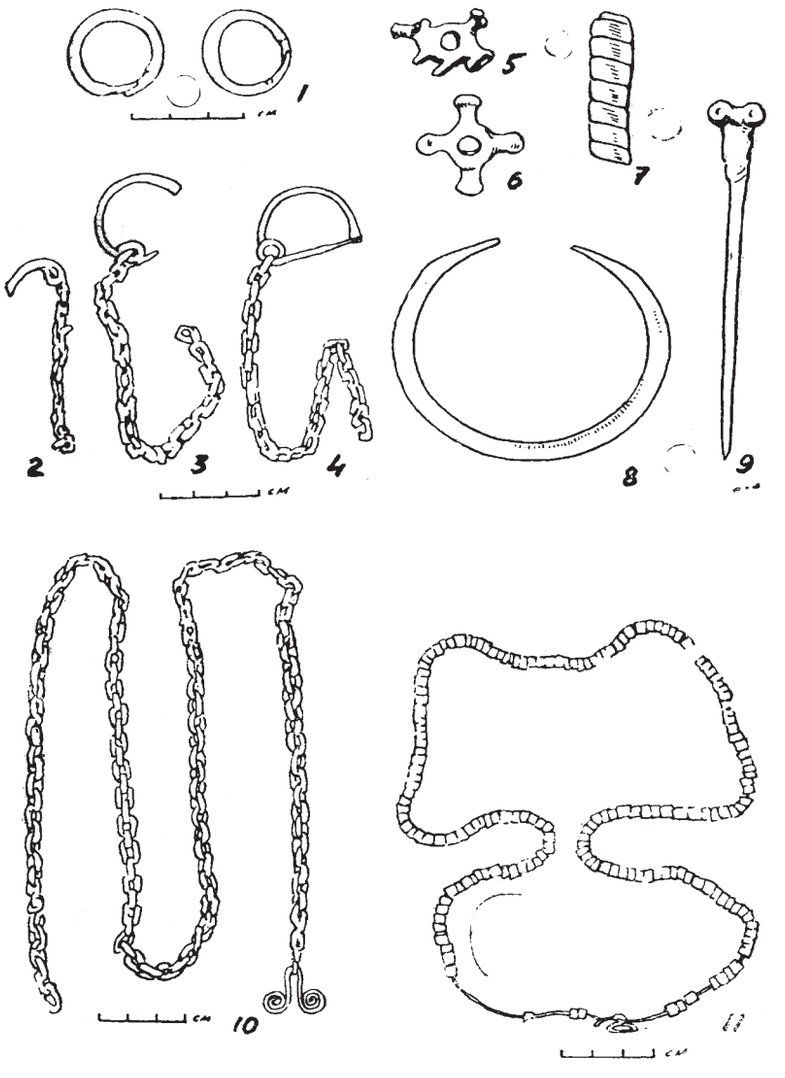

Таблица IV. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребения 3. 1 - серьги; 2-4 - фибулы с цепочками; 5-6 - подвески; 7 - пронизь; 8 - браслет; 9 - булавка; 10 - цепочка с подвеской; 11 - бусы. 1 - серебро; 2 - железо и бронза; 3-11 - бронза

В третьем погребении найдена цепочка (табл. IV, 10), у которой овальные звенья, в отличие от вышеописанной, сделаны из желобчатой пластинки 2-х мм ширины. Эта цепочка длиной 80 см с очкообразными привесками на обоих концах.

Аналогичные привески обычно встречаются в сочетании с бронзовыми цепочками. В Грузии они известны из ряда пунктов. В 1940 году в Брильском могильнике у селения Геби (Верхняя Рача) в грунтовом погребении № 31 нижнего яруса (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили) была найдена очкообразная привеска, тождественная куланурхвским.

При раскопках Ф. Байерна в Самтаврском могильнике в погребении № 600 обнаружена была такая же привеска[1] вместе с дугообразной фибулой из тонкой бронзовой проволоки, наконечником копья и другими вещами.

Аналогичные привески обнаружены и в Триалети, в каменном ящике № 2 в могильнике Маралын Дереси[2]. Подобные же привески широко известны и на Северном Кавказе, в частности, в Кобани[3], в Чми[4] и в Нестеровском могильнике[5]. В последнем, вместе с двумя привесками, были найдены двуперые (ромбической и овальной формы) и трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа, тождественные с куланурхвскими.

Таким образом, интересующие нас очкообразные привески в сочетании с бронзовыми цепочками имеют широкое распространение на Кавказе.

Серьги серебряные в виде пары колец из круглого отшлифованного прута с утонченными, слегка заходящими друг за друга концами (табл. IV, 1), обнаружены в третьем погребении. Размеры: наибольшая толщина 4 мм, внутренний диаметр 1,5 см.

Серебряные серьги, тождественные с куланурхвскими, найдены в 1938 году в Нестеровском могильнике, в погребении 5-ом

[1] Там же, табл. XXXIV, 9.

[2] **Б. А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси. 1941, стр. 70, рис. 74 б.

[3] Там же, табл. XXIV.

[4] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. XXXIX′, 5, 6

[5] **Е. И. Крупнов.** Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 44, 24, 26.

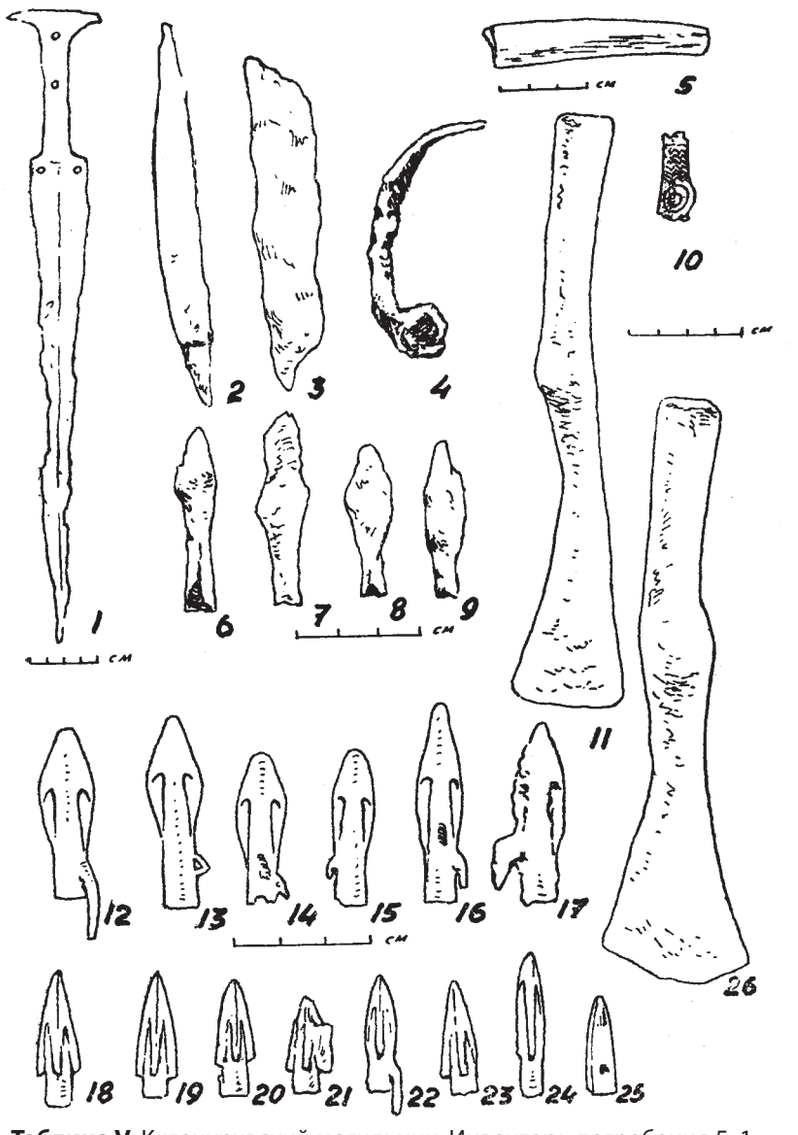

Таблица V. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребения 5. 1 - кинжал-меч; 2, 3 - ножи; 4 - фибула; 5 - рукоятка; 6-9, 12-25 - наконечники стрел; 10 - обломок гривны; 11, 26 - топоры; 1-4, 6-9, 11, 26 - железо; 5 - кость; 10 - серебро; 12-25 - бронза

при скорченном женском костяке у черепа. В этой могиле, кроме того, были обнаружены также пять стеклянных зеленоватых бус круглой формы и одно глиняное пряслице. Могильный инвентарь Нестеровского могильника Е. И. Крупнов датирует VI–V вв. до нашей эры.

Бронзовая спиральная завитая трубка (табл. IV, 7), имеющая восемь оборотов, сделанная из пластинки 5 мм ширины, найдена в третьем погребении. Диаметр кольца 6 мм, длина трубки 4 см. Тождественные изделия обнаружены в Нестеровском могильнике (раскопки Е. И. Крупнова)[1], в Чми[2] и во многих других местах Северного Кавказа.

Спиральные завитые трубки как малого, так и большего размера по сравнению с нашей, известны также из Кобанского могильника[3].

Бронзовая крестообразная подвеска (табл. IV, 6) найдена в третьем погребении. Эта вещь с круглым отверстием посередине, состоящая из четырех стерженьков, длиной в 7 мм, расположенных под прямым углом. Стерженьки оканчиваются коническими шляпками.

Подобные подвески широко встречаются на территории распространения колхидско-кобанской бронзы (Абхазская АССР, Западная Грузия и центральная часть Северного Кавказа).

За пределами указанной территории единственная в своем роде крестообразная бронзовая подвеска[4], тождественная с нашей, была обнаружена в 1911 году в Ольвии, в погребении № 66. Вместе с подвеской в этом погребении находились: наконечники стрел скифского типа, меч, амфора, костяная пронизь и другие предметы.

Данное погребение, по наконечникам стрел и форме меча, С. И. Капошина относит к V веку до нашей эры[5].

[1] **Е. И. Крупнов.** Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 44, 19.

[2] **Е. И. Крупнов.** Археологические памятника Асснского ущелья. Тр. ГИМ, вып. II, М., 1941, стр. 179–180, табл. V, 13, 14.

[3] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. IX, 2

[4] **Там же,** табл. XXXIV, 10.

[5] **С. И. Капошина.** Погребения скифского типа в Ольвии. СА, XIII, 1950, стр. 212, рис. 7.

Бронзовая булавка (табл. IV, 9) длиной 9,5 см, найдена в третьем погребении. Она имеет Н-образную головку, помещенную своей перекладиной на ромбовидно расширенной верхней части иглы. Под перекладиной круглое отверстие. Свободные концы продольных стерженьков головки имеют вид конических утолщенных шляпок. Длина параллельных стерженьков и перекладины между ними 10–13 мм. Диаметр шляпок 4–5 мм. Аналогичная булавка из того же селения Куланурхва имеется в коллекции А. Л Лукина[1]. Подобные изделия из других местностей Кавказа нам неизвестны.

Бусы в Куланурхвском могильнике составляют наиболее многочисленную часть инвентаря. Наряду с прекрасно обработанными сердоликовыми здесь обнаружены в большом количестве бусы из бронзы, из стекла, а также пастовые. В очень небольшом числе имеются бусы из янтаря. Рассмотрим кратко отдельные группы:

Сердоликовые бусы шаровидной формы с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом, в том числе с бипараболоидно-коническим отверстием, в количестве более 140 штук, размером от 5 до 31 мм в диаметре, найдены в первом и седьмом погребениях. Все они красно-бурого цвета, хорошо отполированы, местами с желтовато-белой расцветкой поверхности и синими прожилками на некоторых. Расцветка на бусах, возможно, вызвана химическими процессами в самой почве.

Среди бус имеются пять штук с надпилом у входного отверстия. Бусы с надпилом хорошо известны по всему Причерноморью от Ольвии до Керчи и Анапы и встречаются в Приднепровье, по Дону, Кубани, Риону, обычно сопровождаясь разнообразными стеклянными (цветными, золоченными и пр.) бусами эллинистического времени III–I вв. до нашей эры и отчасти римского времени I–II вв. нашей эры[2]. Однако наши бусы с надпилом у входного отверстия не могут быть отнесены к этому периоду, так как они по тонкости полировки и форме отверстия тождественны с каменными бусами (сардеровыми, сердоликовыми и др.), встречающимися в ком-

[1] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. XV, 1.

[2] **Г. Г. Леммлейн.** Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 30.

плексах более раннего времени. Кроме того, прием надпила каменных бус, видимо, не связан исключительно с эллинистическим временем. Он мог применяться и раньше.

В Эшерском могильнике в погребении колхидско-кобанскои бронзы найдены сердоликовые бусы (около ста штук) [1], среди которых отсутствуют бусы с надпилом. Самые крупные из них достигают 2 см в диаметре. При сравнении их с нашими сердоликовыми следует обратить внимание на сходство в величине бус, в тщательности отточки, тонкости полировки и в форме самого отверстия.

Совершенно подобные бусы, вместе с золотыми украшениями в Западной Грузии происходят из сел. Парцханаканеви и Носири. Они датируются Б.А. Куфтиным раннеахеменидской эпохой[2].

Вне Западной Грузии тождественные бусы в количестве восьми штук, размером от 12 до 30 мм в диаметре, найдены в Казбегском кладе, хранящемся в Государственном историческом музее в Москве за № 1792. Ими подтверждается дата для бус Парцханаканеви и Носири.

Интересы находки, сделанные Б.Б. Пиотровским в 1940–1941 годах в крепости Кармир-блуре, где в одной из центральных комнат Западного здания найдены в большом количестве сердоликовые бусы разных размеров (крупные, средние, малые) вместе с тремя столбчатыми печатями урартского типа[3].

Бусы из сердолика и сардера с двухсторонне сверленным цилиндрическим и биконическим каналом имеют широкое распространение на территории Кавказа и в меньшей мере в степной полосе европейского юга СССР Г. Г. Леммлейн[4] относит их к периоду VIII–VI вв. до н. э.

Бусы из сердолика, сардера и других полудрагоценных камней служили показателями культурных связей Кавказа со странами древнего Востока. В Закавказье они получают широкое распространение в первой половине первого тысячелетия до н. э. и,

[1] **М.М. Иващенко.** Указ. соч., стр. 63, рис. XVII, 5.

[2] **Б. А. Куфтин.** Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, стр. 169–171.

[3] **Б.Б. Пиотровский.** История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 167, рис. 23.

[4] **Г. Г. Леммлейн.** Указ. соч., стр. 28.

по мнению Г. Г. Леммлейна[1] бусы эти являются импортной продукцией из Ирана, Малой Азии и даже Индии. Однако есть все основания полагать, что значигельная часть сердоликовых бус является местной, закавказской.

Стеклянные бусы шаровидной формы (табл. II, 5), найденные в первом и седьмом погребениях, по цвету и по диаметру отверстия можно разделить на две группы.

К первой группе относятся бусы из стекла золотистого цвета с диаметром отверстия около 6 мм. Бусы эти в количестве тридцати восьми штук, диаметром от 8 до 13 мм. утратили первоначальную поверхность в результате коррозии.

Ко второй rpvnne принадлежат бусы из мутного чуть зеленоватого стекла (восемь штук), по-видимому, иного состава, с диаметром отверстия около 4 мм. Размеры этих бус 11–13 мм в диаметре.

На территории Грузии стеклянные бусы в погребальном инвентаре колхидско-кобанской бронзы встречаются редко. В коллекции А. Л. Лукина имеются четыре стеклянных бусины на проволочках, служившие в качестве «серег»; они принадлежат двум комплексным находкам, обнаруженным разновременно около гор. Гудаута. Бусы эти аналогичны бусам нашей второй группы. Заслуживает внимания рассмотрение этих комплексных находок, с которыми связаны указанные четыре бусины из коллекции А. Л. Лукина.

В 1910 году во время корчевки около берега моря, в западной части Бамборской поляны, крестьянами было обнаружено большое количество бронзовых предметов (фигурные привески животных, летящая птица, фигура «винопийца», колокольчики, фигуры женщины с ребенком на руках, браслет из круглого прута с удлиненно-овальными концами и др. Позднее на том же месте А. Л. Лукиным обнаружены две стеклянные бусины и одна трехгранная пластинчатая золотая накладка[2].

Вторая находка была сделана в 1915 году тоже близ гор. Гудаута. Здесь, вместе с двумя стеклянными бусинами, найдены три

[1] **Г.Г. Леммлейн**. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 157–172.

[2] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., стр. 62–66.

бронзовых браслета из простых лентовидных пластинок украшенные елочным орнаментом; обломок бронзовой фибулы дугообразной формы и незначительные остатки человеческого костяка. В сквозном отверстии каждой бусины имелись частью рассыпавшиеся кольцевидные крючки из тонкой бронзовой проволоки. Автор находки А. Л. Лукин, учитывая положение бусин в момент находки, полагает, что они служили в качестве сережек[1].

Бамборская находка в целом замечательна тем, что она в хронологическом отношении примыкает к Казбегскому кладу. Об этом говорит наличие в том и другом кругломоделированных скульптурных изображений.

Бусы, тождественные с нашей второй группой, обнаружены и в Самтаврском могильнике. Здесь, в 1939 году в грунтовом погребении № 7[2] А. Н. Каландадзе при скорченно положенном покойнике, были найдены четыре экземпляра стеклянных бусин вместе с двумя пастовыми и одной привеской из черного камня.

Наряду с ними в этой же могиле обнаружены три бронзовых браслета из круглого прута. Один из них имел обрубленные концы и надрезы по наружной стороне, чередующиеся с гладкой поверхностью. Остальные браслеты имели заходящие друг за друга утонченные концы.

Бусы из чуть зеленоватого стекла, шаровидной формы, размером 12–15 мм в диаметре, относящиеся к Ванской эпохе, происходят также из могильника у селения Малаклю (погребение 10-ое)[3].

Янтарные бусы в Куланурхвском могильнике представлены в небольшом количестве, да и то во фрагментах, за исключением одной целой бусины, имеющей форму усеченной четырехгранной пирамиды высотой в 2,5 см (табл. II, 1). Основание пирамиды – неправильный четырехугольник с наибольшей стороной, равной 1,4 см, а вершина – правильный треугольник с наибольшей стороной, равной 1 см. Эта бусина вместе с остальными фрагментами найдена в первом погребении.

[1] **Так же**, стр. 75.

[2] Инвентарь погребения хранится в Гос. музее Грузии им. акад С. Н. Джанашиа

[3] **Б. А. Куфтин.** Урартский «колумбарий»... стр. 49 табл VI 1–4

Янтарь впервые появляется на Кавказе в эпоху Кобанского могильника, а в раннескифское время является широко распространенным.

В Самтаврском могильнике в погребении № 106[1] (раскопки А. Н. Каландадзе и М. М. Иващенко, 1939 г.) среди найденных янтарных бус обнаружена одна бусина, аналогичная по форме и диаметру отверстия с куланурхвской. В инвентарь этой могилы, кроме янтарных бус, входят сердоликовые бусы – круглые и многогранные, а также двуперые и трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа.

Бусы пастовые, биконической формы найдены в первом погребении. Восемь штук из них (табл. II, 2) из сероватой пасты и четыре из желтой пасты; они хрупкие, окрашивают пальцы. В погребении этих бус было много, но, при прикосновении к ним. они рассыпались в порошок. Размер бус от 7 до 9 мм в диаметре.

Пастовые бусы на территории Закавказья характерны вообще для эпохи интенсивного освоения железа (VII VI вз. до н. э.). Это хорошо прослеживается в материалах раскопок могильников Хртакоц[2], Триалети[3], Самтавро и т. д.

Бронзовые бусы, обнаруженные в Куланурхвском могильнике, принадлежат к двум типам.

В погребениях 2-ом и 11-ом найдено более ста штук бус биконической формы, слегка сплющенных. Бусы эти, размером 7 мм в диаметре, свернуты из трехгранного в сечении прута, в 5 мм ширины; концы смыкаются вплотную (табл. III, 5, 6). Большинство из них покрыто черной блестящей патиной.

Ко второму типу принадлежат более двухсот штук бронзовых бус в виде колечек (табл. IV, 11), сделанных из узеньких пластинок со сходящими вплотную друг к другу концами. Эти бусы, достигающие по своему размеру 3 мм в диаметре, покрытые зеленой патиной, были собраны в третьем погребении

[1] Инвентарь погребения хранится в Гос. музее Грузии им. акад С. Н. Джанашиа.

[2] **А. А. Мартиросян.** Указ. соч., стр. 25 и 85.

[3] **Б. А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, стр. 57–59.

Бусы первого типа близки по своей форме к крупным бронзовым бусам биконической формы, обнаруженным в Аагстинском погребении[1] и в Эшерском могильнике в Абхазии.

Пряжки поясные, литые, бронзовые, украшенные скульптурной звериной головкой, с острыми, поднятыми вверх ушами, на длинной крючковидной шее (табл. 1,^4; III, 2) принадлежали узкому бронзовому поясу (шириной от 3,5 до 4 см), который вставлялся концом в продольный расщеп пряжки и прочно заклепывался в ней. Пряжки эти обнаружены по одной в погребениях первом и втором[2].

Подобные пряжки представлены в могильнике Нижняя Эшера[3] и в Аагстинском погребении[4].

Аналогичные пряжки известны и из эшерских дольменов[5], раскопанных О. М Джапаридзе в 1955–1956 гг.

При сравнении звериных головок, украшающих наши пряжки, с головками животных на ручках лечхумских и аналогичных с ними бронзовых сосудов, не трудно заметить их сходство. Эго обстоятельство, помимо отмеченных нами выше при разборе бронзовых колхидских топоров, указывает на хронологическую близость кладов из Лечхуми и Квишари с первым и вторым куланурхвскими погребениями.

Рассматриваемого типа пряжки неизвестны в других районах Закавказья и представляют собой своеобразную местную особенность в инвентаре абхазских погребений эпохи поздней бронзы.

Бронзовый пинцет с петельчатым основанием (табл. VI, 2) был найден в одиннадцатом погребении. Пинцет длиной 8,5 см, имеет узкие лопасти. Он обломан у основания петли. Поверхность пинцета покрыта зеленой патиной.

Как известно, пинцет является чрезвычайно широко распространенной туалетной принадлежностью, существующей в

[1] **А. Л. Лукин.** Указ. соч., табл. V, 1.

[2] **М. М. Иващенко.** Указ. соч., рис. XVII, 5.

[3] **Там же**, стр. 61–62, рис. XVII, 5.

[4] **Б. А. Куфтин**. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, табл. XI, 2.

[5] **О. М. Джапаридзе.** Дольменная культура в Грузии. Труды ТГУ. V 77, 1959, рис. 5.

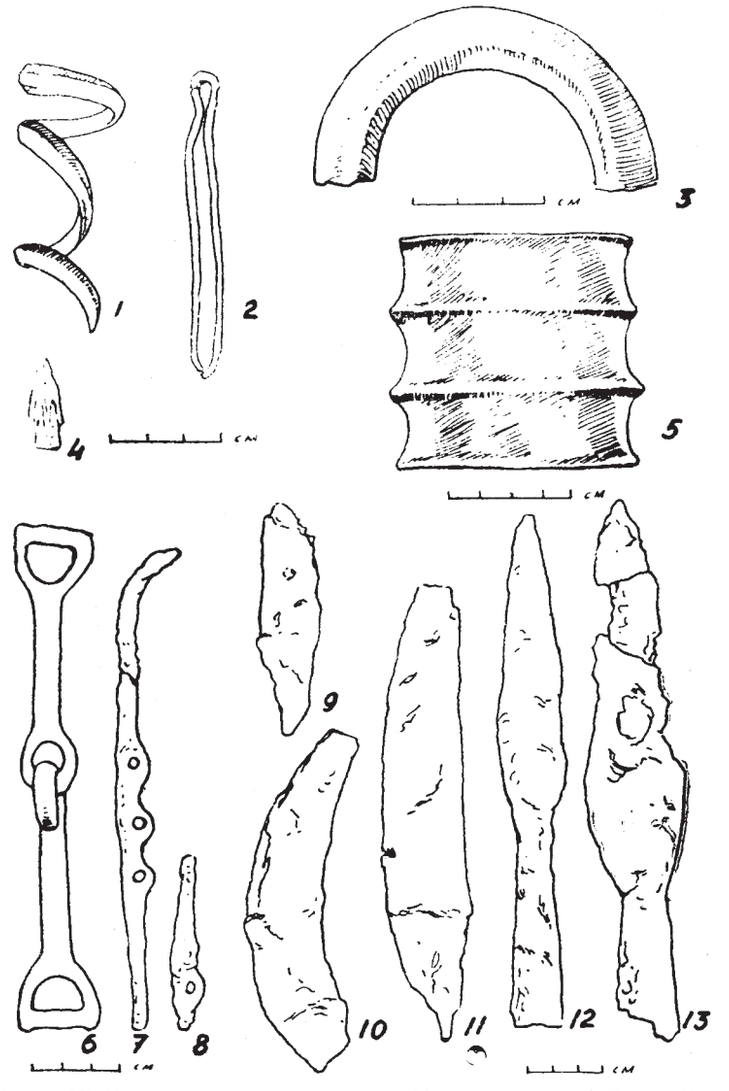

Таблица VI. Куланурхвский могильник. Инвентарь погребений №4 (6-8), 7 (1), 8 (3), 9 (9), 10 (4, 10), 11 (2, 5, 11), 12 (12-13). 1 - накладка топорища; 2 - пинцет; 3, 5 - браслеты; 4 - наконечник стрелы; 6 - удила; 7, 8 - псалии; 9 - 11 - ножи; 12- 13 - наконечники копий, 1-6 - бронза; 7-13 - железо

продолжении ряда тысячелетий, с эпохи бронзы и до настоящего времени, в одной и той же форме в Европе, в Передней Азии и на Кавказе.

Пинцеты бывают двух главных форм; из двух скрепленных отдельных пластин и из одной согнутой пластинки. На Южном Кавказе встречаются пинцеты обоих форм, причем в колхидской бронзовой культуре преимущественно второй: наш пинцет относится также к этой второй форме.

Гребень бронзовый, литой, с семью зубцами (табл. III, 3) найден во втором погребении. Гребень сверху имеет выступ с круглым отверстием, украшенный двумя схематически изображенными топорами миниатюрного размера. Ширина гребня 3,5 см., высота его с выступом 5 см.

Изделия такого типа, но с иным украшением сверху, известны из Триалети. Так, например, в могильнике Маралын Дереси раскопками Б. А. Куфтина в погребении № 4 обнаружен бронзовый гребешок с пятью зубцами и полумесяцем, выступающим сверху. Вместе с этим предметом найдены бронзовая мотыжка западногрузинского типа, сердоликовые бусы, бронзовые браслеты с заходящими концами, фибула кобанской формы из того же металла и другие вещи. Могильник Маралын Дереси Б. А. Куфтин относит к Ванской эпохе[1].

[1] **Б. А. Куфтин.** Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 50–52, рис. 50, 4; табл. XXIII.

ГЛАВА IV

ЗНАЧЕНИЕ КУЛАНУРХВСКОГО НЕКРОПОЛЯ И ВОПРОС ЕГО ДАТИРОВКИ

Переходя к подведению итогов изучения материалов Куланурхвского могильника, нужно прежде всего отметить, что этот некрополь, давший сравнительно небольшое количество погребений, по выявленным здесь материалам, является исключительно важным археологическим памятником Абхазии. Добытый материал довольно обилен, в его составе есть и уникальные предметы. Он дает яркую характеристику финальных памятников колхидской культуры на территории Абхазии.

Вместе с тем, научная значимость Куланурхвского могильника определяется тем, что здесь на территории одного погребального поля наряду с инвентарем колхидского типа впервые в Абхазии вскрыты замечательные погребальные комплексы скифской культуры. Факт обнаружения колхидских и скифских погребений на территории одного могильника заслуживает серьезного внимания. Он дает возможность правильно подойти к вопросу датировки позднего этапа развития колхидской культуры. Если ранняя дата этой культуры все еще остается спорной, то время ее расцвета на основании материалов Куланурхвского и Красномаяцкого могильников, в совокупности с научно документированными вещевыми находками, известными из других пунктов Кавказа, уже выясняется.

Изучение всех материалов, добытых при исследовании древнего могильника в сел. Куланурхва, позволяет наметить следующие выводы:

1. Все приведенные выше соображения, в частности, анализ погребального инвентаря и всего сравнительного материала, привлеченного из разных областей Кавказа и степного юга СССР, дают возможность отнести обнаруженные колхидские и скифские погребения в селении Куланурхва в основном к одной исторической эпохе, а именно, к раннескифскому времени, т. е. приблизительно к периоду от VIII до середины VI в. до н. э. При этом погребения с инвентарем колхидской бронзы вмещаются приблизительно в хронологические рамки VIII – первой половины VII вв. до и. э., а погребения с инвентарем скифского типа относятся ко второй половине VII – середине VI вв. до н. э.

Главными основаниями для датировки погребений с инвентарем колхидской бронзы являются следующие.

Во-первых, для определения возраста наших топоров правильное направление дает нам Лечхумский сосуд из листовой бронзы с двумя ручками, украшенными звериными головками, в котором, наряду с различными бронзовыми предметами, находились топоры колхидского типа и пластинчатый бронзовый браслет с концевыми завитками, аналогичные с куланурхвскими. Аналогичные, общекавказского происхождения сосуды с ручками, украшенными звериными головками, как отмечалось выше, представлены в хорошо датированных раннескифском кургане у селения Жаботина Киевской области и в одном из келермесских курганов на Кубани, относящимся к началу VI в. до н. э. Сосуды типа лечхумского, широко представленные на территории Кавказа, не выходят за пределы VIII–VI вв. до н. э.[1] Эту дату подкрепляет и пластинчатый бронзовый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами, типичный для кобанского варианта колхидской бронзы, находившийся в Лечхумском сосуде. Браслеты, аналогичные лечхумскому и куланурхвскому, известны из могильников Брили (Западная Грузия) и у сел. Заюково (Кабардино-Балкария). Эти браслеты, характерные для поздних погребений Кобанского могильника, относятся к VII–VI вв. до н. э.[2]

[1] **Е. И. Крупнов.** Жемталинский клад. Москва, 1952, стр. 28.

[2] **Б. Б. Пиотровский.** Скифы в Закавказье. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Гос. Эрмитаж, т. III, Ленинград, 1940, стр. 89–90.

Во-вторых, сердоликовые бусы из первого и седьмого погребений Куланурхвского могильника по форме, размеру и технике сверления тождественны с бусами, происходящими из различных пунктов Кавказа (сел. Парцханаканеви и Носири, Кармир-блур и др.), возраст которых ограничивается хронологическими рамками VIII–VI вв. до н. э. Нужно при этом учесть, что среди куланурхвеких сердоликовых бус имеется пять штук с надпилом у входного отверстия. Это обстоятельство также не позволяет вывести возраст куланурхвских погребений с инвентарем колхидской бронзы вглубь за пределы VIII в. до н. э.

В-третьих, бронзовые колхидские топоры типа «г» из первого погребения Куланурхвского могильника имеют полную аналогию в бронзовом топоре того же типа, который вместе с двумя железными и двумя бронзовыми наконечниками копий, железным кинжалом, железным ножом обнаружен в Красномаяцком могильнике в Сухуми, в погребении № 62. Это погребение датируется приблизительно VIII в. до н. э.

В-четвертых, бронзовый топор типа «б» по уваровской классификации, входящий в состав предметов Новочеркасского клада, имеет сходство с тремя бронзовыми топорами из первого погребения Куланурхвского могильника. А. А. Иессен, на основании вещевых предметов этого клада и ряда других археологических находок, происходящих из различных пунктов Европейской части юга СССР, поздний этап развития кобанской культуры, имеющей немало общего с колхидской бронзой, ограничивает временем второй половины VIII – первой половиной VII вв. до н. э.[1]

Вопрос о синхронности основной массы колхидско-кобанской бронзы со скифским временем подробно рассматривает Е. И. Крупнов в своей работе «К вопросу о хронологии кобанской культуры». Для подкрепления своей мысли он приводит большое количество комплексов металлических изделий кобанского типа (большие булавки, пластинчатые браслеты с завитками на концах и другие вещи), среди которых отчетливо выделяется группа памятников, хорошо датируемых находимыми вместе с ними предметами скифской культуры. В пользу такого соображения говорит

[1] **А. А. Иессен.** К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 107.

и типично скифский железный акинак в колхидских бронзовых ножнах, обнаруженный около Гагра. Эта находка датируется примерно концом VII в. до н. э.[1]

Б. А. Куфтин, исходя из ряда археологических данных, в том числе из наличия бронзовой ситулы-кружки в могильнике у сел. Малаклю, расцвет колхидско-кобанской бронзы относил ко времени VII века до нашей эры[2].

Таким образом, вся приведенная выше аргументация позволяет ограничить возраст могил Куланурхвского некрополя с инвентарем колхидского типа приблизительно VIII – первой половиной VII вв. до н. э.

Не вызывает сомнения отнесение погребений с инвентарем скифского типа из Куланурхвского некрополя ко второй половине VII–первой половине VI вв. до н. э.

Основными аргументами для такой датировки являются:

Во-первых, псалии с тремя петлями или отверстиями, со слегка изогнутым верхним концом, и удила стремяновидной формы из Куланурхвы аналогичны подобным же деталям узды, характерным для раннескифских курганов Келермесского этапа на Кубани (первой половины VI века до н. э.) и синхронных курганам Приднепровья.

Во-вторых, бронзовые двуперые и трехперые наконечники стрел типа Куланурхвского могильника, имеющие широкое распространение на территории всего Кавказа и Переднего Востока, встречаются в комплексах материалов VII–VI вв. до н. э. Так, например, некоторые куланурхвские бронзовые наконечники стрел (двуперые и трехперые) похожи на хорошо датированные бронзовые наконечники, обнаруженные в большом количестве в поздне-хеттском городе Кархемыше, в культурном слое, относящемся ко времени разрушения этого города Навуходоносором в 604 году до н. э.

В-третьих, железный наконечник ромбической формы, из сел. Куланурхва, тождественен железному наконечнику из могильного

[1] **М. М. Трапш.** Новая археологическая находка в Абхазии. КСИИМК, вып. 53, М, 1954.

[2] **Б. А. Куфтин.** Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII–B, Тбилиси, 1944, стр. 68.

комплекса у Цукур Лимана на Таманском полуострове (рубеж VII–VI вв. до нашей эры).

Факт принадлежности вскрытых погребений Куланурхвского некрополя в основном к одной исторической эпохе подтверждается однотипным обрядом захоронения покойников и могильным инвентарем, засвидетельствованным почти на равной глубине от дневной поверхности. При этом все погребения, обнаруженные на территории Куланурхвского могильного поля, располагались на одном постепенно размывавшемся довольно крутом склоне. Это обстоятельство также указывает на хронологическую близость вскрытых памятников колхидской и скифской культур в куланурхвском некрополе.

2. Основная культура древнего населения Куланурхва, хорошо известная по памятникам эпохи поздней бронзы, представленным в различных пунктах Абхазии, соответствует в целом, как было показано выше, колхидской культуре Западной Грузии. Но при этом в Абхазии эта культура имеет свои местные специфические особенности, выявляемые пока на предметах украшения; сюда относятся широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, поясные пряжки со звериной головкой, булавки с Н-образной головкой и другие предметы. Это обстоятельство убеждает нас в том, что по мере дальнейшего накопления нового археологического материала и детального изучения уже имеющихся в наличии находок, несомненно, удастся конкретизировать особенности богатой высоко развитой колхидской культуры как на территории Абхазии, так и в Западной Грузии.

Вместе с тем найденные в Куланурхвском некрополе памятники колхидской культуры, характеризуемые бронзовыми топорами, пластинчатыми браслетами со спиральными концами, браслетами с надрезами, цепочками с очкообразными привесками, фибулами, крестообразной подвеской и другими предметами, в совокупности с аналогичными вещевыми находками из других пунктов Абхазии, указывают конкретно на тесные, широкие связи и на одинаковый в основном уровень развития древних племен, живших как на территории распространения колхидской культуры, так и в других районах Кавказа.

3. Результаты исследования Куланурхвского могильника позволяют предполагать, что этот некрополь принадлежал сравнительно небольшому поселку, где скорее всего могли проживать представители одного рода. Вскрытые погребения в могильнике говорят о том, что в интересующее нас время среди древнейшего населения этого района уже наблюдается заметное имущественное расслоение. Отдельные погребения отличаются значительным богатством своего инвентаря, говорящем о той ступени общественного развития, когда в родовом строе уже давали себя знать зародыши будущего социального неравенства (выделение родовой или племенной знати). Об этом свидетельствуют, главным образом, изящные бронзовые орнаментированные топоры и ряд других уникальных вещей из первого погребения Куланурхвского могильника, которые, по всей вероятности, были своего рода знаками отличия и символизировали власть старейшины рода или достоинство жреца.

Возможно, что эти представители, так сказать, родовой «аристократии» хоронились вместе с их женами. Это наше предположение основывается на втором (женском) погребении, которое обнаружено непосредственно по соседству с первым.

О процессе выделения экономически господствовавшего слоя населения говорит, по-видимому, также и синхронное, по нашему мнению, с первым погребением Куланурхвского могильника, Аагстинское погребение из того же Гудаутского района.

4. На основании инвентаря скифского типа (удила, псалии, наконечники стрел и др.), представленного в некоторых погребениях Куланурхвского могильника, устанавливается, что древнее население, жившее на территории современной Абхазии в рассматриваемое время, имело реальную связь со скифами Кубани и Приднепровья. Этот инвентарь можно рассматривать как первое вещественное доказательство пребывания скифов и проникновения их на территорию Абхазии и в Колхиду через Прикубанье. В совокупности с другими памятниками скифской культуры, известными из других пунктов Абхазии и Западной Грузии, он говорит в пользу признания существующего мнения (Я. А. Манандян, Е. И. Крупнов и др.) о том, что восточно-черноморское побережье Кавказа было одной из возможных дорог, использованных скифами

при их продвижении в Закавказье и в Переднюю Азию. Причем скифы в этот период могли временно обосноваться в Абхазии и даже частично оседать в отдельных ее пунктах, как например, в сел. Куланурхва. Данная мысль, основанная на типично скифских могильных комплексах, дает основание полагать, что пятое и десятое погребения Куланурхвского некрополя принадлежат скифскому этническому элементу. В пользу такого соображения может говорить и конское захоронение с типично скифским инвентарем.

5. Захоронение покойников в простом грунте в вытянутом положении на спине с инвентарем колхидского и скифского типов в Абхазии впервые обнаружено в сел. Куланурхва. Принимая во внимание, с другой стороны, способ погребения в глиняных сосудах с инвентарем колхидской бронзы, известный ранее из селений Эшера (Сухумского района) и Приморского (Гудаутского района), а также погребения в скорченном положении на боку и захоронения через кремацию, выявленные в некрополях Сухуми за последние годы, следует признать, что в Абхазии в эпоху Куланурхвского могильника существовали четыре типа погребального обряда: простое захоронение покойников в вытянутом положении на спине или в скорченном положении на боку, через кремацию и, наконец, погребения в глиняных урнах[1]. Эго обстоятельство указывает, по-видимому, на некоторые различия этнического состава населения, жившего на территории Абхазии в интересующее нас время, в VIII–VI вв. до н. э. В этот период весь Кавказ, в том числе и современная Абхазия, был ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп[2], от которых могли сохраниться следы в традициях и культуре. Но основная часть населения современной Абхазии, несомненно, принадлежала к одной этнической группе.

Таковы в целом итоги изучения всего материала, добытого при раскопках Куланурхвского древнего некрополя.

Для всестороннего исследования вопросов, связанных с памятниками колхидской культуры и с проникновением скифов и

[1] Вопрос о погребальных обрядах автором разрабатывается специально в его монографии «Древний Сухуми» (см. II том настоящего собрания).

[2] **А.А. Иессен.** Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ленинград, 1947, стр. 34–39.

их культуры в Абхазию, необходимо выявление в крае новых археологических объектов типа Куланурхского могильника. В этом направлении уже начата определенная работа в Сухуми и его окрестностях. В дальнейшем в такой же плоскости должны быть продолжены разведки и исследования археологических памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа и других районов Абхазии.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОТДЕЛЬНЫЕ КЛАДЫ И НАХОДКИ

КЛАД В ГОРОДЕ ГАЛИ

С 20 мая по 16 июня 1959 г. в южной Абхазии были проведены разведочные работы археологической экспедиции Абхазского ИЯЛИ АН Грузинской ССР. В составе экспедиции работали М. М. Трапш, В. П. Пачулиа и В. С. Орелкин. Экспедиция в Гальском и Очамчирском районах выявила ряд памятников, в частности, клад меднолитейщика эпохи бронзы и средневековые остатки гончарных печей, могильники, храмовые сооружения и винодавильню.

В 1956 году в северо-восточной части города, по ул. Кецховели против дома № 27, где живет Гвачвалия Р. И., был обнаружен клад меднолитейщика. В русле ручья работал бульдозер, ровняя площадку и срезая верхний слой почвы. Дождевые потоки размывали обнажившиеся охристые глины с прожилками рыхлого кварца, и через некоторое время Гвачвалия Рубен и его брат Ромен обнаружили половину диска кричной древней меди, покрытой зеленой патиной. Этот слиток был послан в Тбилиси, и в 1958 году в районной газете «Сталинури гзит» от 29 мая за № 43 была напечатана заметка (перевод М. Циколия) «Находки медных слитков около Гали».

В северо-восточной части гор. Гали на расстоянии 1 км от центра, на глубине 1,5–2 м были найдены медные слитки. Сотрудники Академии наук Груз. ССР установили, что три тысячи лет тому назад этот участок был местом производства металла. По мнению академика Мусхелишвили, «находка в Гали бронзовых слитков

имеет большое значение для изучения истории материальной культуры грузинского народа, в частности, для изучения древнейшей металлургии Грузии».

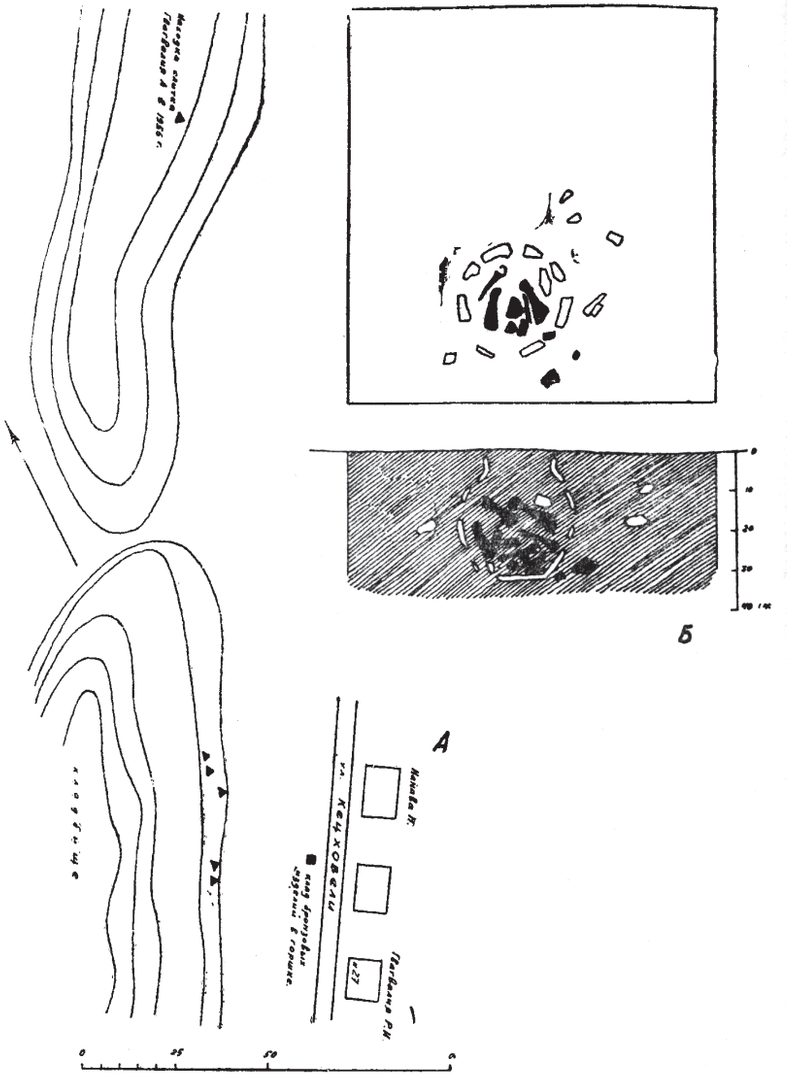

Рис. 11 – План местоположения (а) и место находки (б) Гальского клада

Отдельные куски и слитки обнаруживаются и в настоящее время, особенно после дождей. Рубен Ильич передал нам сегмент медной крицы около 4 кг весом. Здесь же встречаются и орудия неолитического времени.

В первых числах июня 1959 г. на усадьбе того же Гвачвалия Рубена Ильича, на том же участке, сам Рубен Ильич, перекапывая склон над ручьем под кукурузу (рис. 11 а), задел лопатой горшок, в котором лежали бронзовые предметы: 8 топоров колхидского типа, слитки, полуфабрикаты общим количеством свыше 50 предметов. Весь набор предметов говорит о запасе древнего мастера-литейщика, захоронившего их для переплавки и изготовления необходимых изделий.

Керамика горшка очень рыхлая, охристая в изломе, снаружи сильно закопченная. Ниже закраины по выпуклой части горловины узор, состоящий из чередующихся треугольников (табл. VII, 11).

Археологическая экспедиция АбИЯЛИ 4 июля 1959 г. на месте находки заложила шурф 1х1 м (рис. 11 б) и в поверхностном слое глубиной до 20 см вокруг гнезда, где сидел горшок, обнаружила разрушенные куски сосуда (табл. VII, 11), куски бронзы, а на глубине 30 см один небольшой слиток, уголь и красные обожженные комки. Вокруг и глубже почва представляет глинистый материк с редкой галькой. Над местом находки в 1958 г. бульдозером снят верхний слой почвы в 0,5 м.

Рубен Гвачвалия сообщил, что его брат Анзор Гвачвалия в 1950–1957 гг. на 1 км севернее этого места, на холме, в лесу, нашел первый кусок бронзового слитка, который тут же выбросил, т. к. не придал ему особого значения. Но, когда в 1958 году из Тбилиси приехали сотрудники Академии наук, А. Гвачвалия повел их на это же место и нашел слиток.

Глиняный сосуд, в котором находились куски металла и бракованные изделия, представлял собой плоскодонный горшок с диаметром горла около 30 см (табл. VII, 11). Горшок, от которого собрано около 10 небольших фрагментов, был изготовлен из глины с примесью мелкозернистого песка и подвергнут костровому обжигу. Он имел отогнутый наружу короткий край и, очевидно, был украшен в верхней части прочерченным орнаментом в виде горизонтальных линий и зигзагов.

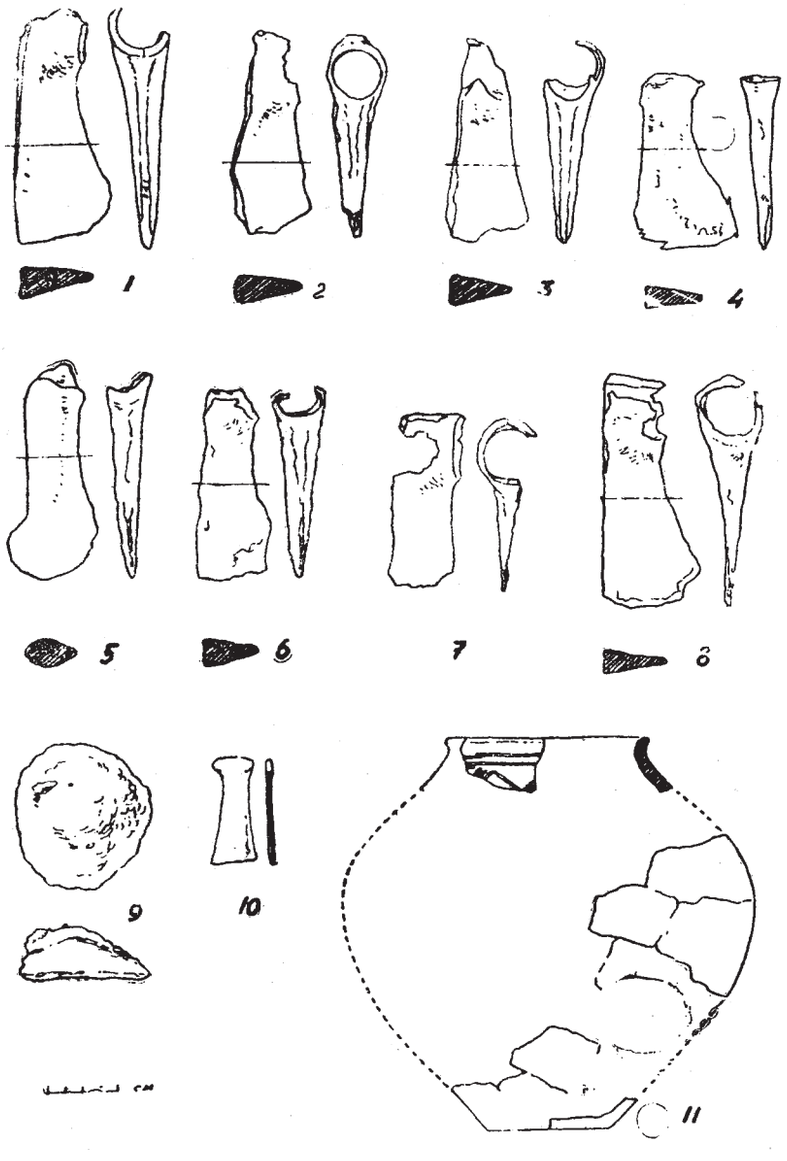

Таблица VII. Гальский клад. 1-10 - бронза; 11 - глина

В горшке содержалось более 50 различных обломков, слитков и бракованных изделий из меди и бронзы, из которых 44 предмета были найдены Р. И. Гвачвалия, а остальные 11 – нами.

В содержание сосуда входили: 7 медных слитков полусферической формы (табл. VII, 9) средним диаметром в 7,5–8,5 см при толщине в 3 см; крупный кусок меди, приближенной к кубу формы (5Х6Х5,5 см); до 10 бесформенных кусочков меди; 8 более или менее целых и 10 обломков бракованных проушных топоров.

Медные пластины настолько бесформенны, что трудно определить, обломки каких предметов они представляют. Лишь приблизительно можно предполагать, что 3 крупных куска с округленным и слегка утолщенным с одной стороны краем могли быть бракованными остатками серпов. Еще одна пластина вытянутой формы с расширением в одном конце (табл. VII, 10) производит впечатление рукоятки от какого-то орудия, возможно, сечковидного плоского топора архаического типа.

Наиболее важны для датировки клада и определения его исторического места бракованные проушные топоры, которые по форме можно подразделить на 2 типа. Всего в коллекции насчитывается 8 более или менее целых, но бракованных топоров, 6 крупных обломков от тулова, иногда тулова с лезвием и несколько мелких обломков проушных частей (табл. VII). Все эти предметы представляют собой остатки производственного брака и никогда не были в употреблении. Об этом свидетельствует и тот факт, что все топоры, сохраняющие целую форму, имеют те или иные дефекты – обычно это брак в районе проуха (табл. VII, 1, 2, 8).

Можно наметить следующие типы: 1 тип – топор с округлым лопастным лезвием и намеченным провислым обухом в обратную сторону (табл. VII, 5). Он несколько напоминает вислообушные топоры фатьяновско-абашевской бронзы Восточной Европы. 2 тип – топоры с прямой спинкой, скошенно приостренным лезвием и трубчатым проухом, завершенным округлым обухом (табл. VII, 1–4, 6–8). Иногда по нижней стороне проушины намечается выпуклый ободок. Все остальные семь топоров относятся к этому типу. Среди них выделяется один топор (табл. VII, 1), имеющий хорошо выраженную скошенную лопасть.

Эти топоры напоминают проушные топоры раннего этапа северо-кавказской культуры[1], ведущие свое развитие от топоров майкопско-новосвободненского типа.

Близкого типа топоры на территории Западного Закавказья известны в дольмене 3 с. Кюр-Дере в Абхазии[2] и из с. Уреки в Грузии[3]. К ним близок также топор № 34 из Лыхненского клада (см. ниже.). Дата этих топоров не может быть позже I половины II тыс. до н. э.

Исходя из этого, можно полагать, что Гальский клад меднолитейного брака относится к I половине II тыс. до н. э. Судя по многочисленным остаткам меднолитейного производства в кладе и находкам значительного числа медно-бронзовых слитков, следует считать, что в Гальском районе существовал один из центров меднолитейного производства доколхидского времени.

Топоры, найденные в Гальском кладе, можно рассматривать в качестве прототипов колхидских топоров II и III типов по классификации О. М. Джапаридзе[4].

Лыхненский клад бронзовых топоров[5]

Среди памятников эпохи бронзы, особенно памятников кобанско-колхидского типа, открытых и исследованных на территории Абхазии за последние годы, примечательным является Лыхненский клад, сохранивший в себе 35 бронзовых топоров. Многочисленность и разнообразие форм этих топоров выдвигает изучаемый клад в один из замечательных ранних памятников колхидской культуры причерноморского Закавказья. Кроме того, Лыхненский клад содержит группу топоров и прикубанского типа. Это обстоятельство, еще раз подчеркивая значительную близость колхидской и прикубанской культур, несомненно, повышает интерес к кладу.

Колхидская культура, развивавшаяся, по мнению большинства исследователей, во второй половине II – начале I тыс. до н. э., представляет важное культурно-историческое явление. Ее носители занимали почти всю территорию Западного Закавказья и находились в тесной не только культурно-экономической, но, пожалуй, и генетической взаимосвязи с кобанскими племенами Северного Кавказа и населением Прикубанья.

Исследованию общих и частных вопросов этих культур посвящены работы таких крупных археологов-кавказоведов, как А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, О. М. Джапаридзе, Д. Л. Коридзе и др. Внимание этих исследователей привлекали вопросы хронологии, установления специфики и ареалов распространения отдельных культур кобанско-колхидской общности, происхождения, развития и судеб их носителей, а также проблемы общественно-экономического развития и этнической принадлежности. Перечисленные вопросы нельзя считать пока окончательно решенными, особенно для областей Кавказского Причерноморья и в том числе для районов Абхазии, где до последнего времени в основном были представлены лишь памятники позднейших этапов развития кобанско-колхидской бронзы. Поэтому всесторонняя разработка данной проблемы путем расширения масштабов полевых археологических поисков и публикации новых археологических материалов представляется совершенно необходимой.

Рассматриваемый в настоящей статье клад медно-бронзовых топоров из с. Лыхны в совокупности с другими находками подобного рода из Абхазии может сыграть определенную роль в дальнейшей разработке кобанско-колхидской проблемы.

Место находки Лыхненского клада было обследовано автором в 1952 г. Все обстоятельства находки не оставляют сомнения в том, что перед нами комплекс одновременно положенных вещей, зарытых в виде клада.

Селение Лыхны является одним из крупных населенных пунктов Абхазии. Оно расположено в центральной части Гудаутского

---

[1] **В. В. Марковин.** Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, М. 1960, стр. 44.

[2] **М. М. Иващенко.** Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Известия науч. исслед. ин-та Кавказоведения АН СССР, вып. 3, Тифлис, 1935, стр. 45, рис. X.

[3] **О.М. Джапаридзе.** Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г. КСИИМК, вып. XXXIX, М., 1951, стр. 97.

[4] **О.М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии, СА XVIII М., 1953, стр. 285.

[5] **От редакции.** Рукопись данной статьи была подготовлена М.М. Трапш к печати в 1964 г.

района. Клад был обнаружен в поселке Адзлагарахук, на южной окраине с. Лыхны. 8 февраля 1952 г. колхозник Л. Арджения, обрабатывая свою приусадебную землю под виноград, выкопал большое количество бронзовых топоров. После сообщения о находке 15 февраля на место находки топоров выехал автор настоящих строк, который и произвел здесь в присутствии работников Гудаутского Райкома партии тт. В. Кварчелия, Г. Зухба и др. детальный осмотр места и обстоятельств находки.

Выяснилось, что топоры, числом до 40 экземпляров (сохранилось 35 экз., а 5 пропали при первичном обнаружении), лежали в одной грудке в яме, глубиной в 70 см, выкопанной в каменистой почве. На месте находки были заложены два шурфа, не давшие никаких находок.

Все сохранившиеся топоры клада достаточно массивны, что свидетельствует об их использовании в качестве рубящих орудий, хотя это не исключает их применение в качестве и оружия. Вес их колеблется от 505 до 780 г, но абсолютно преобладают топоры весом от 600 до 750 г (табл. А). Большинство топоров, очевидно, не было в употреблении, тик как по продольной оси их туловища четко сохранились не только не сработанные, но даже не убранные мастером-меднолитейщиком заусеницы и заплывы в местах соединения половинок литейной формы (рис. 13–2,5). Как мы увидим ниже, топоры подразделяются на ряд типов. Характерно, что внутри этих типов большинство топоров производит впечатление идентичности. Наличие на поверхности таких топоров совершенно одинаковых следов литейного брака (выемки на обушковой части, бесформенные заплывы на литейной плоскости и др.) показывает, что они отливались в одной складной двустворчатой форме. Все эти наблюдения не оставляют сомнения в принадлежности топоров одной мастерской. Эти неиспользованные топоры, очевидно, были зарыты единовременно в минуту какой-то серьезной опасности.

Топоры Лыхненского клада по своим формам принадлежат четырем различным типам[1].

[1] **От редакции.** Д. Л. Коридзе в недавно опубликованной статье считает, что лыхненские топоры подразделяются на три группы, объединяющие прототипы и типы I и II видов колхидско-кобанских топоров. Следует заметить, что типология М. М. Трапш отличается от типологии Д. Л. Коридзе и сближается с типологией кобанско-колхидсхских топоров, разработанной П. С. Уваровой, А. А. Иессеном и О. Джапаридзе. Одновременно редакция полагает, что приоритет исследования Лыхненского клада принадлежит М. М Трапш. Статья Д. Л. Коридзе (см. Клад из сел. Лыхны в вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. Вестник гос. музея Грузии, XXV–B, Тбилиси, 1968, стр. 16–30) лишь уточняет дату клада.

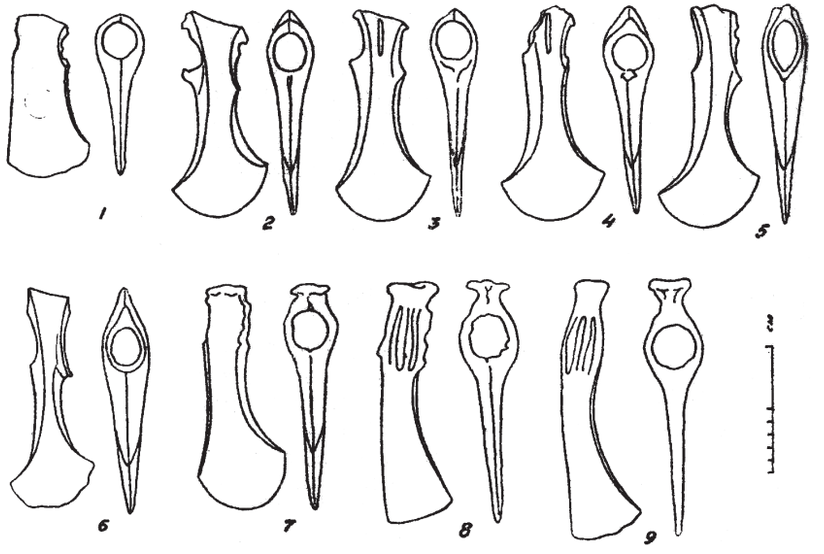

Таблица VIII. Лыхненский клад бронзовых топоров. Типы топоров. 1 - тип I (№34); 7 - тип II (№35); 8, 9 - тип III (№№8, 9); 2, 3, 4 - тип IV (№№ 12, 16, 23); 5, 6 - тип IVa (№№ 26, 31)

Тип 1–топор № 34 (табл. VIII–1; рис. 12-1). Короткий со слегка расширенным лезвием и приуженным обухом. Проух округлый, тулово имеет округлое сечение. Размеры: длина 13,1 см, диаметр втулки проуха спереди 2,9 см, сзади 2,6 см; наибольшая ширина лопасти 7,1 см, толщина тулова 2,1 см; вес 560 г.

Близкого типа топоры известны из Пицундского клада[1], но наш топор в отличие от них не имеет желобков в обушной части.

[1] **А. А. Иессен**. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, №23, М, 1951, стр. 81.

Еще два сходного типа топора найдены в районе бассейна р. Сочи[1], а один происходит из с. Куланурхва, того же Гудаутского района. Последний имеет свисающий и узкий затупленный обушок, овальную проушину и слегка расширенное лезвие.

Данный тип топора своими архаичными формами напоминает топоры новосвободненского типа, хотя, по мнению А. А. Иессена, он несколько и отличается от известных кавказских типов[2]. Находка его в Лыхненском кладе, несомненно, свидетельствует об его местном изготовлении.

Рис. 12 – Лыхненский клад. Топоры I (1-№ 34) и II (2 - № 35) типов

Тип II–топор № 35 (табл. VIII–7; рис. 12–2). Средней длины топор с симметричным закругленным лезвием, прямым, шестигранным в сечении туловом, круглой проушиной и коротким молотковидным обухом. Судя по выщербленности лезвия, этот топор был в употреблении. Размеры: длина 19,2 см, наибольшая ширина лопасти 7,6 см, толщина под проушиной 2,6 см, диаметр проуха 3 см, вес 780 г.

Данный топор по форме приближается к кобанским топорам типа «в», по классификации П. С. Уваровой[3]. Но все же наш топор, очевидно, является более ранним и может служить прототипом кобанских топоров типа «в». В этом нас убеждает отсутствие на лыхненском топоре таких специфичных черт, как продольные ребра по сторонам тулова, двускатный обух, овальный проух и т. п.

Тип III – топоры №№ 1–10 (табл. VIII–8,9; рис. 13). Длинные и узкие топоры со слегка расширенным и скошенным лезвием, четырехгранным в сечении туловом, переходящим в расширенно-

[1] **А. Л. Лукин.** Материалы к археологии Бзыбской Абхазии. Труды ОИПК Гос. Эрмитажа, т. 1, Л., 1941.

[2] **А. А. Иессен.** Указ. соч., стр. 99–100.

[3] **П. С. Уварова.** Могильники Северного Кавказа, МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. III–-1.

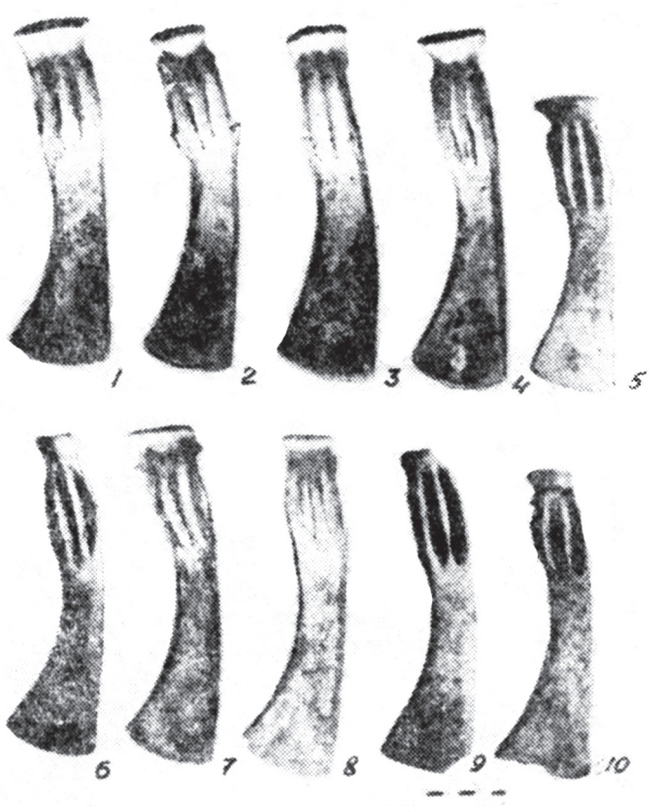

Рис. 13 – Лыхненский клад. Топоры III типа (1 - № 1; 2 - № 2; 3 - № 3; 4 - № 4; 5 - № 5; 6 - № 6; 7 - № 7; 8 - № 8; 9 - № 9; 10 - № 10)

округлую проушину, и завершенным молоточковидпым обухом. Щековицы проухов имеют четко выраженные ребра – по три с каждой стороны. Вес этих топоров колеблется в пределах 680–780 гр, а абсолютно преобладают топоры средним весом 750 гр (табл. А). Размеры стандартны: длина 20–21 см, ширина лезвия около 6 см (табл. А), диаметр проушины 3–3,8 см.

Топоры данного типа А. А. Иессен рассматривает как характерный тип прикубанского топора[1]. К описанным топорам очень близки, не только по форме, но и по размерам, два топора, най-

[1] **А. А. Иессен.** Указ. соч., стр. 105, 121.

денные в 1933 г. в Пицунде во время земляных работ на глубине 1,5 м. В других районах Западного Закавказья на территории распространения колхидской бронзы подобные топоры пока не засвидетельствованы. В то же время они обильно представлены на территории северо-западного Кавказа, в частности, в Прикубанье и Теберде (с. Учкулан, урочище Агур у с. Верхне-Тебердинское, ст. Боргустанская и др.)[1].

В этой серии особый интерес вызывает Боргустанский клад, найденный западнее г. Ессентуки. Этот обширный клад по самым скромным данным содержал до 50 бронзовых топоров (в Пятигорский музей поступили лишь 19), 10 бронзовых серпов, три наконечника копья и 10 тесел[2]. Последние, практически неизвестные для кобанско-колхидской бронзы, но характерные для предшествующего этапа бронзы Северного Кавказа, в частности, для второго периода северокавказской культуры[3], достаточно хорошо датируют третий тип наших топоров временем не позже середины II тыс. до н. э.[4] В этом нас убеждает и то обстоятельство, что лыхненские топоры типологически, очевидно, являются более ранними, чем топоры из Боргустанского клада, ибо для последних характерны такие относительно более поздние черты, как вытянутоовальная проушина с четким перегибом в переднем и заднем конце[5].

Нет сомнения, что третий тип топоров Лыхненского клада также производился на месте. Об этом, кроме вышеприведенных соображений, свидетельствует и достаточно частая находка топоров этого типа в Абхазии. В качестве примера можно сослаться на 13 подобных топоров из Сухумского клада[6]

Тип IV–топоры №№ 11–23 (табл. VIII–2, 3, 4, рис. 14). Это топоры с двускатным остроребернымобухом, имеющим выраженный скос, округлой проушиной, закрытыми выемчатыми щековицами; шести-

[1] Там же, стр. 81, 89 и сл.

[2] **Н. М. Егоров.** Боргустанский клад 1941 г., СА, XV, 1951, стр. 292–295.

[3] **В. И. Марковин.** Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, МИА, №93. М. I960, стр. 91.

[4] Там же, стр. 120–121.

[5] **А. А. Иессен.** Указ. соч.. стр. 100.

[6] **А. Н. Каландадзе.** Археологические памятники Сухумской горы (на груз. яз. с русским резюме), Сухуми, 1954.

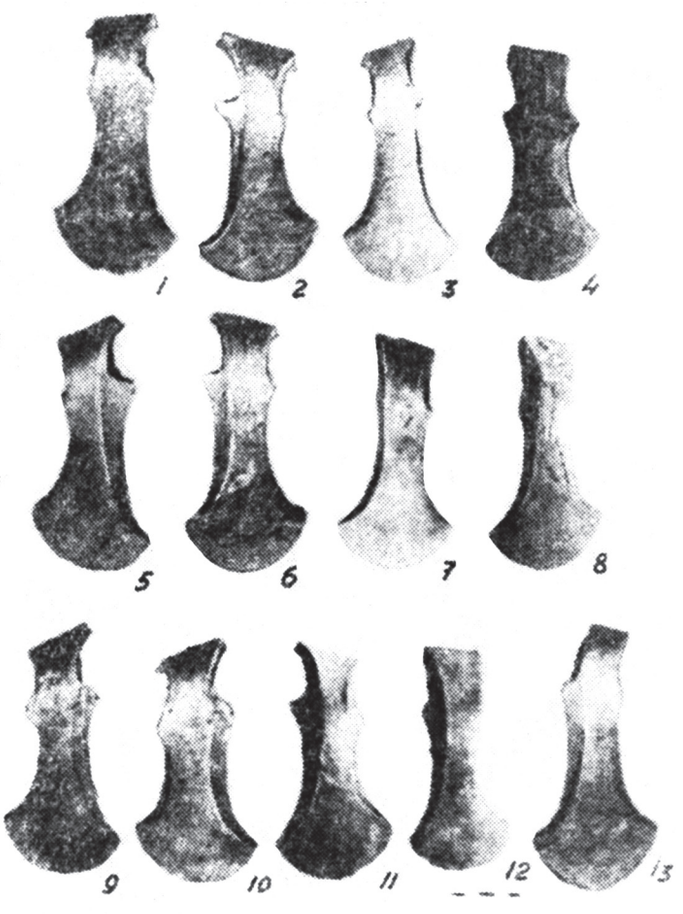

Рис. 14 – Лыхненский клад. Топоры IV типа (1 - № 11; 2 - № 12; 3 - № 13; 4 - № 14; 5 - № 15; 6 - № 16; 7 - № 17; 8 - № 18; 9 - № 19; 10 - № 20; 11 - № 21; 12 - № 22; 13 - № 23)

гранным в сечении коротким туловом, переходящим в сечковидное асимметричное лезвие. Всего выделяется 13 подобных топоров и у четырех из них щековицы проухов имеют ребристые, обычно парные выступы. Вес топоров IV типа колеблется в пределах от 560 до 720 гр при среднем весе в 650 гр; общая длина 16,2–18,3 см при средней в 17 см; ширина лезвия 7,7–8,6 см при средней в 8 см (табл. А).

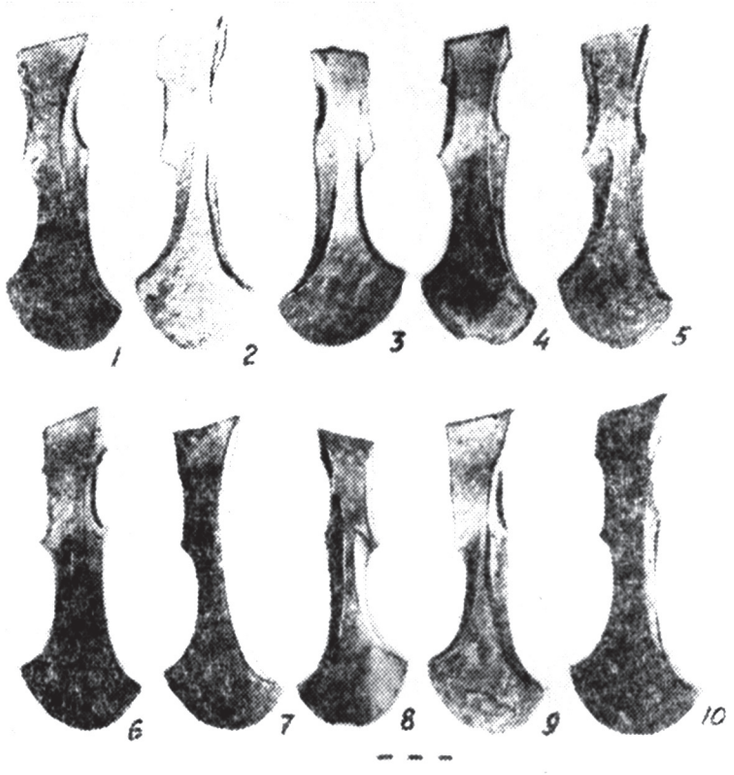

Рис. 15 – Лыхненский клад. Топоры типа IVa (1 - № 24; 2 - № 25; 3 - № 26; 4 - № 27; 5 - № 28; 6 - № 29; 7 - № 30; 8 - № 31; 9 - № 32; 10 - № 33)

Описываемый тип топоров сближается с колхидским топором типа «г», по классификации П. С. Уваровой[1]. Но наши топоры опять-таки обладают более архаичными чертами – круглая проушина, выступающий с верхней стороны проуха упор для рукоятки и т. п. Наличие на щековицах некоторых топоров парных реберчатых выступов роднит их в некоторой степени и с архаичными кобанскими топорами.

Подтип IV-а – №№ 24–33 (табл. VIII–5,6, рис. 15). Топоры, сходные по форме с типом IV, но отличающиеся от основного

[1] **П. С. Уварова.** Указ. соч., табл. VI, 2.

типа более высоким клиновидным обухом, более сглаженными щековицами проуха, обычно имеющего овальную форму. Всего в Лыхненском кладе таких топоров 10 экземпляров. Их средние размеры: вес колеблется от 506 до 760 гр при среднем весе в 650 гр, длина топора от 17,7 до 21,1 см, ширина лезвия от 7,5 до 9 см (табл. А); диаметр проушины 2,5х4.2 см, наибольшая толщина – 3,5 см.

Настоящая группа топоров близка по форме к кобанским топорам, выделенным О. М. Джапаридзе в так называемый I тип колхидского топора[1]. В Западной Грузни этот тип топора пока был известен лишь в одном экземпляре из Лечхуми[2]. Близкие формы известны в Пицундском кладе[3], а также среди находок из окрестностей Сочи[4]. В отличие от классических кобанских топоров наши топоры все же обладают некоторыми архаичными чертами. Если у первых посередине тулова, начиная от края лезвия и до середины приостренного обуха проходит продольное ребро, то у лыхненских топоров это ребро дуговидно изогнутое, соединяет края лезвия и обуха. К тому же наши топоры более массивны и в этом отношении они гораздо более близки к выделенному нами четвертому типу, чем к классическим кобанским топорам. Следует заметить, что на наших топорах еще совершенно отсутствует характерная для поздних топоров гравировка по плоской стороне тулова и лезвия. Все это заставляет рассматривать настоящую группу топоров как предшествующую по времени кобанским.

Обращаясь к датировке лыхненских топоров, можно думать, что все они являются наиболее ранними образцами бронзовых топоров кобанско-колхидского круга и, судя по некоторым вышеприведенным материалам, бытовали в пределах середины и третьей четверти II тыс. до н. э.

[1] **О. М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, М . 1953, стр. 285.

[2] Там же. стр. 285–286.

[3] **А. А. Иессен.** Указ. соч., стр. 81.

[4] **А. А. Иессен.** Указ. соч., стр. 80.

Таблица А

Весовые показатели и размеры топоров Лыхненского клада

Тип	№ 16 топоров		Вес	Длина	Ширина лезвия
1	2		3	4	5
I	Топор	№34	560 гр	13,3 см	7,1 см
II	„	35	780 гр	19,2 см	7,6 см
III	„	1	700 гр	21 см	6,1 см
	„	2	750 гр	21 см	5,8 см
	„	3	730 гр	21 см	6,2 см
	„	4	750 гр	21,3 см	6 см
	„	5	750 гр	21 см	6 см
	„	6	780 гр	21,7 см	6,3 см
	„	7	780 гр	20,4 см	5,7 см
	„	8	760 гр	20,6 см	5,9 см
	„	9	680 гр	20 см	5.8 см
	„	10	720 гр	19,7 см	6,3 см
IV	„	11	720 гр	18,3 см	8,8 см
	„	12	615 гр	16,6 см	8,5 см
	„	13	610 гр	16,8 см	8,2 см
	„	14	670 гр	17 см	8,2 см
	„	15	680 гр	17,4 см	8,5 см
	„	16	640 гр	17,3 см	8,3 см
	„	17	615 гр	17,2 см	8,5 см
	„	18	575 гр	16,2 см	8,2 см
	„	19	627 гр	16,8 см	8,1 см
	„	20	670 гр	16,2 см	8,6 см
	„	21	560 гр	17 см	8,3 см
IV	„	22	610 гр	16,4 см	7,7 см
	„	23	624 гр	17,5 см	8,6 см
IV A	„	24	654 гр	18,5 см	7,8 см
	„	25	680 гр	19,4 см	8,2 см
	„	26	740 гр	17,7 см	8,3 см
	„	27	610 гр	18,4 см	7,6 см
	„	28	640 гр	18,4 см	7,6 см
	„	29	622 гр	18,4 см	7,6 см
	„	30	605 гр	18,2 см	8 см
	„	31	506 гр	18,6 см	7,5 см
	„	32	620 гр	19,2 см	7,6 см
	„	33	760 гр	21,1 см	9 см

Очамчирский клад меднолитейщика

3 января 1961 г. на окраине г. Очамчира в районе Араду, напротив Очамчирской чайной фабрики, на участке Е. Пипия во время обработки земли под виноград на глубине 50–60 см был обнаружен клад бронзовых предметов – меднобронзовые слитки, топоры.

Осмотр места находки, произведенный 5 января М. М. Трапш при участии М. М. Гунба и В. Шария, показал, что клад, очевидно, был связан с расположенным здесь же, но уже полностью разрушенным металлургическим комплексом. На площади 6х6 м земля была насыщена медным шлаком, пережженными комками почвы, древесными угольками и т. п. Много было также обломков прокаленных и разбитых камней и морских галек.

Из этого же района происходят еще два клада медно-бронзовых слитков и орудий. Один из них, обнаруженный в 1957 г. А. К. Кация[1] на участке Д. Кардава, состоял из 10–12 округлых слитков, нескольких бронзовых топоров колхидского типа, сечек, серпов и мотыжки. Другой, близкий по содержанию клад, был найден в 1958 г. на соседнем участке, принадлежащем Г. Саджая. Оба клада ныне хранятся в Абхазском государственном краеведческом музее.

Эти чрезвычайно интересные и сходные по содержанию клады, состоящие преимущественно из металлических слитков, т. е. меднолитейного сырья, обломков и заготовок меднобронзовых орудий, свидетельствуют, наряду с вышеприведенными полевыми наблюдениями, о расположении в районе Араду у г. Очамчира в

[1] **В. Пачулиа.** В краю золотого руна, М., 1964, стр. 49.

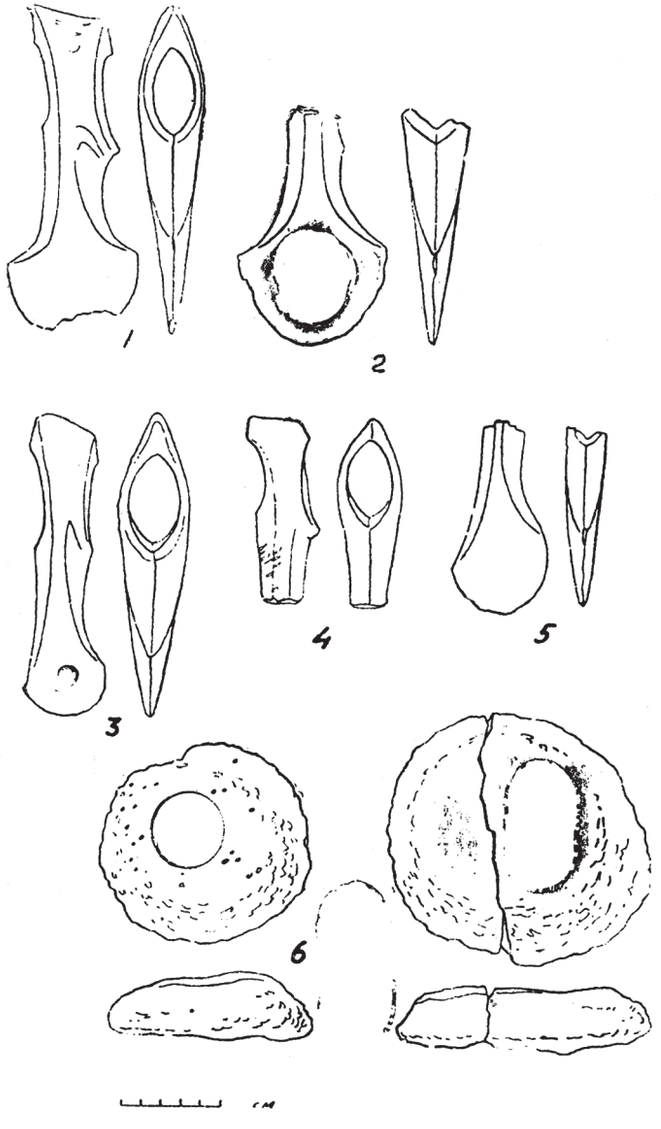

Таблица IX. Очамчирский клад. 1-5 - обломки топоров; 6-7 - бронзовые слитки

древности крупной мастерской по изготовлению медно-бронзовых орудий.

В настоящей заметке описывается лишь клад 1961 г. Он состоял из 2 целых и 8 обломков слитков металла, 2 целых и 3 обломков бронзовых топоров (табл. IX). Целые металлические слитки имеют форму округлых дисков с плоским основанием, выпуклым верхом и приостренными краями (табл. IX–6, 7). Диаметр их 10–13 см, толщина – 2,5–3 см. Правильная их форма свидетельствует о намеренной заготовке подобных слитков в специальных формах. Очевидно, были и более крупные слитки, так как среди обломков встречаются фрагменты толщиной до 5 см.

Топоры, даже целые экземпляры, имеют следы производственного брака. Поэтому они, очевидно, подлежали переплавке.

Топоры по форме хотя и входят в одну общую группу колхидских топоров с клиновидным обухом и сечковидным лезвием, но по некоторым особенностям подразделяются на два типа.

1 целый (табл. IX–1) и 1 обломок лезвийной части (табл. IX–2) по форме могут быть отнесены к I типу топоров, по классификации О. М. Джапаридзе[1], распространенному, по его мнению, преимущественно в Абхазии и Северном Кавказе в кобано-колхидское время. Наши топоры своей массивностью и более грубыми очертаниями, возможно, являются архаичными орудиями в сериях топоров этого типа.

Об этом же свидетельствуют один целый и два обломка (лезвийной и обушковой части) топоров (табл. IX–3–5) с асимметричным и нечетко выраженным лезвием, относящиеся по классификации О. М. Джапаридзе к типу I колхидских топоров[2]. В отличие от классических колхидских топоров очамчирские имеют еще не столь приостренное отверстие проуха и более грубые очертания. В этом отношении они приближаются к топорам IV типа Лыхненского клада (см. выше, стр. 174). Поэтому есть все основания помещать топоры Очамчирского клада типологически между топорами IV типа Лыхненского клада и классическими колхидскими топорами I и I типов.

[1] **О. М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII М., 1953, стр. 285.

[2] Там же, стр. 285.

Известно, что большинство исследователей датирует классические кобанско-колхидские бронзовые топоры IX–VII вв. до н. э.[1] Лыхненские топоры, как мы видели выше, датируются временем не позже третьей четверти II тыс. до н. э. В таком случае топоры Очамчирского клада, заполняя типологический ряд между лыхненскими и кобанско-колхидскими топорами, должны быть отнесены ко времени последней четверти II тыс. до н. э., или к рубежу II–I тыс. до н. э.

Новые находки бронзовых топоров кобанско-колхидского типа

В 1950–1960 гг. в Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР поступило несколько бронзовых топоров поздних кобанско-колхидских типов. Примечательно, что в ряде случаев эти топоры были найдены в погребальных комплексах, что повышает интерес к ним.

1. Ачандарские находки. К востоку от с. Ачандара в верховьях р. Цвындырта на усадьбе М. Хагба в 1955 г. было выявлено разрушенное погребение IX–VIII вв. до н. э., содержавшее два бронзовых орнаментированных топора с клиновидным обухом (табл. X–1,2). Оба топора с остроовальным отверстием проуха и слегка асимметричным сечковидным лопастным лезвием относятся к I типу колхидских топоров, по классификации О. М. Джапаридзе[2].

На боковых полях первого топора шахматный рисунок, шейку до проуха охватывает запунктиренный широкий зигзаг между заштрихованными поясками. В обушной части рисунок из ромбов и кружочков, заполненных пунктиром. На верхних полях у внутреннего угла отверстия проуха схематический контур двух птичьих

[1] **О. М. Джапаридзе.** Указ. соч., стр. 299; **А. А. Иессен**. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, М, 1951, стр. 116 и сл.; **Е. И. Крупнов.** Древняя история Северного Кавказа, М., 1961.

[2] **О. М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, 1953, стр. 285.

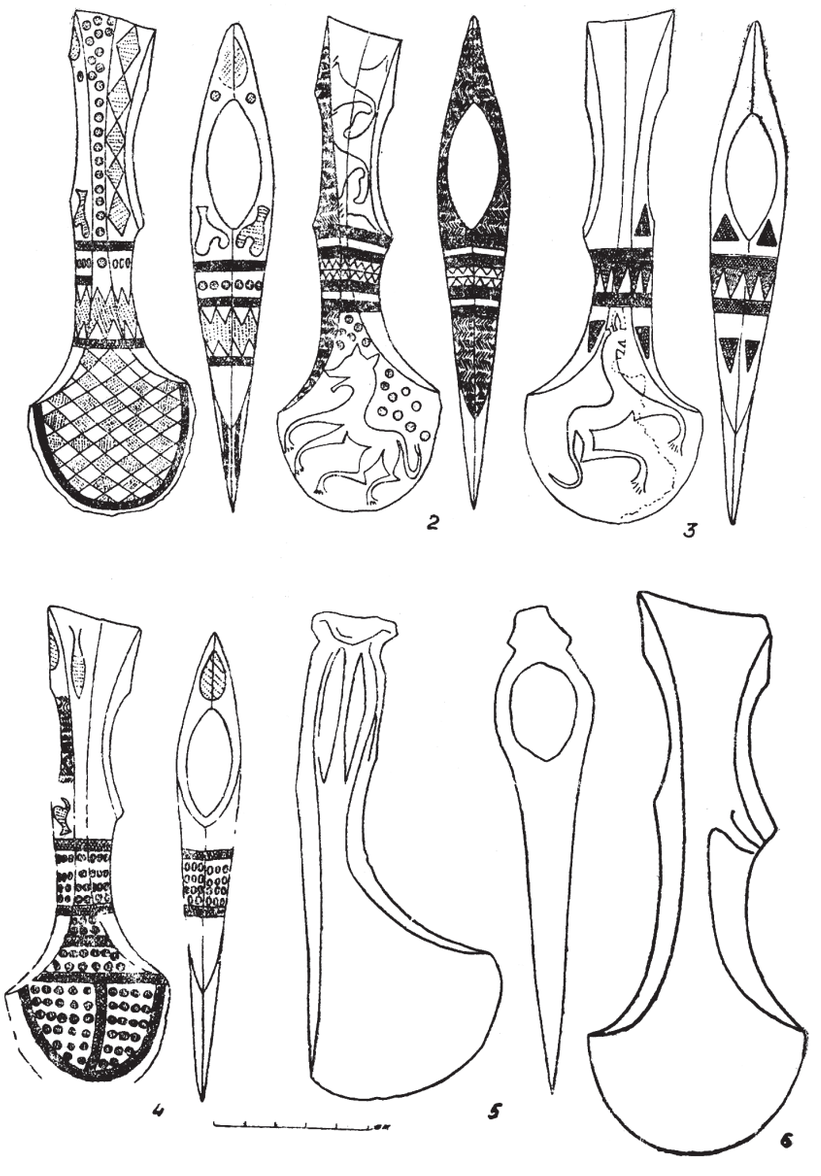

Таблица X. Бронзовые топоры из разных мест Абхазии. 1, 2 - из с. Ачандары; 3 - из с. Звандрипш; 4 - из с. Кутол; 5 - из с. В. Эшера; 6 - из с. Адзюбжа

изображений, заполненных пунктиром (табл. X–1). Длина топора 16 см, ширина лезвия 5,5 см.

У второго топора плоскость лезвия и верхней части проушины и обуха орнаментирована изображением фантастического животного «гвера». На лопасти, над изображением «гвера», нанесены запунктиренные кружочки. Шейка и верхняя плоскость топора покрыты заштрихованными в елочку зонами и поясками. Длина топора 15,5 см, ширина лезвия – 5,2 см (табл. X–2).

2. Звандрипшская находка. В с. Звандрипш в урочище «Абааху» на участке 3. Гицба, вероятно, также в разрушенном погребении IX–VIII вв. до н. э. был найден бронзовый топор того же типа, что и описанные ачандарские топоры. В отличие от последних звандрипшский топор имеет симметричное сечковидное лезвие (табл. X–3). Длина его 16,4 см, ширина лезвия 5,8 см. На широкой плоскости лезвия изображение фантастического животного «гвера», на шейке между лопастью лезвия и проушиной – орнамент в виде поясков сетчато заштрихованных треугольников.

3. Кутолская находка. В 1956 г. в с. Кутол был найден бронзовый топор того же I типа с клиновидным обухом и симметричным сечковидным лопастным лезвием (табл. X–4). Длина топора 15,6 см, ширина лезвия 5,5 см. На широких полях лопасти лезвия и по шейке нанесен орнамент в виде заштрихованных накрест поясков, пространство между которыми заполнено рядами запунктиренных кружочков. На ребре лопастной части проушины схематическое изображение птицы, а на грани обушковой части – рыбы. В обеих изображениях контуры внутри запунктирены.

4. Верхне-Эшерская находка. В с. Верхняя Эшера на участке А. С. Аветисяна было разрушено погребение IX–VIII вв. до и. э., содержавшее вместе с бронзовыми наконечниками копья и дротика бронзовый топор кобанского типа (II тип колхидского топора по О. М. Джапаридзе). Топор с широким оттянутым подтреугольной формы лопастным лезвием имеет шестигранную в сечении шейку, ребристые щековицы проушины и гвоздеобразно-клиновидный обух. Длина топора 15,4 см, ширина лезвия 7 см. Поверхность каких-либо следов орнаментации не имеет (табл. X–5).

5. Адзюбжская находка. В с. Адзюбжа Очамчирского района 23 июня 1961 г. при земляных работах на глубине 60–70 см был

найден бронзовый топор колхидского типа (II тип по О. М. Джапаридзе). Топор с сечковидным лезвием средней ширины имеет шестигранную в сечении шейку, ребристые щековицы округлой проушины и приостренно-клиновидный обух (табл X–6). Длина топора 18,5 см. ширина лезвия 7,2 см. Поверхность без орнамента. Некоторыми архаичными чертами (массивность, округлость проушины) он сближается с топорами сходного типа из Очамчирского клада (см. выше, стр. 207–208).

Бомборское (Гудаутское) погребение

25 апреля I960 г. при строительных работах на западном краю Бомборской поляны у г. Гудауты было разрушено богатое погребение. В погребении вместе с человеческими зубами и окрашенными медной зеленью костями найден богатый инвентарь, состоявший из 2-х бронзовых и одного железного топора, 4 бронзовых браслетов, 3 крупных очковидных подвесок, 2 спирально навитых пронизей и обломков, 2 маленьких поясных пряжек (рис. 16–19). Судя по этому набору, погребение содержало одно очень богатое, или, скорее, парное захоронение. Находки были переданы в 1962 г. А. П. Тарасовым в ГИМ, где они хранятся под № 96877.

Один бронзовый топор с клиновидно-приостренным обухом и почти симметричным сечковидно-лопастным лезвием длиной в 16,6 см и шириной лезвия 5,2 см (рис. 16–1) относится к I типу колхидских топоров, по О. М Джапаридзе[1].

Второй бронзовый, очень изящный и богато орнаментированный топор III типа колхидских топоров по той же классификации, имеет асимметричное лопастное лезвие, дважды изогнутое округлое тело и молоточковидный, с выпуклой площадкой обушок. Проушное отверстие, как и у первого топора, имеет форму приостренного овала. Поверхность топора орнаментирована поясками, заполненными или косой, или перекрещивающейся штриховкой, а также запунктиренными кружочками и бегущими спиралями (рис. 16–2). Длина топора 18 см, ширина лезвия 5,7 см.

[1] **О.М. Джапаридзе.** Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, М., 1953, стр. 285.

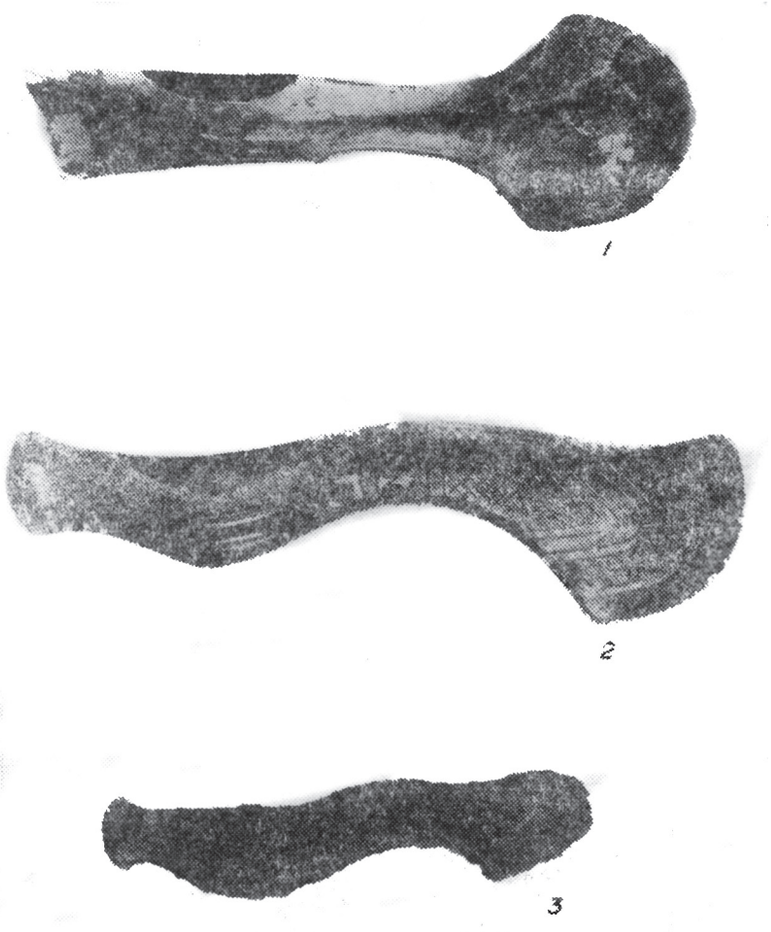

Рис. 16 – Бомборское погребение. Бронзовые (1, 2) и железный (3) топоры

Третий железный топор по форме напоминает вышеописанный, но меньших размеров (длина 11,9 см, ширина лезвия 3,1 см.).

Он коррозирован и лишен орнамента (рис. 16– 3).

К числу головных, шейных и нагрудных украшений относятся две маленькие подбиконические пронизи из спирально завитой трехгранной проволоки (рис. 17–1,3) и три крупных очковидных подвески из такой же проволоки с загнутой в виде петли средин-

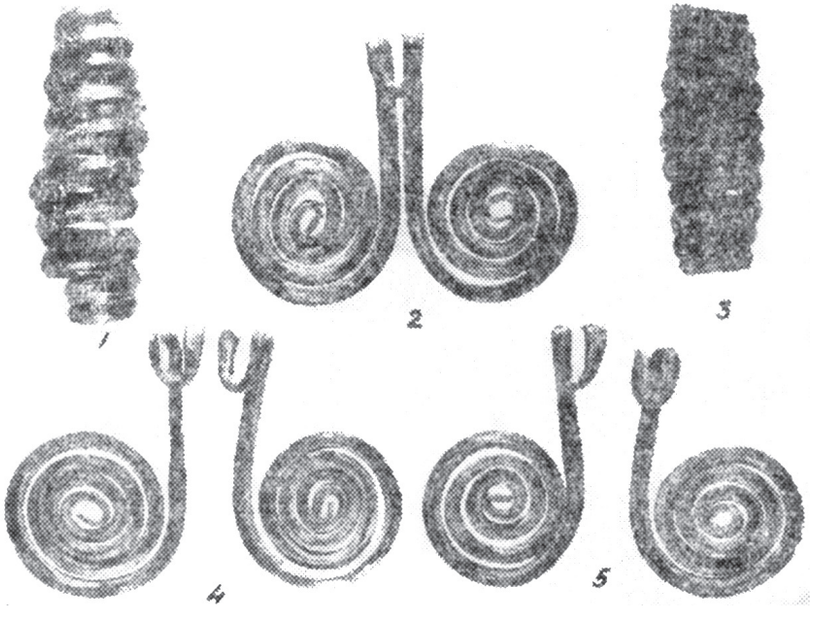

Рис. 17 – Бомборское погребение. Бронзовые пронизи и подвески

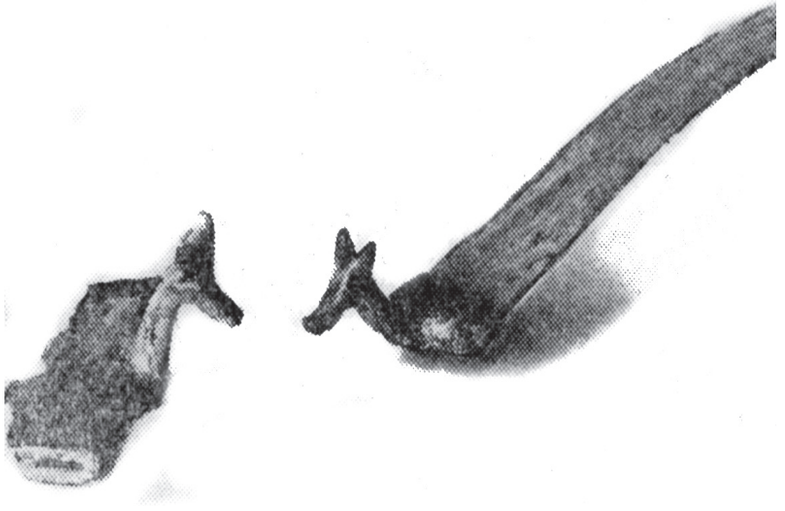

Рис. 18 – Бомборское погребение. Бронзовые пояса

Рис. 19 – Бомборское погребение. Бронзовые браслеты

ной частью (рис. 17–2, 4, 5). Эти предметы обычны для поздней кобанско-колхидской бронзы.

Кобанскими по происхождению являются обломки широких пластинчатых поясов-пряжек с зооморфными длинношеими ушастыми головками (рис. 18).

Обычны для кобанско-колхидской бронзы также 4 крупных (Д–9,5–11,5 см, толщина сечения 2,5–2,7 см) ножных браслета, изготовленных из полых округлых медных стержней с заполнителем (рис. 19).

Весь комплекс инвентаря Бомборского погребения не выходит за рамки поздней кобанско-колхидской бронзы и может быть датирован VIII–VII вв. до н. э.

Новая археологическая находка в Абхазии[1]

В феврале 1951 г. в сел. Колхида Гагрского района Абхазской АССР, в 300 м к северо-востоку от здания средней школы, случайно был найден железный кинжал в бронзовых ножнах (рис. 20).

В сентябре того же года, при осмотре места находки на склоне, который сильно размывается дождевыми водами, нами было обнаружено несколько фрагментов железных наконечников копий, обломки сосудов и остатки костей человека.

Кинжал (рис. 20–2) обломан в двух местах. Общая длина его 31 см, длина клинка 22,5 см, рукоятки 8,5 см. На рукоятке с обеих сторон имеется по два узких продольных паза, по-видимому для прикрепления планок, на вершине ее (в средней части) – продольный выступ (наполовину обломан), служивший для надевания навершья. Рукоятка заканчивается перекрестием в виде крыльев бабочки.

Концы перекрестия, общая ширина которого равна 5,1 см, выступают из-под рукоятки на 1,5 см, а по отношению к клинку – примерно на 1 см.

Клинок со срединным сильно выделяющимся с обеих сторон ребром; прямые лезвия, суживаясь к острию, придают оружию треугольную форму, характерную для кинжалов так называемого скифского типа.

Бронзовые ножны (рис. 20–3–5), благодаря высокому мастерству и художественности оформления, представляют большой научный интерес. Аналогичные изделия пока остаются неизвестными и в районах распространения колхидско-кобанской бронзы и на территории всего Кавказа.

Разломанные, как и кинжал, в двух местах ножны, длиной 28 см, имеют треугольную форму и заканчиваются овальным расширением, окантованным валиком. Валики с лицевой и тыльной

[1] Статья опубликована в КСИИМК, вып. 53, М., 1954, стр. 139–142.

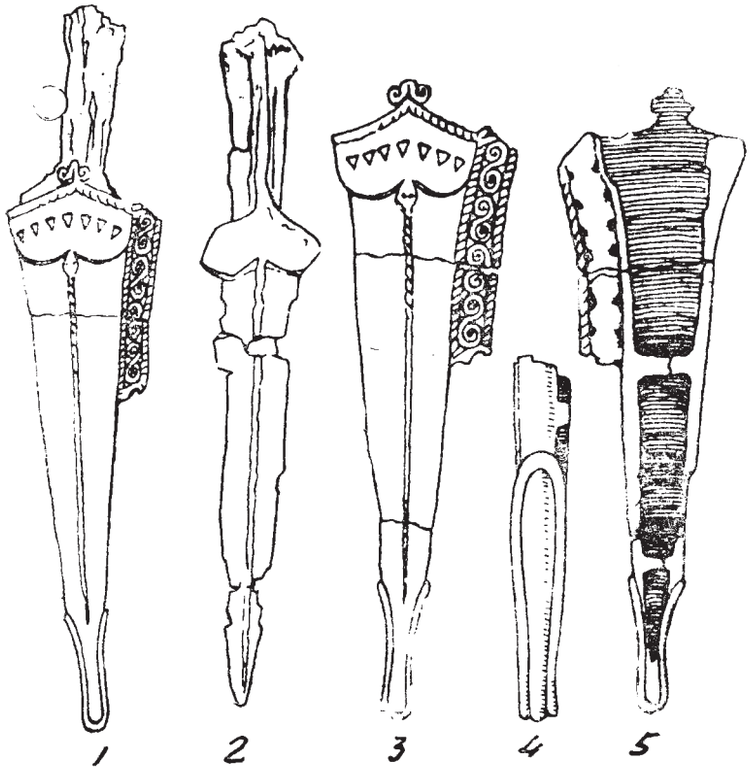

Рис. 20 – Железный кинжал в бронзовых ножнах из сел. Колхиды. 1 - кинжал в ножнах; 2 - тот же кинжал без ножен; 3 - лицевая и 5 - тыльная стороны ножен; 4 - боковой вид нижнего конца ножен

сторон сделаны в форме петель, а с боков (рис. 20-5) напоминают продолговатые листки.

Ножны богато и разнообразно орнаментированы. Широкое основание их украшено рельефным изображением, напоминающим раскрытые крылья бабочки как и на самом кинжале. Концы перекрестия (наибольшая ширина его 6,5 см, наименьшая – 5 см) выступают по бокам треугольных линий ножен до 6 мм. Верхний край перекрестия окантован рельефным витым шнуром; средняя часть, выдаваясь, заканчивается рельефным изображением очкообразной привески. По ширине средней части расположены в

один ряд семь треугольных углублений, по-видимому, заполненных ранее какой-нибудь цветной массой. Треугольники – равнобедренные, обращенные вершинами вниз. По оси ножен расположена рельефная полоска с поперечными насечками, имеющая ромбовидную головку, которая упирается вершиной в вырез нижней части перекрестия ножен. На этой головке маленькими ямочками, расположенными симметрично, обозначены два глаза. Рельефная полоска, постепенно суживающаяся к концу и завершенная ромбовидной головкой с глазками на ней, напоминает змею.

К правому боку ножен прикреплена пластинка шириной в 2 см и длиной 10 см; вдоль нее посередине расположены четыре одинаковые, соприкасающиеся друг с другом рельефно выделенные спирали, обрамленные с двух сторон продольным рельефным кантом, похожим на витой шнур.

Боковые края ножен, загнутые в тыльную сторону на 0,5 см, образуют почти по всей длине просвет в форме равнобедренного треугольника, высотой 24 см и с основанием в 4,5 см. Загнутые края в трех местах переходят в узкие, сходящиеся на середине пластинчатые полоски различной ширины, из которых самая верхняя обломана. Эти края и поперечные полоски служили, несомненно, для закрепления в просвете деревянной вставки.

Ножны покрыты зеленой патиной. В результате окисления поверхности некоторая часть орнамента разрушена.

Изучение орнамента на ножнах – треугольные углубления, изображение змеи, спиралей и др. – дает возможность отнести их к образцам колхидской бронзы. Такой вывод подкрепляется тем, что все указанные виды орнаментации встречаются в орнаментах и рисунках на топорах, кинжалах, поясных пряжках и на других изделиях колхидско-кобанской бронзы[1].

Изображенные на ножнах спирали и змея, по всей вероятности, имели религиозное, символическое значение.

На топорах колхидского (кобанского) типа часто встречаются подобные изображения, причем иногда находим фигуру человека, вооруженного луком и стрелой, который борется с семью змеями. Интерес этого изображения заключается в том, что оно связы-

[1] **Г. К. Ниорадзе.** Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949. стр 187, рис. 3; **П. С. Уварова.** Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. IV, 4; V, 1; VIII, 2; XI, 1. XIV, 6 XIX,4; XXXIX, I.

вается с народными сказаниями «о змееборцах», сохранившимися повсеместно в народных верованиях и литературе[1]. У осетин, например, сохранилось «Сказание о змее-чудовище Руймоне, рожденном от оленя»[2]. Можно полагать, что спирали, украшающие ножны, являются символическими изображениями свернувшихся змей. Это не значит, что всегда спиральный орнамент можно принимать за символические изображения змея. Спирали применялись, конечно, и в качестве простого декоративного украшения.

Вопрос о датировке этой археологической находки в Абхазии может быть разрешен на основании типологического анализа. Тип оружия, к которому можно отнести найденный железный кинжал, в скифское время имел широкое распространение. В Грузии раскопками в 1944 г. Горийского музея у с. Двани Карельского р-на, в погребении № 2, встречен железный кинжал[3], аналогичный описанному нами. В этом же погребении обнаружены: железный топор-молоток, бронзовые трехгранные наконечники стрел раннескифского типа. Последнее погребение датируется концом VII или началом VI вв. до н. э.

Железные кинжалы такого же типа обнаружены при археологических работах в Самтаврском могильнике около г. Мцхета.

В 1939 г. там в грунтовом погребении № 27 найден железный кинжал[4], вполне сходный с нашим. Вместе с ним в погребении находился небольшой серповидный железный нож, железный топор с клиновидным обухом и двадцать бронзовых наконечников стрел скифского типа, часть которых имела боковой шип. Подобные железные кинжалы, к сожалению, еще не опубликованные, обнаружены и в других грунтовых погребениях Самтаврского могильника (раскопки А. Н. Каландадзе).

Железный кинжал, сходный с найденным в сел. Колхида, обнаружен и в Сухуми в 1951 г. в связи с земляными работами на Сухумской горе. Вместе с этим предметом здесь встречен длинный четырехгранный железный наконечник копья, железный топор

1 **П. С. Уварова.** Указ. соч., стр. 22.

2 Там же.

3 **С. И. Макалатия.** Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225, рис. 4–1.

4 **Б.Б. Пиотровский**. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 308.

типа секиры-молотка и другие вещи[1] датируемые приблизительно V–III вв. до н. э.

За пределами Грузии оружие рассматриваемого типа хорошо известно из скифских погребений юга России. В. Гинтерс в работе о скифских и сарматских мечах в южной России[2] датирует кинжалы интересующего нас типа (короткие мечи из Мельгуновского клада, Келермеса и Елизаветовской станицы в устье Дона) VI в. до н.э.

Особое внимание обращает на себя замечательный железный кинжал, обнаруженный в окрестностях гор. Вольска (близ Саратова), имеющий близкое сходство с гагрским[3].

Приведенные данные свидетельствуют, что еще в VI в до н. э. кинжалы рассматриваемого типа, как колющее оружие ближнего боя, применялись на большой территории

В интересующее нас время скифы Северного Кавказа значительную часть железа получали из Закавказья. Нередкие находки в Грузии железных кинжалов так называемого скифского типа дают основание ставить вопрос *о* местном производстве таких кинжалов. Вопрос же, на какой территории их начали изготовлять впервые, в Скифии или в Закавказье, нельзя считать пока решенным.

Находка в Абхазии железного кинжала в колхидских бронзовых ножнах - факт большой научной ценности. Она может служить ярким доказательством связей Кавказа со Скифией и имеет определенное значение для уточнения датировки памятников колхидско-кобанской бронзы позднейшего времени. Анализ абхазской находки дополняет выводы, обоснованные богатыми материалами Куланурхвского могильника (Абхазская АССР)[4], где в одном культурном слое были обнаружены колхидские и «скифские» погребения с однотипным обрядом захоронения.

1 Находки хранятся в Гос. музее Абхазии им. Д. И. Гулиа.

2 **W. Ginters.** Das schwert der skythen und sarmaten in Südrussland Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 2, r. 1, Berlin. 1928.

3 **Н.В. Трубникова.** Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.

4 **М. М. Трапш.** Куланурхвский древний могильник (автореферат кандидатской диссертации). Сухуми, 1951, стр. 4-5 и 14.

Находка в сел. Колхида и материалы Куланурхвского могильника подкрепляют положение, высказанное Е. И. Крупновым[1], что основную массу позднейших колхидско-кобанского типа памятников Грузии и центральной части Северного Кавказа можно синхронизировать со скифским временем, т. е. VII–IV вв. до н. э.

[1] **Е. И. Крупнов.** К вопросу о хронологии кобанской культуры. Уч. Зап. Кабардинского н.-и. ин-та, т. I, Нальчик, 1946, стр. 158.'

Список сокращении по I тому

АбИЯЛИ	– Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
АбНИИ	– Абхазский научно-исследовательский институт.
АбНО	– Абхазское научное общество.
АГМ	– Абхазский государственный музей.
БКИЧП	– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ГАИМАК	– Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ИАК	– Известия археологической комиссии.
ИИРГО	– Известия Имп. Российского Географического общества.
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МАА	– Материалы по археологии Абхазии.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа.
МИА	– Материалы по археологии СССР.
ОАК	– Отчеты археологической комиссии.
ОИПК	– Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	– Советская археология.
ТГУ	– Тбилисский государственный университет.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамишвили Р. Л. 139
Абрскил 162
Аветисян Л. С. 212
Адзинба И. Е. 55
Айтар 133
Аникет 89
Анчабадзе З. В. 25, 45, 63
Апакидзе А. М. 9, 26, 48, 51
Аракелян Б.Н. 26
Арджения Л. 198
Арриан 33, 87, 92
Артаг 86
Артамонова-Полтавцева О. А. 146, 149
Артемидор Эфесский 83
Аутлев П. У. 26
Байерн Ф. 172
Бакрадзе 31, 35, 102
Башкиров А. С. 20, 47, 55
Бгажба О. Х. 27
Бердзенишвили Н. З. 37
Бжания В. В. 27, 40, 42, 56
Блаватский В. Д. 15
Бобринский А. А. 146, 147, 155, 159
Броссе 31, 102
Вахушти 103
Введенский А. Н. 34
Векилова Е. А. 37
Веселовский Н. И. 141, 155, 156, 157
Воронова А. И. 11
Вороновы 23
Воронов Ю. Н. 11, 46, 52
Гвачвалия А. И. 193
Гвачвалия Р. И. 191, 193, 195
Гекатей Милетский 91
Гермес-Меркурий 50
Геродот 19
Гзелишвили И. А. 23
Гобеджишвили Г. Ф. 143, 145, 147, 148, 149, 168
Голенко К. В. 26
Граков Б. Н. 152
Гинтерс 221
Гумба М.М. 11, 27, 52, 207
Громов В. И. 37
Гулиа Д.И. 36
Гумилевский Н. И. 37, 38, 40, 41
Гуммель Я. И. 167
Гунда 162
Демехин А. II. 37
Деопик (Ковалевская) В. Б.52
Джавахишвили И. А. 37, 14, 139
Джанашиа И.С. 73
Джанашиа С. Н. 47, 104, 133, 134, 139, 162
Джапаридзе О. М. 26, 42, 43, 72, 99, 108,131, 132, 180, 196, 197, 199, 205, 209, 210, 212, 217, 214
Дзидзария Г. А. 9
Дитлер Ш А. 26
Долбежев В. И.
Дюбуа де Монпере Ф. 31, 102
Егоров Н. М.202
Ельницкий Л. А. 54
Замятнин С. Н. 37, 63
Званба С.Т. 32, 103
Зухба Г. 198
Ивановский А. А. 167
Иващенко М. М. 42, 43, 47, 55, 104, 106, 136, 152, 164, 169, 176, 179, 180, 196
Иессен А. А. 15, 26, 73, 92, 105, 107 110, 126, 141, 142, 143, 145, 148, 149, 155, 156, 157, 158, 185, 189, 197, 199, 200, 204, 202, 205, 210
Ильинская В.А. 144, 145
Инал-Ипа Ш. Д. 9, 25, 26, 27, 56, 63, 161, 162, 164
Кавелин (арх. Леонид) 31
Казиев С. М. 154
Каландадзе А. Н. 20, 27, 45, 108, 152, 1778, 179, 202, 220
Капошина С. И. 174
Кардава Д. 207
Каухчишвили Т. С. 50, 88
Кация А. К. 58, 207
Кварчелия В. 198
Ковалевская В. Б. 26
Комаров А. В. 32
Контено Г. 135
Коридзе Д. Л. 197, 198, 199
Коробков И. И. 37, 38
Крайнов Д. А. 38
Крупнов Е.И. 26, 99, 110, 141, 144, 145, 148, 149, 155, 156, 172, 174, 184, 185, 188, 197, 210, 222
Кудрявцев К. 36
Куфтин Б. А. 42, 69, 107, 135, 136, 140, 146, 149, 153, 155, 168, 169, 172, 176, 178, 179, 180, 182, 186
Лавров Л.И. 43
Лалаян Е.И. 167
Ламберти 103
Лаппо-Данилевский А. 157
Латышев В.В. 75, 79, 82, 83, 87, 89, 92
Леквинадзе В. А. 56
Леммлейн Г.Г. 175, 176, 177
Либеров П.Д. 157
Лордкипанидзе О.Д. 51, 56
Лукин А.Л. 33, 39, 42, 43, 67, 104, 105, 106, 129, 132, 136, 137, 165, 168, 169, 170, 175, 177, 178, 180, 200
Любин В. И. 37, 38
Мазараки С. А. 144, 158, 159
Макалатия С. И. 126, 143, 146, 150, 220
Манданян Я. А. 188
Марковин В. В. 196, 202
Мартиросян А. А. 26, 146, 149, 167, 168, 179
Мачавариани К. Д. 34
Меликишвили Г. А. 76
Меликсет-Бек Л. Л. 54
Мельниковская О. Н. 147
Мещанинов И. И. 107, 136
Минкевич-Мустафаева Н. В. 167
Миллер А. А. 32, 33, 102, 103, 133
Мирчинк Г. Ф. 37
Митридат 86
Мовчан 20
Морган Ж. 149
Муравьев 31, 102
Мусхелишвили 101
Навуходоносор 154
Ниорадзе Г. К. 15, 140, 141, 219
Одынец 21
Орелкин В. С 11, 27, 52, 56, 58, 191
Павлинов 31, 35
Паничкина М. 37
Пачулиа В. П. 14, 25, 26, 46, 56, 58, 191, 207
Петров Б. Ф. 169
Пиотровский Б. Б. 15, 26, 110, 126, 141, 143, 147, 149, 154, 156, 169, 176, 184, 220
Плиний Секунд 86, 89

Помпей 86
Похитонов Е. 26
Прушевская Е. О. 156
Псевдо-Скилак Кариандский 91
Рабинович Б. 152, 155
Rau P. 152
Роговцев А.Д. 27
Ростовцев М. 33, 27, 157
Саджая Г. 207
Самоквасов Д.А. 144
Сардарьян С.А. 37
Сасрыква 161, 164
Сизов В.И. 31, 32, 33, 46, 102
Скасырский В. И. 51
Смирнов К.Ф. 157
Соловьев Б.Л. 39
Соловьев Л.Н. 35, 37, 38, 9, 11, 14, 18, 20, 25, 27, 39, 40, 41, 42, 45, 50, 55, 56, 67, 68, 75, 107
Спицын А.А. 157
Страбон 25, 79, 82, 83
Стражев В.И. 42, 43, 104
Тарасов А. П. 213
Тереножкин А.И. 26
Тимосфен 86
Трапш В. Г. 11
Трапш М. М. 31, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24,25, 26, 27, 28, 43, 44, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 63, 101, 108, 109, 139, 143, 146, 148, 150, 186, 191, 196, 199, 207, 221
Трапш М. Ш. 13
Трубникова Н. В. 221
Турчанинов Г. Ф. 26
Трапш Д.М. 45
Тиглатпаласар 76
Тигран II 86
Уварова П. С. 31, 33, 35, 102, 131, 133, 144, 161, 167, 169, 170, 172, 174, 199, 200, 204, 220
Уваровы 31
Фадеев А. В. 36
Хагба М. 210
Халиков А. Х. 9, 11, 26
Ханенко Б. Н. и В. И. 144, 149
Хважарпыс 161, 162
Хварцкия Д. 105, 137
Хвойко В. В. 144
Церетели Л. Д. 38
Циколия М. 191
Чернявский В. И. 33, 103, 104
Читая Г. С. 153
Шамба Г. К. 11, 27, 52
Шамотульский А. И. 43
Шанцер Е. В. 37
Шария В. 207
Шульц Д. Г. 156, 158
Юровский 20
Шервашидзе Л.А. 10, 20, 25, 27, 50, 51, 56, 57, 58
Дженна 14

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акинак 144, 146, 186
Амфора 31, 51, 81, 85, 88, 174
Базилика 95
Баня 88
Башня 50, 51, 56, 87
Блюдо 95
Бляшка 73, 85, 176
Браслет 70, 71, 72, 77, 82, 85, 94, 108, 109, 112, 114, 118, 119, 121, 125, 127, 138, 140, 153, 159, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 171, 178, 181, 183, 184, 187, 189, 216
Булавка 71, 72, 82, 85, 94, 109, 114, 120, 121, 160, 163, 175, 185
Бусы 52, 71, 77, 82, 105, 106, 109, 114, 115, 116, 118, 119, 125, 127, 153, 155, 159, 163, 166, 167, 169, 171, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182
Ваза родосская 156
Виноградарство 84
Вкладыш 68
Вторичное захоронение 42, 44, 106, 189
Городище 147, 149
Горшок 41, 85, 125, 127, 128, 137, 193, 195
Гребень 118, 119, 160, 166, 182
Гривна 82, 85, 114, 117, 119, 123, 124, 137, 167, 173
Гроб 103
Грот 37, 38, 41, 43
Грузило 18, 40, 68
Долото 67
Дольмен 31, 42, 43, 69,70
Дротик 68, 72
Земледелие 40, 66, 68
Зеркало 127, 143, 155, 159
Зернотерка 67, 68
Игла 68
Камары 69
Каменный ящик 154, 167, 172
Керамика 18, 56, 67, 75, 81, 85, 102, 11, 120, 128, 129, 193
Кинжал 71, 82, 85, 107, 109, 123, 124, 129, 136, 137, 139, 147, 148, 173, 185, 217, 218, 219, 220, 221
Кирпич 51
Клад 20, 70, 107, 139, 140, 142, 173, 185, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204 205, 206
Колечко (кольцо) 121, 127, 143, 155
Колокольчик 94, 108, 177
Конь 52, 71, 77, 84, 87, 95, 122, 125, 143, 153, 157, 158
Кость 68, 84, 114, 115, 118, 119, 120, 123, 125, 137, 152, 153, 157, 158, 177, 217
Копья, наконечник 70, 71, 109, 110, 129, 136, 137, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 153, 157, 167, 172, 173, 181, 185, 217, 22
Краснолаковая посуда 32, 47, 50, 8
Крепость (укрепление) 21, 22, 26, 45, 46, 50, 51, 56, 57, 58, 59, 86, 87, 95

Крестик 54
Крестовидный предмет 121
Кружка 74, 85, 140, 186
Крюк 70
Кувшин 42, 74, 137
Курган 141, 144, 145, 155, 158, 159, 160, 184, 186
Литейная форма 142
Лук 66, 219
Матриархат 65, 67
Меч 82, 139, 142, 153, 175, 221
Медальон 54
Медеплавильня 45
Металлургия 69, 73, 74, 84, 85, 108, 145, 148, 191, 207, 209
Микролит 39
Могильник 13, 14, 17, 18. 19, 31, 43, 46, 52, 53, 70, 71, 77, 101, 102, 103, 109, 114, 129, 130, 136, 137, 139, 144, 145, 146, 148, 149, 152, 164, 166, 168, 172, 174, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 221
Мозаика 51, 54, 95
Монета 32, 48, 51, 77, 80, 82, 83, 88
Мотыга 41, 67, 68, 72, 182, 207
Музей 27, 33, 58, 103, 104
Набалдашник 153
Некрополь 9, 10, 18, 22, 27, 44, 54, 99, 110, 113, 125, 137, 146, 183, 185, 186, 188
Нож 69, 123, 124, 125, 129, 137, 146, 147, 173, 181, 185, 186
Ножные кольца 105, 112, 140, 217
Община 65
Орудие 37, 38, 39, 40
Остроконечник 65
Отвес 85, 87
Отщеп 63
Охота 41, 66
Панцирь 44, 109, 146
Патриархат 70, 74
Перстень 77, 82, 85, 95
Пест 67
Печь 22
Пещера 37, 38, 63, 65
Пинцет 127, 139, 153, 160, 181, 182
Пифос 57
Пластина (пластинка) 66, 120, 121, 131, 132, 163, 195, 219
Племя 70
Плита 33, 49, 94
Плуг 78
Погребение 17, 18, 19, 31, 32, 42, 43, 44, 52, 56, 77, 81, 101, 105, 106, 108, 109, 113, 114, 115, 136, 139, 141, 148, 153, 154, 161, 169, 170, 179, 180, 188, 212, 213, 214, 217, 220, 221
Подвеска (привеска) 117, 120, 132, 159, 162, 163, 166, 171, 172, 174, 177, 188, 213, 215, 217
Поливная посуда 50, 57
Полуземлянка 39, 67
Поселение 17, 20, 25, 26, 40, 42, 46, 53, 69
Пояс 120, 125, 130, 160, 166, 180, 213, 215, 216
Проколка 67
Пронизь 109, 114, 116, 159, 162, 163, 169, 170, 171, 175, 213, 215, 217
Пряжка 71 72, 105, 111, 112, 214, 118, 130, 160, 166, 180, 213, 219
Пряслице 18, 85
Псалий 71, 122, 142, 157, 158, 159, 160, 181, 186, 187
Рабы 79, 80, 83, 89
Раковина каури 153
Резец 66, 67
Род 65, 70
Рубило 63
Румяна 155
Рыболовство 66.
Сбруя 52, 71, 100, 126
Сверло 67
Светильник 50, 87
Серп 84, 195, 207
Серьга 71, 82, 120, 121, 155, 171, 178
Скобель 66
Скотоводство 40, 41, 67, 68, 73, 77, 78, 84
Скребло 65
Скребок 66, 67
Слиток 191, 193, 196, 207, 208, 209
Солеварня 18, 53, 54, 75, 86
Сосуд 69, 85, 105, 109, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 136, 140, 141, 170, 184, 193, 217
Сошник 84, 85
Спираль 115, 121, 125, 131, 167, 168, 174
Стеклянная посуда 52
Стела 21, 49
Стиль 53
Стрела 38, 39, 63, 123, 124, 125, 129, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 173, 174, 175, 181, 186, 187, 219, 220
Стоянка 38, 39, 63, 65, 69
Тесло 66, 72
Ткачество 74, 75, 76, 78, 80, 81, 85
Топор 18, 19, 52, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 82, 85, 104, 105, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 116, 118, 123, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 145, 153, 164, 167, 173, 173, 181, 183, 184, 185, 188, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 219, 220
Трупоположение 42, 107, 108, 189
Трупосожжение (кремация) 20, 44, 45, 108, 109, 189
Укрепление 89, 95
Фактория 54, 83
Фибула 52, 71, 72, 85, 108, 109, 120, 121, 123, 124, 159, 170, 171, 172, 173, 175, 177, 182, 188
Фигурка животного 118, 120, 121, 123, 160, 161, 162, 184
Фрески 55, 58
Холм жилой 42, 45
Храм 35, 45, 47, 54, 55, 56, 57, 95
Цепочка 106, 120, 121, 124, 127, 147, 153, 159, 163, 171, 172, 187
Цилиндр-печать 135, 170, 176
Чаша 74
Череп 39, 116, 117, 120, 122, 123, 124, 174
Чернолаковая посуда 21, 31, 50, 56, 77, 83, 84, 85
Шило 18, 67
Щит 52

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

Аагстинское погребение 105, 111, 132, 137, 170, 180, 188
Абхазская стена 55
Ажюгра, грот 41
Акапский храм 58
Аксютинцы, курганы 142, 158
Амзарский храм 58
Амткельский грот 37, 41
Анакопия 10, 25, 55, 56
Ани-ирзо, могильник 149
Античность (античная эпоха) 9, 10, 20, 55, 77, 83, 84, 92, 94
Анухвская стоянка 38, 63
Апианча, стоянка 55
Ахаччархва, могильник 149
Ахтала, могильник 210
Ачандара, могильник 37, 63, 64
Ашель 37, 63 64
Багада – Ахапы Багад-Хапы, грот 41
Бамборская поляна, могильник 168, 177, 178, 213, 214, 215, 216, 217
Бешташенский могильник 140, 146, 149
Бзыбский храм 58
Боргустанский клад 202
Бойеи-ирзо, могильник 149
Большая Воронцовская пещера 41, 42, 43
Брильский могильник 143, 147, 148, 172, 184
Бронзовый век (эпоха) 9, 16, 18, 19, 31, 32, 35, 42, 43, 53, 70, 104, 107, 191
Бырцха, стоянка 63
Ванское царство 154
Верещагинский холм 45
Верхний палеолит 65
Верхняя Эшера, могильник 212
Волковцы, курганы 144
Вороновская церковь 58
Гагрская пещера 41
Гагрский клад 70
Гали, стоянка 63
Галущино, городище 149
Гальский клад 10, 20, 191, 192, 194, 196
Гвард, стоянка 63
Герасимовка, курганы 158
Глинище, курганы 155
Головино, могильник 146
Греко-римская культура 22, 48,49
Гуад-иху, могильник 10, 17, 20, 22, 44, 82, 84, 94
Гумистинское поселение 42
Гюэнос 83
Дарьевка, курганы 146
Дванский могильник 126, 143, 146, 220
Диоскурия 10, 22, 23, 47, 52, 53, 78, 81, 82, 83, 86, 87, 102, 103
Доланлар, могильник 167
Долинский могильник 147
Дольменная культура 42, 43, 102, 180
Жаботинский курган 141, 184
Жемталинский клад 141, 145
Замок Баграта 10, 25, 57
Заюково, могильник 169
Звандрипш, могильник 212
Иверская гора 25, 55, 56
Илорский храм 58
Исти-су, могильник 146, 149
Кавказские дольмены 31
Казбегский клад 176, 178
Каманский грот 43
Каменномостский могильник 149
Каменный век 35
Кармир-Блур 16, 147, 154, 176, 185
Кашкатау, могилышк 144
Квачара, грот 38
Квишарский клад 140, 180, 219
Келермесские курганы 141, 156, 157, 158, 184, 185
Кеп-Богаз, грот 38
Кистрик 39, 66, 67
Кобано-колхидская общность (культура) 15, 18, 19, 69, 70, 100, 101, 119, 161
Кобанская культура 186, 197, 198, 205, 210, 219, 221
Кобанский могильник 32, 43, 71, 72, 99, 104, 107, 110, 115, 178, 184
Колхида, могильник 217, 218, 221
Колхида, стоянка 63
Колхидская культура 17, 19, 20, 43, 70, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 129, 185, 186, 188, 195, 202, 213, 214, 219
Колхидское царство 77
Костромская, курганы 158
Красный Маяк, могильник 10, 18, 19, 44, 45, 49, 53. 150, 125, 126, 137, 138, 145
Куланурхвский могильник 10, 14, 16, 18, 20, 42, 70, 71, 99, 1000, 101, 110, 111, 112, 113, 104, 106, 107, 109, 111, 112, 114, 115, 141, 145, 157, 163, 184, 185, 186, 187, 188, 188, 189, 221
Кумбулта, могильник 170
Кутол, могильник 212
Куро-араксинский энеолит 141, 146, 169, 170, 183
Лапста, могильник 41
Лечхумский клад 141, 169, 182, 184, 203
Луговой могильник 149
Лыхненский клад 10, 21, 70, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 210
Лыхненский храм 35, 57, 58
Майкопская плита 26
Малаклю, могильник 146, 170, 178, 185
Малая Воронцовская пещера 38
Маралын-дереси, могильник 172, 182
Мармал-абаа, храм 58
Мачарское поселение 42
Мельгуновский 221
Мезолит 31, 38, 39, 40, 65, 66
Мингечаур, могильник 154
Мирзик, могильник 147
Михайловская пещера 43
Моздокский могильник 126, 143
Моквский храм 35, 57
Мсыгхвинский храм 58
Мусиери, могильник 148, 154
Мустьерская эпоха (культура) 64, 65,
Неолит 39, 42, 43, 57, 65, 66
Нестеровский могильник 144, 145, 150, 155, 172, 174
Нижне-Шиловское поселение 40, 66
Новочеркасский клад 141, 185
Одинец, башня 22, 50, 87
Ольвия, могильник 174, 175

Отап, стоянка 63
Очамчирская культура 42, 43, 45
Очамчирский клад 10, 20, 207, 208, 209, 213
Очамчирское поселение 42, 45, 46, 69
Палеолит 26, 31, 41, 32, 39, 55, 63, 64, 65
Первобытное общество 35
Питиунт 25, 48, 72, 80, 82, 86, 87, 90, 95
Пицундскнй клад 70, 200, 203
Пицундский храм 35, 55, 57 95
Позднеантичная эпоха 21, 24, 50, 51, 54
Поздяя бронза 18, 29, 45, 49, 102, 129, 160
Поля погребений 24, 49
Прикубанская культура 22, 43, 196, 200
Пседахский могильник 144
Пшаури храм 58
Раннеантичная эпоха 25, 54
Раннее железо 9, 15, 16, 17, 43, 45, 54, 70, 102
Раняя бронза 26, 45
Римская империя 25, 52
Рутха могильник 172
Самтаврский могильник 126, 133, 139, 143, 146, 148, 152, 172, 178, 179, 221
Себастополис 10, 16, 22, 24, 46, 50, 51, 53, 86, 90, 92
Северо-Кавказская культура 195
Скифская культура 6, 18, 43, 71, 99, 100, 101, 149, 156, 157, 182, 184, 187, 222
Смела, курганы 146, 158
Средневековье 9, 15, 26, 27, 50, 54, 56, 57, 191
Средняя бронза 43, 45
Старшая Могила 149, 150
Сухуми, стоянка 69
Сухумская гора, могильник 17, 19, 49, 54
Сухумская крепость 21, 47, 55, 51, 95
Сухумская надпись 33
Сухумская стела 21, 29, 94
Тайшебаини 132
Так-Килисинский могильник 148
Тамышское поселение 42, 44
Триглит 83
Триполье, курганы 144
Ульский курган 157
Холодный грот 65
Христианство 24, 29, 52
Хртаноц, могильник 146, 148, 164, 165, 176
Хупына, грот 39, 40, 65
Царчейская крепость 58
Цебельдинская культура 28
Цебельдинские некрополи 9, 10, 16, 52, 53
Цинцкаройский могильник 37
Цицамури могильник 152
Цукур-лиман могильник 154, 182
Цхелкари, храм 58
Чми, могильник 169, 171
Чубурисхинджи, стоянка 65
Шайтан-тага, могильник 148
Шандра, курганы 146
Шелль 38, 63
Шулейка, курганы 143
Энеолит 17, 18, 27, 28, 40, 42
Эшера, стоянка 63
Эшерские дольмены 42, 66, 67
Эшерский могильник 136, 162, 167

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Трапш и переиздание его трудов по археологии Абхазии и Кавказа ... 3
От редакционной коллегии ... 9
М. М. ТРАПШ (1917–1968) ... 13

Часть первая
Археологические памятники Абхазии, их изучение и охрана ... 29
Археология Абхазии до 1921 г. ... 31
Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти ... 35

Часть вторая
Первобытнообщинный строй и рабовладельческие отношения на территории Абхазии ... 61
Первобытнообщинный строй ... 63
Абхазия в античную эпоху ... 77

Часть третья
Памятники колхидской культуры в Абхазии ... 97

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР ... 99

Глава I
История изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии ... 102

Глава II
Раскопки Куланурхвского некрополя ... 111

Глава III
Инвентарь Куланурхвского некрополя 128
1. Керамика 128
2. Предметы вооружения 129
3. Принадлежности конской сбруи 157
4. Предметы украшения, одежды и принадлежности туалета ... 159

ГЛАВА IV
Значение Куланурхвского некрополя и вопрос его датировки 183

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
Отдельные клады и находки 191
Клад в городе Гали 191
Лыхненский клад бронзовых топоров 196
Очамчирский клад меднолитейщика 207
Новые находки бронзовых топоров кобанско-колхидского типа 210
Бомборское (Гудаутское) погребение 213
Новая археологическая находка в Абхазии 217

Список сокращений по I тому 223

Именной указатель 224

М. М. ТРАПШ

ТРУДЫ

•

в пяти томах

том I

Корректор **Л.М. Чкок**
Компьютерный набор **К.Е. Бутба**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**
Технический редактор **Н.Г. Гунба**

Формат 60х90 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 14,75.
Заказ №47.
Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.